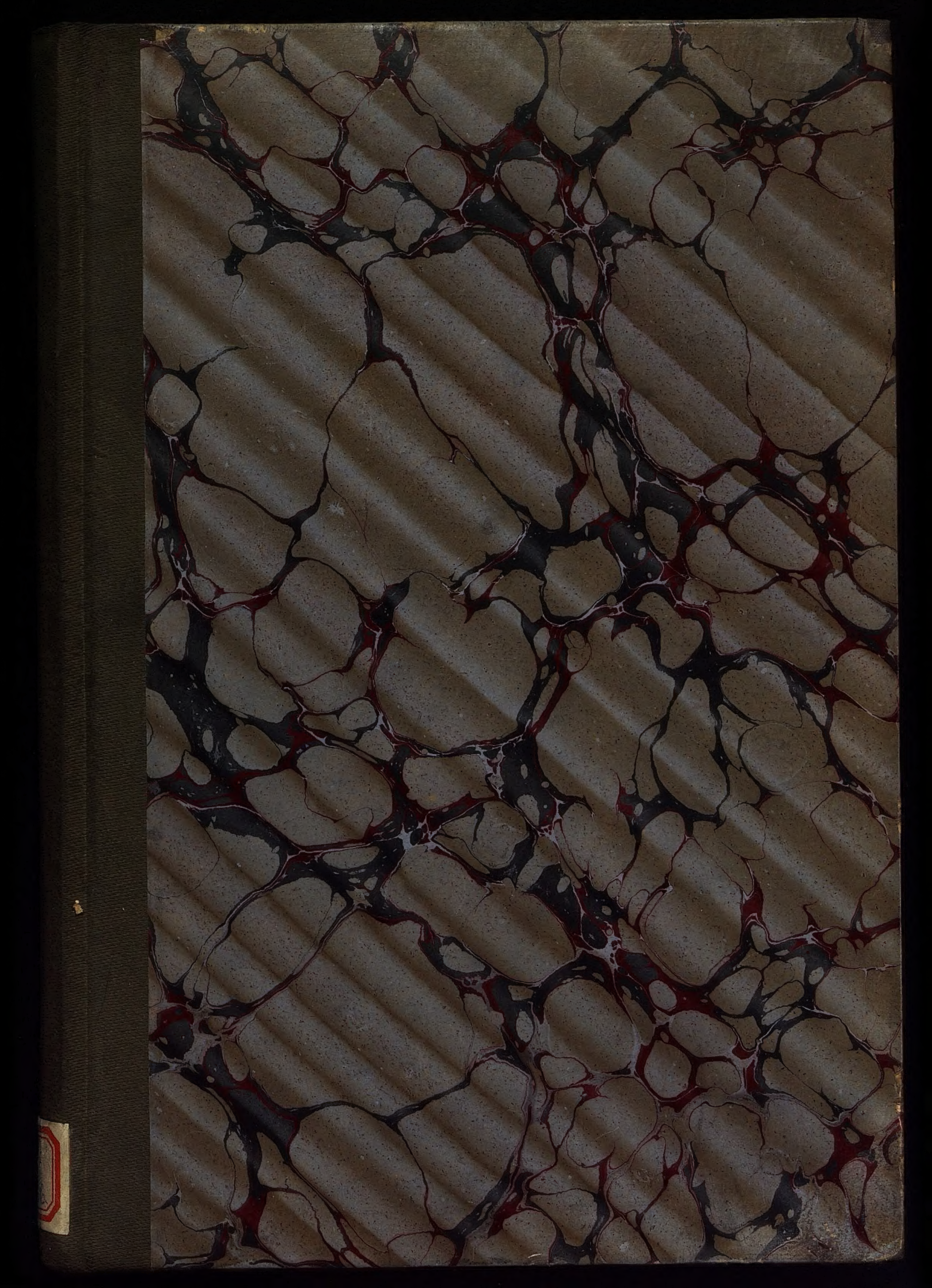

Высшие Женские Курсы.

Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Лекціи профессора

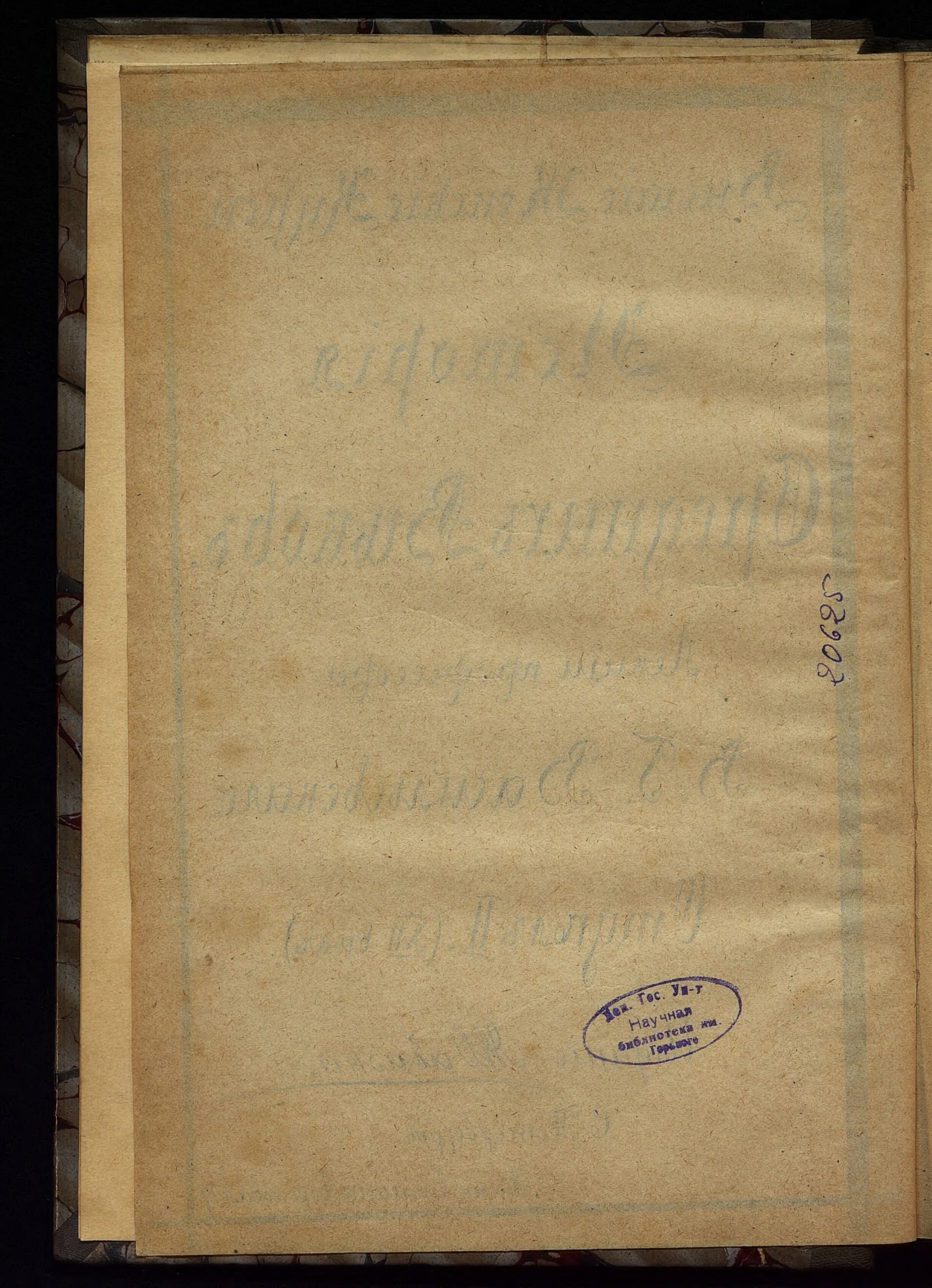
В. Г. Васильевскаго.

Отдѣлъ II. (XII вѣкъ).

Изданіе Жабина.

С. Петербургъ.

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

20625

Высшие Женские Курсы

Программа лекций по Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Отдѣлъ II.

XI вѣкъ.

С. Петербургъ.

Изд. Жабиной.

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

1. Введенiе. Противоположность мiровъ Романо-Германскаго и Греко-Славянскаго. Двѣ различныя области культуры, языка, религiи. Этнографическое различiе. Характеръ водворенiя пришлыхъ элементовъ въ мiръ Римскiй и въ мiръ Греческiй: Германцы и Славяне.
2. Результаты тѣхъ и другихъ поселенiй. Измѣненiе экономическаго и соцiальнаго строя въ Западной Имперiи съ приходомъ Германцевъ. Общинное землевладѣнiе на Востокѣ. Сословiе „магнатовъ" на Западѣ и „властелей" на Востокѣ.
3. Борьба императоровъ Македонскаго дома противъ „властелей". Новелла Романа Лакапина въ защиту „убогихъ". Василiй II Болгаробойца и его мѣры въ этомъ же направленiи. Расширенiе церковныхъ имуществъ на счетъ крестьянскихъ участковъ. Противодѣйствiе этому со стороны государственной власти.
4. Исламизмъ. Причины, подготовившiя принятiе его на Востокѣ. Магометъ; бiографiя и дѣятельность его.
5. Характеристика ученiя Магомета. Коранъ; разборъ его со стороны внѣшней формы и внутренняго содержанiя.
6. Сущность исламизма. Отношенiе

его къ первоначальной религіи Арабовъ. „Милла Авраама“. Моноѳеизмъ.

7. Исламизмъ, какъ самостоятельное твореніе Магомета. Мнѣніе Ренана. Религіозный протестъ Магомета и реформа современной ему религіи Арабовъ. Претензіи на универсальность новой религіи.

8. Недостатки исламизма. Секты, возникшія на почвѣ его. Суфизмъ. Мутазилитизмъ.

9. Отношеніе исламизма къ наукѣ. Мнѣніе Литтре.

10. Состояніе арабской науки въ VIII и IX вв. Успѣхи арабовъ въ наукахъ точныхъ, въ области химіи и медицины. Различіе между цивилизацией Запада и Востока. Полигамія и алфавитъ, какъ препятствія къ развитію арабской науки. Теорія проф. Куторги.

11. Полигамія въ древнемъ арабскомъ обществѣ. Отношеніе новой религіи къ этому обычаю. Разводъ.

12. Политическій обзоръ арабскаго халифата. Его теократическій характеръ. Первые халифы. Омайяды. Аббасиды. Возникновеніе самостоятельныхъ династій. Турецкая гвардія. Борьба съ христіанскимъ міромъ. Турки Сельджуки.

13. Обзоръ состоянія Восточной Римской имперіи въ XI вѣкѣ. Греческое

вліяніе въ южной Италіи. Первое появленіе Норманновъ. Возстаніе Мело.

14. Братья Отъили. Борьба имперіи съ мусульманами въ Сициліи. Георгій Маньякъ. Возстаніе въ южной Италіи. Гардуинъ.

15. Утвержденіе Норманновъ въ Апуліи. Противодѣйствіе папы Льва IX и его походъ противъ нихъ. Посольство Аргира. Битва при Civitate. Окончательный разрывъ церквей Восточной и Западной.

16. Робертъ Гвискаръ. Его біографія. Первые годы его дѣятельности въ южной Италіи. Завоеваніе Калабріи. Сицилійскій походъ. Дружескія сношенія съ Византіей.

17. Печенѣги и Половцы въ предѣлахъ имперіи. Василій II и завоеваніе Болгарскаго царства. Характеристика кочевниковъ по словамъ современныхъ и позднѣйшихъ писателей. Первое варварское поселеніе въ предѣлахъ имперіи и новый напливъ ихъ. Печенѣжская армія въ Малой Азіи. Возвращеніе въ Болгарію.

18. Турецкое движеніе въ Малой Азіи. Успѣхи Турокъ въ Арменіи и Грузіи. Причины, обусловившія эти успѣхи. Неблагоразумныя мѣры императора Константина Мономаха. Константинъ X Дука. Султанъ

Алп-Арсланъ. Разрушеніе Ани.

19. Переселеніе Узовъ въ предѣлы имперіи. Смерть Константина Мономаха. Регентство Евдокіи. Романъ IV Діогенъ. Походъ противъ Турокъ. Дворцовая революція, низложеніе Романа и смерть его.

20. Михаилъ VII Дука Парапинакъ и воспитатель его Михаилъ Пселлъ. Біографія и дѣятельность послѣдняго. Византійская наука и образованность XI вѣка.

21. Внѣшняя и внутренняя политика Михаила VII. Сношенія съ Робертомъ Гвискаромъ и Григоріемъ VII. Турецкій султанъ Сулейманъ. Малоазійскія дѣла. Кесарь Іоаннъ Дука. Утвержденіе Турокъ въ Малой Азіи. Возстаніе Никифора Вріеннія. Никифоръ Вотаніатъ.

22. Алексѣй I Комнинъ. Возвышеніе братьевъ Комниныхъ при дворѣ Никифора Вотаніата. Возстаніе и провозглашеніе Алексѣя императоромъ. Взятіе Константинополя. (Источникъ: „Алексіада" Анны Комниной.)

23. Внѣшняя политика Алексѣя. Многочисленные враги, окружавшіе имперію. Борьба съ Робертомъ Гвискаромъ. Отношенія къ Венеціи. Договоръ съ Генрихомъ IV Германскимъ. Смерть Роберта Гвискара.

24. Соединенныя дѣйствія Турецкихъ и Печенѣжскихъ силъ. Ихъ движеніе

съ суши и съ моря (Чаха). Обращеніе за помощью на Западъ. Посланіе императора къ графу Роберту Фризу.

25. <u>Обозрѣніе соціальнаго строя Западной Европы въ V и XI вв.</u> Краткій очеркъ развитія феодализма. Измѣненіе экономическаго строя подъ вліяніемъ германскихъ поселеній. Разложеніе германской поземельной марки. Военная повинность. Право покровительства (mund.). Иммунитетъ. Монастырскія земли. Войны. Вассальность. Соединеніе отношеній личныхъ съ земельною зависимостью. Секуляризація монастырскихъ земель. Образованіе феодальной іерархической лѣстницы.

26. <u>Крестовые походы и слѣдствія ихъ</u>, преимущественно съ точки зрѣнія вліянія Арабской культуры на Западную.

Прежде чѣмъ обратиться къ исторіи государствъ Западной и Восточной Европы въ XII вѣкѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, почему мы избираемъ именно это столѣтіе центромъ предстоящихъ чтеній. Причина этого лежитъ въ томъ фактѣ, что къ этой эпохѣ относится наиболѣе яркій расцвѣтъ средневѣковой жизни, что она является апогеемъ развитія всѣхъ характерныхъ средневѣковыхъ формъ - рыцарства, феодализма, городскаго коммунальнаго устройства. Кромѣ того, въ теченіи этого столѣтія достигаетъ наибольшей силы и интенсивности борьба императорской власти съ папскою съ одной стороны, съ другой борьба западно-христіанскаго міра съ мусульманскимъ востокомъ.
Вліяніе мусульманскаго міра на западную Европу, или прямое, вслѣдствіе соприкосновенія Запада съ Востокомъ, или посредственное, чрезъ Византійскую Имперію, несомнѣнно существовало; въ силу этого, признаннаго непреложнымъ, историческаго факта, мы имѣемъ въ виду, въ теченіи предстоящихъ чтеній, указать на развитіе не только феодальной жизни, рыцарства, городскихъ учрежденій западной Европы, но коснуться значенія и вліянія Исламизма для Восточной и западной цивилизаціи.
Первый вопросъ, подлежащій объясненію при началѣ нашего обзора, есть вопросъ о проти-

вопололиности между западнымъ - Романо-Германскимъ міромъ и міромъ Греко-Славянскимъ; необходимо выяснить возникновеніе этой противоположности, ибо тогда только возможно будетъ приступить къ разбору исламизма и вліянія его на Западную Европу черезъ Испанію и Византію.

Предполагая, впрочемъ, основные историческіе факты весьмъ извѣстными, мы только коснемся ихъ въ возможно болѣе краткомъ обзорѣ.

Противоположность между Востокомъ и Западомъ въ XI и XII вѣкахъ обнаруживается уже вполнѣ рѣзко и ясно. Обращая вниманіе на историческую карту этой эпохи, мы увидимъ три основныя системы народовъ и государствъ, три сферы, отличающіяся одна отъ другой въ политическомъ, соціальномъ и религіозномъ смыслѣ. Отличіе западно христіанскаго міра отъ мусульманскаго является весьма простымъ и понятнымъ; посмотримъ теперь, на чемъ основывалась противоположность двухъ частей христіанской Европы, фактъ враждебныхъ отношеній двухъ Имперій - Западной и Восточной, міра Романо-Германскаго и Греко-Славянскаго.

Корень этого различія, этой враждебной противоположности должны мы искать въ глубокой древности; для объясненія его мы должны припомнить два великихъ имени - Александра Македонскаго и Юлія Цезаря.

Значеніе Александра Македонскаго всѣмъ извѣстно: онъ объединилъ силы Греческаго міра, подчинилъ ихъ себѣ въ политическомъ отношеніи и наконецъ явился на Азіатскомъ Востокѣ носителемъ и распространителемъ греческой культуры. Его превосходство надъ Персами, его побѣды объясняются заимствованіемъ образованія и военнаго искусства у Грековъ; главнѣйшими сподвижниками его были Македоняне и Греки и онъ является исполнителемъ давно-стоявшей на очереди задачи сліянія Востока и Запада. Онъ не былъ простымъ завоевателемъ, въ родѣ турецко-монгольскихъ предводителей — Тамерлана, Тохтамыша и друг.; опираясь на греческую культуру, онъ хотѣлъ распространить ее, завоевая, онъ учреждалъ колоніи, населялъ ихъ своими ветеранами; имъ устроено было множество Александрій, не только въ Египтѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, въ области р. Евфрата, до Ташкента и Самарканда (Alexandria Ariana, Alexandria Oxiana, Alexandria Arachotion и др.) этимъ путемъ, а также и многими другими способами онъ достигъ полнаго торжества греческаго языка и образованности на Востокѣ. Извѣстно, что послѣ него образовались эллинистическія государства, управляемыя греческими династіями — Птоломеями, Антіохами и др., подобно ему явившимися носителями и покровителя

ли греческой образованности; время Птоломеевъ является эпохою блистательного развитія греческой литературы, греческихъ математическихъ наукъ - астрономіи, астрологіи; множество книгъ писалось и выходило въ свѣтъ на греческомъ языкѣ. Но не слѣдуетъ думать, что одни только Греки говорили этимъ языкомъ: онъ распространился и между массою туземцевъ, его слышно было во всей передней Азіи, до Евфрата, даже на самомъ Евфратѣ.
И такъ, вслѣдствіе этого завоеванія, здѣсь сдѣлался господствующимъ одинъ языкъ и одна образованность - греческая, проникшая въ массу довольно глубоко; туземцы отказались отъ своихъ нарѣчій и стали говорить этимъ однимъ общимъ языкомъ, область котораго простиралась теперь отъ греческихъ колоній въ Испаніи и Африкѣ до Гималайскихъ горъ и рѣки Ганга.
Вліяніе этихъ фактовъ, какъ извѣстно, сохранилось на всю послѣдующую исторію и не измѣнилось даже послѣ другихъ завоеваній.
Другое имя, соотвѣтствующее Александру Македонскому по значенію, есть имя Юлія Цезаря. И онъ точно также важенъ не только какъ завоеватель и военный геній, подчинившій себѣ и Риму націю Кельтовъ въ Галліи и Британіи; подобно Александру Великому на Востокѣ, Юлій Цезарь положилъ начало на Западѣ господству латинскаго языка и образованности. Онъ проводилъ ту мысль, что господство Рима въ провинціяхъ Галліи есть

не только владычество матеріальное, но и духовное, не только подчиненіе, но и общеніе. Послѣдующіе императоры — хорошіе или дурные — Домиціанъ и Калигула, Траянъ и Маркъ Аврелій — неуклонно слѣдовали программѣ, предначертанной Юліемъ Цезаремъ; они заботились объ распространеніи языка, культуры, о поддержаніи власти Рима въ Галліи. Сами Галлы, впрочемъ, способствовали этому: всѣ, имѣвшіе средства учиться, достигали высшаго образованія и получали права, равныя съ Римскими гражданами.
Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ завоеваніямъ, на Востокѣ и Западѣ образовались двѣ различныя области языка и культуры. Необходимо, впрочемъ, не терять изъ виду, что языкъ и культура латинскіе на западѣ не были такъ самостоятельны, какъ греческія; латиняне во всѣхъ отношеніяхъ были учениками Грековъ, заимствовавъ отъ нихъ литературу, философію и т. п. Но въ силу этого факта Римляне совсѣмъ особо относились къ Грекамъ; казалось бы, что противоположность эллинистическаго Востока латинскому Западу должна была уравняться, исчезнуть послѣ конца самого существованія греческихъ государствъ; можно было ожидать, что, завоевавъ Востокъ и подчинивъ его себѣ въ политическомъ отношеніи, Римляне утвердятъ тамъ свой языкъ и культуру. Но на дѣлѣ этого не воспослѣдовало. Будучи учениками Грековъ, чувствуя свою умственную отъ нихъ зависимость, они

сознавали, что стоятъ несравненно ниже ихъ въ умственномъ отношеніи и, распространяя на западѣ свой языкъ, дѣйствуя по опредѣленному плану, они въ тоже время предоставляли Востокъ самому себѣ, не считая себя въ правѣ разрушать культуру, предъ которой они преклонялись.
Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку: къ концу существованія имперіи дѣлались попытки нивеллированія Востока и Запада, въ особенности въ политическомъ отношеніи; было стремленіе заставить города Малой Азіи, Сиріи и области р. Евфрата принять устройство западныхъ городовъ, съ декуріонами, куріями, сенатомъ и т. п. Но это не имѣло глубокаго значенія и нивеллированіе въ политическомъ отношеніи не сладило господства одного языка и образованности. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ первые вѣка христіанства распространенность греческаго языка была настолько велика, что проповѣдники христіанскаго ученія вездѣ находили себѣ слушателей, къ которымъ могли обращаться съ понятною для нихъ рѣчью; даже на западѣ, въ колоніяхъ — Ліонѣ, Марсели — преобладалъ греческій языкъ.
Одна религія, конечно, могла бы сблизить эти двѣ половины древняго міра, но и здѣсь, въ самомъ началѣ развитія христіанскаго ученія, обнаружилась опять таки противоположность Востока и Запада, міра Греко-Азіатскаго и латинскаго. Греки, носители и представители образованія въ Восточномъ мірѣ, и въ исторію развитія самого христіанства

должны были внести свои особыя черты, отличныя отъ тѣхъ, которыя развиты были на западѣ Римлянами. Отличіе это особенно ярко выразилось въ томъ, что Греки развивали по преимуществу теоретическую, догматическую исторію христіанства (причемъ на долю эллинистическаго Востока досталась наибольшая доля ересей) тогда какъ Латиняне обращали преимущественное вниманіе на практическую его сторону. Греки, занимаясь теоретическими вопросами на соборахъ своихъ, философствовали, разбирали догматы о двухъ воляхъ І. Христа, объ отношеніи Отца къ Сыну, о двухъ Естествахъ и т. п., въ то время, какъ на Западѣ, въ исторіи развитія христіанства, обнаружился духъ практической дисциплины, искони присущій Римлянамъ.

Подобно тому, и при развитіи въ христіанской церкви монашества, когда, по прямому показанію нѣкоторыхъ писателей, половина міра отказалась отъ свѣтской жизни и ушла въ пустыню, и здѣсь обнаружилось рѣзкое различіе между Восточной и Западной половиной Европы. Извѣстно, что и на Востокѣ, по уставу отшельническому, монахи должны были заниматься физическимъ трудомъ; но здѣсь правило это не сдѣлалось существеннымъ и непреложнымъ, тогда какъ на западѣ и преимущественно въ лицѣ Бенедиктинскихъ монаховъ, мы встрѣчаемъ усердныхъ земледѣльцевъ наравнѣ съ тружениками науки и распространителями христіанскаго просвѣщенія. Въ областяхъ Греческаго міра, монахи,

хотя и владѣвшіе большими пространствами земли, обнаружили наклонность къ созерцательной жизни, а не къ занятію практическимъ трудомъ; монахи западные, какъ извѣстно, играютъ въ средніе вѣка довольно видную роль даже въ политикѣ; монахи греческіе, за рѣдкими исключеніями, непричастны дѣламъ мірскимъ и стараются дойти до полнаго отреченія отъ свѣта и совершеннаго аскетизма.
Что касается до миссіонерской дѣятельности, то и здѣсь надо замѣтить, что греческое монашество меньше сдѣлало для обращенія язычниковъ, чѣмъ монашество западное. Мы не имѣемъ въ виду сказать этимъ, что Греки не заботились совершенно о распространеніи христіанства; но западные монахи организовали съ этою цѣлью цѣлыя огромныя общества миссіонеровъ, подобныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ на Востокѣ, такъ что греческое монашество заслуживаетъ справедливый упрекъ въ томъ, что оно выказало гораздо меньше рвенія въ дѣлѣ христіанской проповѣди, чѣмъ западные ихъ собратія.
Установивъ вышеизложенные факты, мы можемъ теперь перейти ко времени разложенія Имперіи, когда противоположность между двумя мірами древности обнаружилась еще болѣе ярко и осложнилась новыми историческими фактами. Припомнимъ, что когда жизненныя силы Имперіи истощились, то западная половина ея стала пополняться пришлымъ элементомъ — нѣмецкимъ, восточная же — славянскимъ, причемъ послѣдни

для восточной половины былъ равносиленъ первому для западной. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что сначала казалось, какъ будто бы на Балканскомъ полуостровѣ утвердятся Германцы: тамъ поселились, хотя и на время, Готы, за ними послѣдовали изъ Азіи Гунны, словомъ, Балканскій полуостровъ на довольно продолжительный срокъ дѣлается театромъ германскихъ вторженій. Но пребываніе ихъ здѣсь было непрочно; они раззорили страну и сдѣлали только то, что земля стала нуждаться въ новыхъ поселенцахъ.
Въ Западной Имперіи, на различныхъ условіяхъ поселенія, утвердились Германцы.
Такимъ образомъ, при различіи культурныхъ вліяній и языка, являются еще и различные племенные элементы въ двухъ частяхъ имперіи. Опредѣленіе основныхъ чертъ ихъ различія — задача трудная, вопросъ спорный, по поводу котораго было высказано уже (нѣмецкими и славянскими учеными) много дѣльныхъ замѣчаній, но и много преувеличеній*). Существуютъ, впрочемъ, такія характерическія черты, которыя одинаково признаются тою и другою стороною. Одною изъ такихъ чертъ является мягкость славянскаго характера, отсутствіе въ немъ рѣзкости, грубости. Впрочемъ, Нѣмцы, констатируя въ славянскомъ характерѣ эту черту, признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ за Славянами право только на служебную роль по

*) Какъ полезное пособіе при изученіи даннаго вопроса можно назвать трудъ пр. Ламанскаго: „Объ изученіи Греко-Славянскаго міра."

отношенію къ нимъ самимъ, ибо въ характеръ славянъ усматриваютъ отсутствіе того закала и твердости, которые даютъ силу и власть.
Соотвѣтственно съ этимъ, защитники и враги нѣмцевъ признаютъ, что въ нѣмецкомъ характерѣ больше ~~начало~~ выступаетъ личности, индивидуальности; нѣмцы принесли съ собою въ Европу понятіе личной свободы, самоуваженія, личной чести, перешедшее потомъ въ честь рыцарскую, понятія, неизвѣстныя въ столь сильной мѣрѣ древнему міру.
Отвергая у Славянъ присутствіе этой черты индивидуальности, не находя въ исторіи ихъ такого количества отдѣльныхъ выдающихся личностей, какое находятъ у Германцевъ, за Славянами признаютъ начало общинности, склонность подчинять волю каждаго отдѣльнаго лица волѣ общей. Всѣ эти отдѣльныя, быть можетъ, весьма справедливыя замѣчанія, конечно, еще не рѣшаютъ вопроса о томъ, какому народу присуждено играть болѣе важную историческую роль. Вопросъ этотъ, впрочемъ, и не представляется для насъ существеннымъ; намъ необходимо установить теперь тотъ фактъ, что между двумя дѣятелями, появившимися въ разсматриваемое нами время на историческомъ поприщѣ и занявшими обѣ половины Имперіи, существовало рѣзкое различіе. При этомъ весьма важно также имѣть въ виду, одинаковы ли были отношенія, одинаково ли крѣпка связь между Германцами и Римлянами съ одной стороны, между Славянами и Греками съ дру-

гой, одинаковы ли были способы поселенія и отношенія къ авторитету имперіи?
Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ утвердились Германцы въ земляхъ западной и Славяне въ земляхъ Восточной Имперіи, то увидимъ рѣзкую противоположность между тѣмъ и другимъ. Германцы, поселившіяся въ Галліи, Испаніи, Британіи, пришли въ Римскія области уже знакомые съ Римлянами, подготовленные къ воспріятію образованности и культуры латинскаго міра. Они проникнуты уваженіемъ къ вѣчному Риму, они готовы, въ лицѣ вождей своихъ, явиться носителями и распространителями идей его и вполнѣ покориться ему въ духовномъ отношеніи. Знаменитые вожди ихъ или стремятся „замѣнить Романію Готіей" (Атаульфъ Вест-Готскій) или же слиться съ Римомъ и подчинить ему другихъ „варваровъ" (Аларихъ, Теодерихъ Ост-Готскій). Способствуя всѣми силами къ примиренію варварскаго міра съ Римскимъ, они подчинялись культурѣ побѣжденныхъ, религіозно сохраняя въ то же время неприкосновенное единство и индивидуальность своего племени.
Окончательному утвержденію Германцевъ на Римской почвѣ предшествовалъ цѣлый рядъ столкновеній, то враждебнаго, то мирнаго свойства, причемъ столкновенія эти начинаются со II в. по Р. Хр. Періодъ долгой борьбы, періодъ мирныхъ поселеній цѣлыхъ племенъ съ согласія и санкціи Римскихъ властей, эта обширная колонизація, предпринимаемая самой Имперіей, очевидно, должны были сбли-

зишь эти два, столь чуждые другъ другу дѣло мъ міра.

За колонизаціей слѣдуетъ періодъ мирныхъ поселеній цѣлыхъ отдѣльныхъ германскихъ племенъ — Бургундовъ, Вест-Готовъ и др. Признавая надъ собою власть Римлянъ, они сохранили на первое время свое общинное устройство, свой языкъ и свою религію аріанскаго толка. Но мало по малу сближеніе должно было совершиться; и дѣйствительно, мы видимъ, что законы варваровъ пишутся на латинскомъ языкѣ и германцы подчиняются латинской культурѣ; сближеніе это дѣлается еще болѣе прочнымъ, когда варвары уже не по приглашенію Римлянъ, а по своей волѣ занимаютъ цѣлыя области имперіи. Со II по V вѣкъ продолжается непрерывный наплывъ варваровъ на земли имперіи и въ теченіе этого времени дѣло подготовленія къ принятію культуры Римлянъ было покончено.

Сравнивая ходъ Германскаго и Славянскаго завоеванія, мы должны прежде всего обратить вниманіе на то, что Славяне являются гораздо позже и менѣе подготовленными къ воспринятію классическаго образованія, что утвержденію ихъ въ области древней греко-романо-христіанской культуры не предшествовалъ такой длинный подготовительный періодъ, который имѣли Германцы.

Извѣстно, гдѣ застаетъ Славянъ исторія: въ пространствѣ между Вислою и Дунаемъ, Карпатами и Чернымъ моремъ, въ нынѣш-

ней Западной и Юго-западной Россіи, гдѣ они свѣлъ ихъ Тацитъ, если возможно назвать описаніемъ тѣ нѣсколько словъ, которыя мы встрѣчаемъ у него. Онъ даже не знаетъ, куда ему причислить Славянъ и сомнѣвается, не принадлежатъ ли они къ племени Сарматовъ, хотя оговаривается, что они имѣютъ больше сходства съ Германцами, ибо строятъ постоянныя жилища и не кочуютъ, подобно Сарматамъ. При томъ подробномъ описаніи, которое даетъ намъ Тацитъ, говоря о Германцахъ, эти двѣ строки доказываютъ только то, что Славяне занимали незначительное пространство земли и не имѣли историческои важности. Греки, жившіе по берегамъ Чернаго моря и имѣвшіе здѣсь свои колоніи, мало заботились о своихъ варварахъ-сосѣдяхъ внутри страны и не подчиняли ихъ своей культурѣ. Такимъ образомъ, въ то время, когда Германцы имѣли уже трехвѣковое знакомство съ Римскимъ міромъ, Славяне были еще далеки отъ всякой греческой образованности. Во II в. по Р. Хр. въ областяхъ, занимаемыхъ Славянами, утвердились Готы; Славяне въ первый разъ должны были подчиниться германскому началу, заслонившему кромѣ того отъ нихъ прямое сообщеніе съ Византійской имперіей.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь о томъ, что утвержденіе о происхожденіи Славянъ съ Дуная и пребываніи ихъ тамъ ранѣе V в. необходимо оставить, хотя нѣкоторые ученые то среди Иллировъ, то среди Оракійцевъ, то среди Венетовъ ищутъ славянскаго племени.

Но мнѣніе это совершенно несправедливо. Указаніе Тацита положительно и несомнѣнно опредѣляетъ ихъ не только въ географическомъ, но и въ культурномъ отношеніи.
Когда Гунны, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя своего — Аттилы — разрушили Готскую державу Германриха, то Славянамъ от Крита былъ свободный доступъ къ Дунаю. Впрочемъ, и въ началѣ VI вѣка мы застаемъ ихъ только на сѣверѣ отъ Дуная, какъ они свѣваетъ Прокопій Кесарійскій и другіе писатели того времени. Съ 527 года начинаются ихъ набѣги на Имперію; въ то время, когда Германцы уже основали свои національныя государства на Римской почвѣ, въ то время, когда на первомъ вселенскомъ соборѣ уже присутствовалъ будущій просвѣтитель Готовъ-аріанъ, Ульфила, Славяне-язычники еще только начинали свои первые набѣги на Византію. При Юстиніанѣ Великомъ вмѣстѣ съ ними появляются въ первый разъ ихъ будущіе поработители — Болгары, принадлежащіе къ другой племенной отрасли, всего вѣрнѣе, остатки Гуннской орды Аттилы, которая раньше грозила Восточной Имперіи, той отрасли, къ которой принадлежатъ Тюрки, Туркмены, Татары и др.
Положеніе Славянъ на Востокѣ Европы было таково, что они раньше всѣхъ страдали отъ набѣговъ Монгольско-Турецкаго міра. Вслѣдъ за Болгарами явились Авары или Обры, оставившіе такую страшную память даже въ нашей первоначальной лѣтописи, тѣ Обры, которые, по словамъ западнаго лѣтописца, отнима

ли у Славянъ женъ и дѣтей, а по сказанію нашего лѣтописца Нестора, запрягали въ телѣгу вмѣсто воловъ, славянскихъ женъ по пяти и по шести.
Славяне, подъ начальствомъ Аваровъ, являются подъ стѣнами Оессалоникъ, осаждаютъ этотъ городъ, но не успѣваютъ взять его. Много сказаній объ этомъ нашествіи находимъ мы въ житіи св. Дмитрія Солунскаго, столь чтимаго славянами.
Во второй половинѣ VI вѣка, когда Юстиніанъ Великій, на время успѣвшій принять мѣры къ обузданію Славянъ, но не имѣвшій достойныхъ преемниковъ, умеръ, Славяне утвердились въ Византійской Имперіи. Впрочемъ, и теперь они дѣйствовали не вполнѣ самостоятельно; отсутствіе искусныхъ и властныхъ вождей и строгой дисциплины дѣлали то, что они селились въ разбродъ, толпами, безъ опредѣленной соціальной и политической формы. Византійцы отправляли на встрѣчу имъ арміи, которыя сталкивались съ напиравшими ордами то у Адріанополя, то у Балканъ, разсѣевали ихъ и успѣвали возстановить Византійское господство. Однако, не смотря на это, внутрь государства успѣвали пробираться толпы славянъ, которые и поселялись тамъ, хотя не основывая прочныхъ государствъ. Напоръ былъ многолюденъ, притокъ непрерывенъ и, не взирая на побѣды Византійскихъ войскъ, весьма трудно, даже почти невозможно было изгнать варваровъ изъ неприступныхъ горъ и ущелій

Балканскаго полуострова. И въ VII в. продолжаются эти движенія; ко времени императора Ираклія относятся большія Славянскія поселенія, въ родѣ поселеній Бургундовъ, Вестготовъ и др. - поселенія Хорватовъ и Сербовъ, (около 630-640 г.) занявшихъ сѣверо-западную часть Балканскаго полуострова съ согласія самого императора. Но на этомъ дѣло еще не кончилось: утвердившись въ сѣверной части Балканскаго полуострова, они распространились въ Македоніи, въ Өессаліи и наконецъ уже въ VII и VIII в. утвердились въ самомъ Пелопонесѣ, въ древней Элладѣ, гдѣ была Спарта, Элида, Аркадія.

Такимъ образомъ, съ V по VIII столѣтіе продолжаются непрерывныя нашествія и набѣги Славянъ на Византійскую Имперію; ихъ полное утвержденіе въ собственной Греціи относится къ половинѣ VIII столѣтія, около 747 г., когда страшная моровая язва истребила въ большомъ количествѣ Греческое населеніе; тогда-то совершился новый приливъ варварскаго элемента и самыя классическія мѣста земли древнихъ Эллиновъ сдѣлались Славянскими. Предѣлъ распространенію Славянъ въ Пелопоннесѣ положило знаменитое событіе IX в., которое связано преданіемъ съ именемъ ап. Андрея, а именно побѣда Грековъ надъ Славянами при Патрахъ (805 г. по друг. 807 г.).

Каковы же были результаты этого утвержденія Славянъ на территоріи Византійской Имперіи, въ самомъ сердцѣ древней классической Греціи? Нѣмецкій ученый Фальмерайеръ (Fallmerayer) въ своей теоріи, надѣлавшей

большаго шуму, старается доказать, что съ поселеніями Славянъ въ Аѳинахъ и въ Пелопоннесѣ совершенно изчезло Греческое населеніе. Онъ прямо говоритъ, что въ числахъ теперешнихъ Грековъ нѣтъ ни капли древней Эллинской крови, что двойной слой покрываетъ греческія могилы и подъ нимъ нельзя ничего откопать; осталось только имя Грековъ; да и оно указываетъ лишь на принадлежность къ извѣстной церкви и болѣе ничего. Свое утвержденіе онъ основываетъ на словахъ Константина Багрянороднаго, который говоритъ „ославянился весь Пелопоннесъ и сдѣлался варварскимъ". Кромѣ того Фальмерайеръ говоритъ, что и на священной почвѣ древней Аттики изчезли Греки и остались только одни Славяне; лишь впослѣдствіи, при помощи церкви, возстановлено было здѣсь Греческое вліяніе и господство Греческаго языка, но все же, по крови, Греки ближе всего къ Славянамъ. Онъ придаетъ еще большое значеніе Албанскому племени, которое, хотя и родственно съ Греками-Пелазгами, но все же представляетъ изъ себя нѣчто иное.

И такъ, Славяне и Албанское племя, по словамъ нѣмецкаго ученаго, стерли съ лица земли древнихъ Эллиновъ. Теорія эта, которая такъ сближала между собою населеніе Восточной Европы и Ново-Грековъ превращала почти въ Славянъ, надѣлала большаго шуму, тѣмъ болѣе, что она появилась во время освобожденія Эллиновъ, въ которомъ, какъ извѣстно, принимала участіе и западная Европа. Она возбудила негодованіе въ филэллинахъ и

въ самихъ Грекахъ; нѣмецкому ученому не только возражали печатно, но даже оскорбляли его; впрочемъ, вскорѣ въ пользу его совершился переворотъ.

Современные ученые Греки не любятъ этой теоріи. Они доходятъ до того, что отрицаютъ всякія славянскія поселенія въ греческихъ областяхъ собственно Пелопоннеса, не отрицая, впрочемъ, таковыя въ теперешней Сербіи, Болгаріи и Македоніи. Такъ напр. Сава (Sathas) хочетъ видѣть даже вмѣсто Славянъ Валаховъ, т. е. доходитъ до полнаго отрицанія очевидно-историческихъ фактовъ, ибо пребываніе здѣсь Славянскихъ племенъ неопровержимыми чертами написано на лицѣ самой земли, въ названіяхъ урочищъ, мѣстностей, рѣкъ, горъ и т. п., звучащихъ то чисто по славянски, то смѣшанно съ греческимъ.

Почему-же, спросимъ мы теперь, не осталось здѣсь славянское племя господствующимъ, не играло важной исторической роли, не основало прочнаго государства?

Раньше, чѣмъ мы будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, скажемъ, что въ одной части своего утвержденія Фальмерайеръ былъ правъ и что Славяне, дѣйствительно, обширнымъ потокомъ разлились по Балканскому полуострову; что же касается до совершеннаго изчезновенія Греческаго элемента, то здѣсь нѣмецкій ученый впадаетъ въ крайность. Въ большихъ приморскихъ городахъ, каковы Патры, Солунь и т. п. удержались Греки; кромѣ того, въ восточной части полуострова, въ Аттикѣ, Славяне не имѣли значительнаго перевѣса и прочнаго положенія. Сохранивъ господство въ большихъ приморскихъ

городахъ, Греки сохранили вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность распространить свое нравственное могущество, свой языкъ и культуру. Во всякомъ случаѣ представляется удивительнымъ, почему Славяне, поселившись на полуостровѣ такими массами, не успѣли сплотиться въ прочныя и сильныя государства[*)]. Согласно съ тѣмъ мнѣніемъ, что у Славянъ меньше развито начало личности и преобладаетъ принципъ общинности, подчиненія міру, необходимо должно было бы предполагать у нихъ и способность къ образованію сильныхъ государствъ, ибо для этого необходимо, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ подчинялся общей волѣ. Факты, однако, доказываютъ противное и мы видимъ, что Славяне первыхъ вѣковъ оказываются положительно неспособными къ государственной жизни. Объясненіе этого кажущагося противорѣчія можно найти въ томъ фактѣ, что тамъ, гдѣ всѣ оказываются готовыми къ повиновенію и подчиненію власти міра, рѣдко встрѣчаются энергическія, выдающіяся личности, обладающія желѣзною волею, столь необходимою для образованія монархіи. Доказательство этого мы видимъ у Славянъ: вожди ихъ далеко не

*) Здѣсь можно кстати упомянуть о замѣчаніи, которое дѣлаетъ Ранке по поводу славянскаго завоеванія; говоря о позднѣйшихъ попыткахъ ихъ завоевать Константинополь и о неудачѣ этихъ попытокъ, онъ утверждаетъ, что если бы стремленія эти увѣнчались успѣхомъ, то два элемента восточной Европы — славянскій и греко-клас-

сходны съ энергическими, живыми, индивидуальными вождями-конунгами германскихъ племенъ: это по большей части мелкіе князьки, не стоющіе почти того, чтобы занимать мѣсто въ исторіи. Да и сами Славяне, по выраженію о нихъ одного византійскаго писателя, любили жить въ маленькихъ демократіяхъ, отличались мягкимъ характеромъ, не представляли сильныхъ враговъ для Грековъ и не способны были къ образованію прочныхъ государствъ. Такимъ образомъ, наполнивъ Ѳракію, Ѳессалію, Македонію, Эпиръ, отчасти Пелопоннесъ, они представляли отдѣльныя разбросанныя массы, сохранившія свой первоначальный бытъ, свою независимость, не знавшіе христіанства. Въ силу этого, они необходимо должны были подчиниться высшей культурѣ и политической власти грековъ, сохранившихъ силу и могущество въ побережныхъ городахъ; съ 805 г. прекращается преобладаніе ихъ въ Пелопоннесѣ, а къ концу среднихъ вѣковъ они совершенно изчезаютъ тамъ. Обратимся теперь къ изученію соціальныхъ послѣдствій утвержденія Славянскаго племени, сравнительно съ послѣдствіями Германскаго завоеванія въ западной половинѣ Римской Имперіи. Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о завоеваніи Германскомъ.

сическій, образовали бы болѣе крѣпкую амальгаму, сплотились бы тѣснѣе; въ виду того, что попытка эта не удалась, связь между культурами славянской и греческой осталась слабая. Это замѣчаніе еще съ большимъ правомъ можно приложить къ первымъ вѣкамъ слав. завоеванія – V, VI и VII.

Необходимо замѣтить прежде всего, что, относительно западной и восточной половинъ Имперіи исходнымъ пунктомъ развитія служатъ Римскіе порядки, которые съ одной стороны опредѣляются образованіемъ колоната, съ другой – крупнымъ землевладѣніемъ. Факты являются одинаковыми и въ западныхъ провинціяхъ (Галліи, Испаніи и др.) и въ восточныхъ (Македоніи, Фракіи, Малой Азіи): мелкіе участки земли сокращаются и возникаетъ крупное землевладѣніе. Когда эти крупные участки земли совершенно поглотили собою мелкіе и сословіе свободныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ изчезло, тогда возникаетъ повсюду колонатъ, сословіе людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Оно возникаетъ быть можетъ изъ свободныхъ людей, быть можетъ изъ людей рабскаго состоянія, плативших извѣстный оброкъ своему землевладѣльцу и несшихъ извѣстныя повинности государству. Они не могутъ оставить своего мѣста жительства, не могутъ перейти къ другому господину, они закрѣплены за землей, особенно въ III и IV вѣкѣ, законами императоровъ – Константина и его преемниковъ. Извѣстно, что такая форма землевладѣнія держалась долго не измѣняясь и если здѣсь вмѣшивалась законодательная власть, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія ея соотвѣтствовали извѣстному, естественному теченію дѣлъ. Подобный порядокъ дѣлъ длился до самаго поселенія Германцевъ на Римской почвѣ. Обыкновенно теперь говорятъ, что свободная германская колонизація, совершившаяся при посредствѣ Римскихъ влас-

тей, затѣмъ большія Германскія поселенія были тѣмъ выгодны, что замѣнили гибельную для Римлянъ форму народнаго хозяйства, — систему латифундій (latifundia), сосредоточивавшую всю землю въ рукахъ небольшаго количества лицъ — новою, болѣе совершенною формою. Они разрѣдили классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности въ IV и V вѣкахъ, когда селились цѣлыми племенами, ибо тогда въ раздѣлъ шла земля каждаго Римскаго магната, причемъ новымъ поселенцамъ-Германцамъ доставалась одна или двѣ трети. Такимъ образомъ вмѣсто одного крупнаго собственника получалось нѣсколько мелкихъ; латифундіи раздроблялись и въ этомъ возвращеніи къ прежней мелкой культурѣ заключается первое важное послѣдствіе германскихъ поселеній. Съ другой стороны Германцы, селясь на Римской почвѣ и производя раздѣлъ по указаніямъ Римскихъ властей и по Римскимъ нормамъ, не могли удержать порядокъ своего прежняго землевладѣнія, общій какъ имъ, такъ и Славянамъ, — порядокъ землевладѣнія общиннаго; самый характеръ раздѣла препятствовалъ этому, устанавливая вмѣсто собственника-села или общины отдѣльныхъ собственниковъ-хлѣбопашцевъ, получившихъ земельный надѣлъ въ личное, а не въ совмѣстное съ односельчанами или сообщинниками пользованіе. Нѣсколько долѣе сохранилась прежняя форма землевладѣнія у тѣхъ Германскихъ племенъ, которыя долѣе другихъ остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ

жительства - у Франковъ, только частью перешедшихъ за Рейнъ.
И такъ, съ поселеніемъ Германцевъ вмѣсто одного экономическаго строя въ земляхъ Имперіи утверждается другой. При ближайшемъ разсмотрѣніи, впрочемъ, оказывается, что фактъ этотъ является только временнымъ и скоропреходящимъ. Основаніемъ новыхъ поселеній былъ остановленъ, дѣйствительно, на время процессъ, по которому крупная собственность торжествовала надъ мелкою, но вскорѣ дѣла принимаютъ прежній оборотъ. На развалинахъ разлагающагося общиннаго быта Германскихъ племенъ зарождается новый строй - феодальный, вскорѣ охватывающій собою всѣ ступени общественной лѣстницы и преодолѣвающій всѣ препятствія на пути своемъ. По этому поводу интересны капитуляріи Каролинговъ - Пипина, Карла и др., въ которыхъ эти короли жалуются на то, что богатые и сильные отнимаютъ участки у бѣдныхъ. Часто повторяемыя подобныя жалобы со стороны королей доказываютъ только, на сколько распространены были подобные факты. И дѣйствительно, даже графы, правители провинцій, заставляли свободныхъ мелкихъ собственниковъ отдавать имъ свои участки или за весьма низкую цѣну, или даже путемъ фиктивной продажи, сосредоточивая, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ большія земельныя владѣнія. Затѣмъ, эти же отобранные участки отдавались свободнымъ людямъ въ пользованіе, но уже на условіяхъ подчиненія крупному владѣльцу; такимъ об-

разомъ положено было начало феодальнаго строя. Кромѣ свѣтскихъ владѣній, существовало огромное количество владѣній духовныхъ; монастыри, отдѣльныя лица и духовныя учрежденія сосредоточивали въ рукахъ своихъ громадныя земельныя помѣстья. Противъ этихъ владѣній духовенства особенно сильно боролся Карлъ Мартелъ, отбиравшій монастырскія земельныя имущества и садившій на нихъ своихъ людей; отсюда возникали новаго рода ленныя, феодальныя отношенія къ монастырямъ, духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ, ибо тѣ, кто получалъ отъ нихъ земли, становились къ нимъ въ вассальную зависимость. Словомъ, въ IX в. окончательно утверждается и крѣпнетъ феодальный строй — снова восторжествовало крупное землевладѣніе, съ подчиненіемъ себѣ на различныхъ условіяхъ прежнихъ мелкихъ собственниковъ. Попытки Каролинговъ остановить этотъ процессъ, который былъ во вредъ бѣдному населенію, оказались тщетными. Образовалась феодальная аристократія, подчинившая себѣ все, пріобрѣтшая надъ жившими на ея земляхъ людьми даже права суда.

Существовало ли что нибудь подобное на Востокѣ?

Славяне, селившіеся на Балканскомъ полуостровѣ въ разбродъ, отдѣльными толпами и, помимо призванія Сербовъ и Хорватовъ, по своей собственной волѣ, безъ руководства государственной власти, неприготовленные, какъ было сказано выше, къ воспріятію эллинской культуры, въ силу всего этого имѣли возмож-

ность лучше сохранить свой первобытный строй, свое общинное землевладѣніе, чѣмъ Германцы на Римской почвѣ. Они тѣмъ болѣе имѣли эту возможность, что при наѣздахъ ихъ населеніе бѣжало въ города, находившіеся на окраинахъ, при морѣ. Аристократическое землевладѣльческое населеніе бѣжало и Славяне, поселяясь цѣлыми толпами въ виду городовъ даже, (т.к. напр. въ виду Солуни) и тогда сохранили свой первобытный соціальный строй. Что онъ сохранился - это несомнѣнный фактъ, на который существуютъ любопытныя и важныя указанія. На Греческомъ языкѣ есть памятникъ, называемый „Земледѣльческимъ закономъ" (у насъ извѣстный подъ названіемъ „Устава"); изслѣдованія нѣмецкаго ученаго Цахаріи объяснили происхожденіе и характеръ этого закона: онъ относится къ VIII вѣку и принадлежитъ первымъ императорамъ - иконоборцамъ - Льву Исавру и его сыну; важность его заключается въ томъ, что онъ указываетъ ясно и опредѣленно на существованіе общиннаго землевладѣнія въ тѣхъ земляхъ, для которыхъ онъ былъ изданъ. Изъ этого крестьянскаго устава мы узнаемъ о существованіи двоякаго рода крестьянъ: крестьянъ, живущихъ на чужой землѣ, но на иныхъ условіяхъ, чѣмъ крестьяне западные: они живутъ общинами и не прикрѣплены къ землѣ, а имѣютъ за собою право перехода; изъ нихъ одни платятъ морту (десятину), откуда и носятъ имя мортитовъ, другие живутъ на условіяхъ половничества, занимаютъ ис-

<u>тому</u>, <u>половину</u>. Откуда эта разница, сказать трудно. Быть может половники освобождены были отъ государственныхъ податей, которыя за нихъ платилъ господинъ ихъ, тогда какъ мортиты то и другое платили сами. Наиболье важнымъ является здѣсь для насъ удостовѣреніе, что было право свободнаго перехода, право мѣнять господъ. Кромѣ того, существуютъ и свободные люди, живущіе на землѣ на правахъ общинниковъ. Въ Codex Justiniani есть параграфъ, гласящій:

„Если кто на общинной землѣ устроитъ мельницу, безъ согласія и позволенія другихъ, то сообщинники его имѣютъ право, внеся долю издержекъ, пользоваться мельницей или же требовать свою долю дохода съ нея."

Здѣсь важны два пункта: самое названіе <u>общины</u> и представленіе о томъ, что <u>частной собственности на общинной землѣ не должно и не можетъ быть</u>. Наконецъ, предполагается возможность раздѣла, не уничтожающаго, впрочемъ, характера общиннаго владѣнія, т.е. скорѣе не <u>раздѣла</u>, а <u>передѣла</u>: земля могла быть раздѣлена на отдѣльные мелкіе участки, но и тогда все же земля по принципу считалась собственностью цѣлой общины; если кто-либо изъ членовъ ея считалъ себя обиженнымъ подѣломъ, онъ могъ предъявлять свои претензіи.

Такимъ образомъ въ Восточной половинѣ Имперіи <u>землевладѣніе общинно</u>; появляется большой классъ крестьянъ, свободно переходящихъ съ мѣста на мѣсто, владѣющихъ зем-

лею на общинныхъ основаніяхъ. Законы Юстиніана и императоровъ-иконоборцевъ только закрѣпили уже существовавшія отношенія и порядокъ вещей.
Эта форма соціальнаго строя, какъ надо полагать, внесена была Славянами; быть можетъ Славяне, утвердившись здѣсь, оказали вліяніе и на греческое населеніе; это тѣмъ болѣе возможно, что они разселились по всему Балканскому полуострову, а въ VII и VIII вв. при иконоборцахъ, и въ Малой Азіи; при этомъ надо имѣть въ виду, что они утверждались массами по 100 и 200 тысячъ человѣкъ и что, слѣдовательно, эти поселенія могутъ стать на ряду съ большими Германскими поселеніями на почвѣ Римскаго Запада.*)
Дальнѣйшее развитіе представляется аналогичнымъ на Востокѣ и на Западѣ, съ тою только разницею, что на Востокѣ оно совершаетъ процессъ свой вѣкомъ позднѣе, чѣмъ на Западѣ.
Выше уже было замѣчено, что мелкіе поземельные участки, образовавшіеся изъ латифундій при раздѣлахъ съ варварами, вскорѣ начали мало по малу поглощаться и сосредоточиваться въ рукахъ сильныхъ и богатыхъ людей, хотя на отличныхъ отъ прежнихъ условіяхъ подчиненія и зависимыхъ отношеній.

---

*) Полезныя свѣдѣнія по данному вопросу можно найти у Цахаріи въ его „Исторіи Греко-Римскаго права (Jus Graecorom,)въ статьѣ профес. В. Васильевскаго „Матеріалы для внутр. ист. Виз. Гос. Ж. М. Н. Пр. и въ книгѣ Соколова „Изъ Древней Исторіи Болгаръ,"стр. 65 и слѣд.

Въкомъ борьбы крупной поземельной собственности съ мелкимъ землевладѣніемъ было тамъ VIII и отчасти IX столѣтіе, время государей Каролингской династіи.
Процессъ разложенія Германской марки и превращенія общиннаго устройства въ помѣстное совершался, какъ извѣстно, вдали отъ глазъ центральной власти: онъ начинался выдѣленіемъ между полноправными владѣльцами первоначальныхъ, почти одинаковыхъ и равныхъ поземельныхъ надѣловъ - болье предпріимчивыхъ людей, которые умѣли, не выходя изъ общинной связи, положить начало своему большему хозяйственному благосостоянію - распашкою лѣса поднятіемъ нови, т.е. основаніемъ своего частнаго хозяйства неподалеку отъ общиннаго поля. Въ самыхъ древнихъ Германскихъ правдахъ признаются такія распашки частною собственностью отдѣльныхъ членовъ общины. Здѣсь находился для дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ людей исходный пунктъ для пріобрѣтенія экономическаго преобладанія, для хозяйственнаго подчиненія себѣ другихъ членовъ общины, а мало по малу и цѣлой общины; разныя несчастія и нерѣдкіе голодные годы помогали такому ходу дѣла и ускоряли процессъ; достиженіе правительственныхъ должностей графа или центенара (сотника), предоставлявшихся преимущественно мѣстнымъ землевладѣльцамъ, служило на этой первоначальной ступени подспорьемъ для экономическихъ стремленій.
Дѣло кончалось тѣмъ, что вся община подчинялась одному изъ своихъ членовъ, который

собственно и не выступалъ изъ нея. Правительство только тогда замѣтило указанный процессъ, когда уже дѣйствіе его стало ощущаться въ области политической организаціи, когда землевладѣльцы начинали превращаться въ прирожденныхъ чиновниковъ государства, а соціальная сила недвижимаго имущества — въ политическую силу, довершая въ то же время при помощи этой послѣдней свою побѣду надъ маркою, надъ крестьянскою общиной; однимъ словомъ, замѣтило поздно. Капитуляріи Каролинговъ, какъ уже извѣстно, начинаютъ тогда жаловаться на хищничество людей сильныхъ, которые отнимаютъ землю у бѣдныхъ (pauperes), даже лишаютъ ихъ личной свободы. (капитуляріи 805 и 811 года.)
Впрочемъ, серьезной и рѣшительной борьбы противъ возникающей феодальной аристократіи не было предпринято государственною властью. Политика Каролинговъ состояла въ томъ, что бы воспользоваться вновь выросшею соціальною организаціей для цѣлей государственныхъ, чтобы ввести магнатовъ въ рамки государственнаго строя и чрезъ нихъ вновь привлечь къ службѣ ускользающіе отъ его прямаго вліянія низшіе элементы населенія. Секуляризація церковныхъ имуществъ (впервые предпринятая Карломъ Мартелломъ), сеніоріатъ и вассальность должны были служить такой цѣли. Средства эти удались только отчасти и временно, а въ сущности привели къ превращенію государственнаго строя, все-таки основаннаго на союзѣ подданныхъ, на общемъ подчиненіи свободныхъ людей одному государю, въ строй фео-

дальный съ его іерархическою лѣстницей зависимыхъ отношеній.
Такимъ образомъ на Западѣ Европы, на развалинахъ древняго общиннаго поземельнаго строя выростаетъ классъ феодальной аристократіи, сильный и могущественный, изъ среды котораго родилось средневѣковое рыцарство.
Любопытную аналогію съ жалобами и увѣщаніями каролингскихъ капитуляріевъ представляетъ законодательство императоровъ Македонской династіи въ X вѣкѣ, направленное въ защиту „убогихъ" противъ „властелей". Благодаря другому положенію вещей и большей силѣ центральнаго авторитета, благодаря непрерывности римской имперской традиціи, которая здѣсь была еще меньше нарушена, чѣмъ на Западѣ, въ Византіи не могло быть и рѣчи о какомъ либо раздѣлѣ правительственныхъ и политическихъ правъ власти. Вооруженные старыми государственными преданіями, Византійскіе императоры гораздо яснѣе и строже понимали свои обязанности по отношенію ко всѣмъ подданнымъ и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее всѣмъ благо, и что защита слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ есть ея первѣйшій долгъ. Помимо этихъ идеальныхъ воззрѣній, дѣйствовали, конечно, съ неменьшею силою, побужденія реальныя и грубыя. Чѣмъ безграничнѣе была власть восточныхъ автократовъ, тѣмъ больше давала она простора ихъ личному произволу, тѣмъ они были ревнивѣе въ охраненіи ея. Чѣмъ безраздѣльнѣе они пользовались ею, тѣмъ больше были чутки ко всякой

опасности, грозившей со стороны какихъ-либо аристократическихъ элементовъ. Наконецъ, и суровыя требованія государственности, поставленной въ необходимость постоянно отбиваться отъ тѣснившагося со всѣхъ сторонъ варварства, подсказывали именно болѣе разумнымъ и энергическимъ государямъ, что никакъ не слѣдуетъ выпускать изъ своихъ рукъ безпрепятственнаго и непосредственнаго распоряженія народными силами, податными и военными, и что отдавать крестьянскія общины въ жертву крупнымъ землевладѣльцамъ и вообще властелямъ значитъ подрывать основы государственной безопасности извнѣ и собственнаго могущества внутри. Однимъ словомъ, Византійскіе государи Македонскаго дома лучше, чѣмъ западные ихъ предшественники, поняли вредъ, который проистекалъ для государства отъ уменьшенія количества мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, а также и опасность, которая грозила бы ихъ власти и династическимъ интересамъ отъ излишняго усиленія властельскихъ фамилій.

Кто же были эти властели, игравшіе такую важную роль въ соціальномъ строѣ Византійской имперіи того времени?

Сословію бѣдныхъ или убогихъ (πένητες) противополагается въ Македонскій періодъ многочисленное и если не въ политическомъ, то въ соціальномъ отношеніи могущественное сословіе „людей сильныхъ" (δυνατοί), магнатовъ или, заимствуя выраженіе изъ славянскаго быта, развившагося подъ наибольшимъ

Изд. М. Доброй [?]

вліяніемъ Византіи, <u>властелей</u>.
Прежде всего это суть <u>архонты</u> и <u>ктиторы</u>, соотвѣтствующіе Римскимъ куріаламъ и поссессорамъ, т. е. <u>старинная провинціальная аристократія</u>, нѣкогда заправлявшая дѣлами городскихъ общинъ. Хотя политическое значеніе ея давно уже было затемнено развитіемъ имперской централизаціи, хотя торжество бюрократіи нанесло смертельный ударъ этому старинному провинціальному дворянству, но тѣмъ не менѣе юридическіе памятники X и XI вв. прямо показываютъ, что помимо чиновной служилой аристократіи - воеводъ, судей, сборщиковъ податей, епископовъ и игуменовъ, въ провинціяхъ существуетъ туземная мѣстная аристократія, всегда старавшаяся удержать право патроната надъ остальнымъ народонаселеніемъ. Въ историческихъ сочиненіяхъ XII в. мы встрѣчаемъ указанія на то, что въ отдаленныхъ малоазіатскихъ и сирійскихъ городахъ старые архонтскіе роды даже не совсѣмъ утратили и свое политическое значеніе; само собою разумѣется, что изъ среды той же самой землевладѣльческой аристократіи восполнялось и сословіе придворной, служилой и бюрократической аристократіи.
Исключительнымъ и замкнутымъ, впрочемъ, это сословіе властелей не было. Не говоря о разнаго рода императорскихъ любимцахъ низкаго происхожденія, законодательные памятники X столѣтія показываютъ, что нерѣдко изъ среды „убогихъ" и бѣдныхъ, т. е. изъ среды крестьянскихъ общинъ выходили люди,

становившіеся властелями. Стоило только „убогому" получить первый неважный чинъ, онъ уже выдѣлялся изъ своей среды и стремился обезпечить свое новое положеніе экономическимъ путемъ: для этого нужно было не только выйти изъ общины, но и пріобрѣсти самостоятельный участокъ земли, отдѣльно записываемый въ податной или писцовой книгѣ, что именно и было признакомъ нѣкоторымъ образомъ аристократическаго землевладѣнія. Откуда же можно было взять такой участокъ? Если экономическое положеніе, наслѣдованное отъ предковъ, помогало прежней землевладѣльческой аристократіи архонтовъ и ктиторовъ пріобрѣсти византійскія должности и чины, занять мѣсто въ рядахъ чиновнической и придворной аристократіи, то и наоборотъ, всякій новый чиновникъ византійскаго приказа, опираясь на свое служебное положеніе, всяческими правдами и неправдами добивался того, чтобы быть помѣщикомъ и землевладѣльцемъ и большею частью достигалъ своей цѣли. Короче сказать: землевладѣлецъ хотѣлъ быть дѣйствительнымъ или титулярнымъ чиновникомъ, чиновникъ стремился быть землевладѣльцемъ. Этимъ путемъ произошло сліяніе старыхъ и новыхъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ архонтскихъ родовъ и вновь выслужившихся и разбогатѣвшихъ фамилій, въ одно большое сословіе властелей.

Это-то сословіе властелей, почти совсѣмъ лишенное какого либо политическаго значенія, утратившее всякія преданія о муниципальномъ самоуправленіи, безсильное и рабское по

отношенію къ центральной власти, и является въ X вѣкѣ опаснымъ врагомъ крестьянскихъ общинъ, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія; противъ нихъ-то и направлены были законодательныя мѣры государей Македонскаго дома.

Еще юристы временъ Юстиніана обращали вниманіе на опасности, которыя проистекаютъ для мелкой поземельной собственности отъ сосѣдства съ сильнымъ человѣкомъ. Въ Юстиніановомъ кодексѣ прямо запрещается провинціальнымъ областнымъ правителямъ дѣлать какія-либо покупки и вообще пріобрѣтенія въ управляемыхъ ими областяхъ.

Императоры Византійскаго дома издаютъ одинъ за другимъ цѣлый рядъ указовъ, направленныхъ противъ властелей въ защиту убогихъ.

Новелла соправителя Константина Багрянороднаго, Романа Лакапина (922г) говоритъ слѣдующее:

„Существуетъ древній законъ, по которому всякій можетъ безпрепятственно со стороны какихъ-либо родичей или соучастниковъ продавать свое имущество, кому только онъ захочетъ. Но существуетъ также другой законъ, по которому нельзя продавать своей собственности кому либо другому, помимо сожителей собственной сельской волости. Обращая надлежащее вниманіе на интересы нашихъ податныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ на потребности государственной казны, мы считаемъ нужнымъ исправить противорѣчіе и неопредѣленность прежняго законодательства симъ нашимъ божественнымъ повелѣніемъ.

Мы постановляемъ, что отнынѣ въ каждомъ городѣ, каждой странѣ или провинціи при продажѣ, отдачѣ въ вѣчную или во временную аренду земли, дома, виноградника или какого другаго недвижимаго имущества—должно имѣть мѣсто право преимущественной покупки, предоставляемое нижепоименованнымъ лицамъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Никакое отчужденіе собственности на недвижимыя имущества не должно быть совершаемо иначе, какъ съ предварительнымъ заявленіемъ отчуждающаго передъ тѣми, за которыми признается право на преимущественную покупку. При этомъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) Прежде всего призываются къ покупкѣ родичи, т.е. такія лица, которыя, вслѣдствіе родства, по наслѣдству или завѣщанію, владѣютъ смѣшанно участками одного и того-же недвижимаго родоваго владѣнія, составляющаго или составлявшаго нѣкогда одно цѣлое. 2) Затѣмъ—соучастники, т.е. лица, которыя вслѣдствіе покупки сообща или другаго подобнаго способа пріобрѣтенія владѣютъ однимъ и тѣмъ же общимъ недвижимымъ имуществомъ, хотя бы оно и было потомъ (послѣ покупки) раздѣлено на отдѣльные участки. 3) Далѣе слѣдуютъ сосѣди, которые имѣютъ какіе либо чрезполосные участки среди земель, подлежащихъ продажѣ. 4) И даже сосѣди, не находящіеся въ такихъ отношеніяхъ чрезполосности, но однотяглые, и 5) наконецъ, просто сосѣди, т.е. только соприкасающіеся какою ли бо частью своего владѣнія съ продаваемымъ

или вообще отчуждаемымъ участкомъ.
А однотяглыми мы называемъ, говоритъ новелла, тѣхъ, которые записываются (въ податныхъ книгахъ) подъ однимъ тягломъ, хотя бы они и въ разныхъ мѣстахъ вносили свои подати[x]) Такимъ образомъ, уже и первая часть новеллы содержитъ постановленія, служащія къ нѣкоторой охранѣ крестьянской свободной собственности, потому что права предпочтительной покупки со стороны родственниковъ и сосѣдей устраняли въ извѣстной степени посторонних сильныхъ людей. Однако, новелла Романа этимъ не довольствуется; слѣдуетъ вторая часть, которая гласитъ слѣдующее:

„Запрещаемъ на будущее время властелямъ пріобрѣтать что-либо отъ бѣдныхъ тѣмъ или другимъ способомъ - посредствомъ ли простаго дара, или завѣщаніемъ по случаю смерти, или только въ видѣ одного пользованія, или, наконецъ, подъ предлогомъ какой либо помощи и защиты, за исключеніемъ того случая, когда властель будетъ находиться въ родствѣ съ бѣднымъ. Также запрещаемъ властелямъ дѣлать покупки и наймы или мѣны въ селахъ и деревняхъ, въ которыхъ они не имѣютъ собственнаго (поземельнаго) имущества, отъ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Если даже дѣло касает-

---

x) Однотяглые, по указанію позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ, суть лица, состоящія подъ однимъ господиномъ и одному и тому же лицу вносящія и уплачивающія свои подати и оброки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они считаются собственниками своихъ участковъ.

ся участковъ, не принадлежащихъ бѣднымъ, а какимъ-либо другимъ лицамъ, если, напр. продаются отъ казны такъ называемые „вымороченные участки" или какое другое имѣніе, находящееся въ рукахъ казны и тогда пусть имѣютъ „предпочтеніе" (право преимущественной покупки) крестьяне; и только въ томъ случаѣ, если они откажутся отъ пріобрѣтенія, позволяется и властелямъ вступать въ сдѣлки. Властелями при этомъ должны быть считаемы тѣ лица, которыя могутъ наводить страхъ на отчуждающихъ не только сами собою, но и вслѣдствіе значенія и силы другихъ, находящихся съ ними въ близкихъ отношеніяхъ, или же могутъ дѣйствовать посредствомъ обѣщанія какого-либо благодѣянія. Если же кто изъ властелей дерзнетъ совершить что-либо противное этимъ опредѣленіямъ, то онъ будетъ лишенъ пріобрѣтеннаго имущества и, сверхъ того, обязанъ будетъ уплатить пеню въ пользу государственной казны. Впрочемъ, по истеченіи десяти лѣтъ безпрекословнаго владѣнія, противъ лицъ, получившихъ имѣніе бѣднаго вслѣдствіе какой-ли бо сдѣлки или въ видѣ дара и по завѣщанію, уже не можетъ быть заявляемо никакого иска — ни со стороны казны, ни со стороны тѣхъ, кому принадлежало до тѣхъ поръ право преимущественной покупки.
Впрочемъ, удаленіе властелей съ пріобрѣтенныхъ ими участковъ „убогихъ" иногда сопровождалось уплатою имъ внесенныхъ за землю денегъ. Такъ, въ новеллѣ Романа Лакапина 934 г. есть слѣдующее характерное примѣчаніе:

„Если бѣдные - состоятельны“, то они должны тотчасъ же возвратить полученную или продажную цѣну имѣнія; но если они не имѣютъ средствъ скоро воротить эту сумму, то не слѣдуетъ прибѣгать противъ нихъ къ какимъ либо насильственнымъ средствамъ, дабы мѣра, принимаемая въ видахъ ихъ будущей пользы и благосостоянія, не показалась имъ тягостною и ненавистною вслѣдствіе крупнаго вымогательства въ настоящемъ.“

Таковы постановленія, изданныя Романомъ Старшимъ о властеляхъ и убогихъ. Новеллы послѣдующихъ императоровъ - Константина Багрянороднаго, Никифора Фоки, Романа II Младшаго носятъ тотъ же характеръ. Особенно рѣзкими становятся новеллы съ Василія II Болгаробойцы, который сдѣлался самымъ строгимъ, суровымъ и непреклоннымъ врагомъ властельской аристократіи и въ особенности, сильныхъ и старыхъ фамилій, стоявшихъ во главѣ ея.

Византійскіе историки разсказываютъ, что Василій II, возвращаясь въ 995 году изъ похода въ Сирію противъ Сарацинъ, остановился дорогой у богатаго магната, принадлежавшаго къ фамиліи Малеиновъ. Императоръ съ удивленіемъ увидѣлъ дворецъ его, болѣе похожій на крѣпость и сильно былъ пораженъ богатствомъ и блескомъ домашней обстановки магната. Онъ подумалъ, говорятъ историки, что человѣкъ, располагающій болѣе 3000 вооруженныхъ рабовъ и пользующійся большимъ вліяніемъ на сосѣдей, можетъ быть весьма опасенъ.

Малеинъ приглашенъ былъ сопровождать императора въ столицу и затѣмъ болѣе не возвращался изъ Константинополя на свою родину. Его огромныя владѣнія въ Каппадокіи были конфискованы.
Властели, впрочемъ, все таки сохранили за собою возможность вторгаться въ общины убогихъ, а именно, путемъ сорокалѣтней давности. Существовало постановленіе, опредѣлявшее, что если властель въ теченіи сорока лѣтъ владѣлъ купленнымъ или захваченнымъ участкомъ крестьянской земли, то она поступала въ полную и потомственную его собственность. Василій II, признавъ вредъ подобнаго постановленія для самихъ властельскихъ фамилій, новеллою 996 года уничтожилъ самую давность. Та самая рука, которая низвергла въ прахъ Славянскую державу Самуила Болгарскаго, та самая рука, которая въ извѣстномъ почти современномъ изображеніи (представляющемъ Василія, попирающаго ногами побѣжденныхъ болгаръ) такъ характеристично и надменно упирается въ бокъ, начертала нѣсколько дошедшихъ до насъ строкъ, которыя ярко и живо обрисовываютъ личность наиболѣе замѣчательнаго византійскаго властителя, а также сущность и пріемы его борьбы съ властелями во имя бѣдныхъ и убогихъ. Что можетъ быть характеристичнѣе его снисходительнаго сожалѣнія о малолѣтнихъ наслѣдникахъ властельскихъ фамилій, которымъ отцы оставляютъ въ наслѣдство имѣнія, подлежащія отобранію, такъ какъ не миновала еще давность, прикрывающая неправильное пріобрѣтеніе. Этихъ

имѣній! И какое прекрасное утѣшеніе для этихъ властельскихъ наслѣдниковъ въ уничтоженіи всякой давности, въ заявленіи, что впредь не слѣдуетъ разсчитывать на какую бы то ни было давность владѣнія, что всегда и во всякомъ случаѣ неправильно купленное имѣніе будетъ отобрано! Вообще, во всемъ собраніи византійскихъ государственныхъ актовъ нѣтъ документа болѣе любопытнаго и поучительнаго, чѣмъ эта новелла 996 года, нѣкоторыя извлеченія изъ которой мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь:

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили самодержавную власть и приняли разбирать дѣла между богатыми и бѣдными, мы увидѣли, что властели, страдая страстью пріобрѣтенія, находятъ явное поощреніе своей страсти въ сорокалѣтней давности и стараются то посредствомъ подарковъ, то посредствомъ присущей имъ силы и вліянія — миновать какъ-нибудь этотъ срокъ и затѣмъ получить уже полное право собственности надъ тѣмъ, что они дурнымъ образомъ пріобрѣли отъ убогихъ. Желая исправить такое зло, поставить въ границы нынѣшнихъ властелей и воспрепятствовать будущимъ слѣдовать по тому же пути, мы издаемъ настоящій законъ, послѣ котораго они будутъ знать, что уже не найдутъ въ этой сорокалѣтней давности никакой помощи, но что чужое будетъ отбираемо не только у нихъ самихъ, но и у дѣтей ихъ или у тѣхъ, кому они оставятъ свое имущество. А что держава наша не безъ разсмотрѣнія и не безъ испы-

танія отмѣняетъ освящаемое давностью право собственности, но сострадая къ бѣднымъ и заботясь о прочности общественнаго порядка, а также изъ любви къ справедливости, изъ желанія уврачевать опасную страсть любостяжанія — это ясно будетъ изъ того, что мы сейчасъ хотимъ сказать. Не мало были мы обременяемы жалобами бѣдныхъ по поводу этого правила (сорокалѣтней давности) и много разъ, путешествуя къ войскамъ и проходя области царства нашего, мы собственными глазами видѣли совершающіяся ежедневно въ отношеніи къ нимъ несправедливости и обиды. Развѣ не можетъ властель, обидѣвшій бѣднаго, долгое время пользоваться своею силою и благосостояніемъ, а потомъ еще передать то и другое своимъ наслѣдникамъ? Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можетъ помочь бѣдному одно время (давность)?.................. Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильныхъ, поддержать бѣдныхъ въ принадлежащихъ имъ правахъ, которыя у нихъ злымъ образомъ бываютъ отнимаемы или же похищаемы обманомъ?...........

*) А что всего хуже, такъ это то, что властели передаютъ имѣнія, составленныя грабежомъ и обманомъ, собственнымъ дѣтямъ, полагая, въ расчетъ на сорокалѣтнюю давность, что они имѣютъ надъ такими имѣніями уже неотъемлемую собственность. Когда Ja-

---

*) Отрывокъ этотъ считается собственноручною припискою императора на поданномъ ему къ подписанію экземплярѣ.

ковая защита и прикрытіе сорокалѣтней давности отстраняется, то дѣти властелей лишаются хищническаго наслѣдія, достающагося отъ отца, приходятъ въ бѣдность и послѣднюю нищету, какъ этому подвергались отъ царской нашей державы внуки Романа Мусели. Получивъ отъ дѣда и отца подобнаго рода имѣніе около города Филомилия, они были послѣ повергнуты въ бѣдность. Уничтожая такую несправедливость и неравенство и постановляя для всѣхъ одинаково - бѣдныхъ и богатыхъ - полезное и справедливое, мы отмѣняемъ сорокалѣтнюю давность, дабы и богатые, зная это, не оставляли вышеозначеннаго рода наслѣдствъ своимъ дѣтямъ, и чтобы бѣдные, лишаемые своего достоянія, не приходили въ отчаяніе, но въ настоящемъ законоположеніи имѣли бы крѣпкую поддержку къ возвращенію своей собственности"........ Далѣе: „Развѣ можно не считать властелемъ того, кто хотя сначала и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потомъ достигъ почестей и дошелъ до верха славы. Онъ - не властелъ, пока онъ находится внизу и пока онъ - въ такомъ положеніи, мы допускаемъ, чтобы ему помогла давность. Онъ - властелъ, съ тѣхъ поръ, какъ удостоился чести: съ тѣхъ поръ время (давность) нисколько не должно ему помогать. Подобные случаи (превращенія) случаются каждый день, какъ мы и сами это находимъ. Такъ мы нашли Филокалеса: первоначально онъ былъ крестьяниномъ и принадлежалъ къ числу убогихъ, а потомъ поступилъ въ число знатныхъ и богатыхъ. Пока онъ нахо-

дился внизу, онъ несъ тягло вмѣстѣ съ своими односельчанами и ни въ чемъ ихъ не обижалъ. Когда же онъ достигъ высшихъ должностей, онъ захватилъ все селеніе и обратилъ его въ собственное помѣстье, измѣнивъ самое его названіе..... Когда человѣкъ такъ поднялся и когда его дѣла приняли такой видъ — позволительно ли, чтобы ему дано было въ помощь еще и время (давность) и предоставлена была возможность владѣть неизмѣнно тѣмъ, что онъ злымъ образомъ пріобрѣлъ? — Никакъ. Поэтому мы, проходя въ той мѣстности и узнавъ изъ жалобъ со стороны бѣдныхъ о положеніи дѣлъ, приказали разрушить его великолѣпные дворцы и сравнять ихъ съ землею; бѣднымъ возвратили ихъ достояніе, а ему оставили только то, что онъ имѣлъ сначала, то-есть, податную землю и опять воротили его въ первобытное состояніе крестьянина".....

Помимо земель, составлявшихъ предметъ экономической борьбы между свѣтскою аристократіею властелей и крестьянскими общинами, покровительствуемыми государственною властію, далѣе, помимо земель казенныхъ и составлявшихъ личное достояніе императорскаго дома, оставалась еще значительная часть территоріи, которая принадлежала церквамъ и въ особенности монастырямъ. Монастырское землевладѣніе какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Византіи, тоже обнаруживало иногда стремленіе къ излишнему увеличенію и расширенію на счетъ свободныхъ крестьянскихъ участковъ. Законодательство, поставившее себѣ цѣлью защиту крестьянскаго зем-

левладѣнія, не избѣгло и столкновенія съ церковью. VII и начало VIII вѣка было временемъ, когда монастырское землевладѣніе достигло наибольшаго преобладанія, а вслѣдствіе того и возбудило противъ себя неудовольствіе государственной власти. Передъ началомъ иконоборства восточная церковь не уступала размѣрами своихъ территоріальныхъ владѣній богатству церкви западной, такъ что гоненіе на монастыри, начавшееся при Львѣ Исаврѣ и особенно ревностно проводимое сыномъ его Константиномъ Копронимомъ совпадаетъ по времени, а вѣроятно, и по мотивамъ своимъ съ секуляризаціею церковныхъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ и его сыновьяхъ. Съ торжествомъ иконопочитанія въ 787 году возстановлены были и монастыри съ ихъ земельными владѣніями, и съ восшествіемъ на престолъ Македонской династіи число монастырей стало замѣтно увеличиваться и еще быстрѣе возрастать количество земли, поступавшей въ ихъ собственность.

Законодательная власть должна была обратить на это вниманіе; уже Романъ Лакапинъ въ своей новеллѣ 934 г. высказываетъ намѣреніе ограничить расширеніе монастырскаго землевладѣнія насчетъ крестьянскихъ участковъ, хотя это намѣреніе высказано еще не вполнѣ ясно. Честь прямаго противодѣйствія этому злу принадлежитъ императору Никифору Фокѣ, который, въ знаменитой новеллѣ 964 г., подкрѣпленной изрѣченіями св. Писанія и словами I. Христа, прямо и опредѣленно запрещаетъ „завѣщевать поля и помѣстья мона

стырямъ, богадѣльнямъ и странноприимнымъ домамъ, или же митрополитамъ и епископамъ, такъ какъ это нисколько не приноситъ имъ пользы, называя, кромѣ того, въ рѣзкой обличительной рѣчи построеніе новыхъ монастырей „дѣломъ пустой суетности и тщеславія"*)

Успѣхи болгарскаго возстанія, неудачи въ южной Италіи, враждебное отношеніе къ Русскимъ, наконецъ, рядъ внутреннихъ междоусобій, все это вмѣстѣ привело имперію на край гибели и заставило правителей спросить себя: гдѣ причина гнѣва Божія, обрушившагося на нея? Причину эту узрѣли въ вышеупомянутомъ постановленіи Никифора Фоки и „новеллою благочестиваго царя Василія Младшаго окончательно отмѣнено было законоположеніе 964 года противъ церквей и богоугодныхъ домовъ." (988г.)

Но постановленіе знаменитаго болгаробойцы не имѣло прочности. Страсть къ постройкѣ новыхъ монастырей, ихъ разлагающее дѣйствіе на сельскія общины и крестьянское землевладѣніе было настолько велико, что не прошло и десяти лѣтъ, какъ самъ Василій II заговорилъ въ духѣ осужденныхъ имъ воззрѣній Никифора Фоки. Вышеприведенная новелла 996 года, кромѣ постановленій о свѣтскихъ властеляхъ, возобновляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и запрещеніе Романа Старшаго (934г.) монастырямъ дѣлать какія бы то ни было новыя пріобрѣтенія, ибо „цѣлыя селенія не только терпятъ стѣс-

---

*) Русскій переводъ этой характернѣйшей изъ всѣхъ новеллы см. въ вышеупомянутой статьѣ пр. Васильевскаго, стр. 224-228.

нения; но и совсѣмъ перестаютъ существовать, забдаемыя монастырями"........
Такимъ образомъ въ X вѣкѣ въ Восточной половинѣ Имперіи кончается борьба крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ и окончательно устанавливается соціальный строй. Вышеизложенные факты вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить и объясненіемъ, почему въ Византіи не утверждается, подобно тому, какъ на Западѣ, феодальный порядокъ вещей: стремленія „сильныхъ людей встрѣчаютъ здѣсь и сильную оппозицію со стороны императорской власти, болѣе могущественной въ Восточной половинѣ Имперіи, яснѣе понимавшей свои обязанности и болѣе проникнутой древними Римскими законами и правомъ, нежели западная династія Каролинговъ. Кромѣ того, самое развитіе государственной централизаціи, сильная бюрократія, окружавшая престолъ восточныхъ властителей, обычай переписывать земли, вести писцовыя книги и т. п. облегчали въ значительной мѣрѣ борьбу съ сильнымъ сословіемъ властелей. Византійскіе автократы въ раньшей стадіи развитія замѣтили грозившую государственному благосостоянію опасность и приняли рѣшительныя мѣры раньше, чѣмъ властели пріобрѣли политическія права надъ массою крестьянскаго населенія. Очевидно, результатъ этотъ былъ благодѣтеленъ для соціальной жизни народа, но въ послѣдующій періодъ исторіи замѣтны недостатки его: Византія, сохранивъ самодержавную монархическую власть, окруженную строго-разграниченной бюрократіей, не имѣла между властью и народомъ самосто-

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

ятельныхъ силъ, не образовала феодальнаго строя, послужившаго зерномъ развитія начала личной независимости, свободы, новыхъ воззрѣній и убѣжденій, которыя такъ ярко характеризуютъ періодъ средневѣковой исторіи Латинскаго Запада.

Обратимся теперь къ возникновенію и развитію новой силы, имѣвшей такое огромное вліяніе на исторію Византіи — къ мусульманству, объяснимъ прежде всего торжество новаго вѣроученія въ Азіи, гдѣ была колыбель христіанства, и въ Африкѣ и наконецъ борьбу его съ христіанствомъ въ южной Европѣ — Италіи и Испаніи.

При этомъ разсмотрѣніи, необходимо прежде всего имѣть въ виду характеръ того племени, которое осталось господствующимъ на Востокѣ — характеръ Грековъ. Греки являются передъ нами далеко не такимъ міродержавнымъ народомъ, каковы были Римляне. Являясь гдѣ бы то ни было, они основывали свои торговыя колоніи, но не высказывали никакого стремленія подчинить подвластныя имъ племена своему культурному господству, ограничиваясь эксплуатаціею ихъ въ коммерческомъ отношеніи. Римляне, наоборотъ, стремились къ политическому и культурному господству. Величавость, важность, строгость Римлянина по отношенію къ покореннымъ совсѣмъ не существовала въ поведеніи живаго, болѣе подвижнаго, но и несравненно болѣе своекорыстнаго Грека. Соотвѣтственно съ этимъ и вліяніе

Изд. Аблина.

послѣднихъ надъ подвластными племенами была слабѣе власти Римлянъ. Племена, которыя мы имѣемъ здѣсь въ виду, жители Сиріи, Месопотаміи, Египта (Копты), управляемы были сначала Римлянами, а потомъ новой Римской имперіей - Византіей. Сначала благодаря вліянію Александра Македонскаго, покорившаго мечу своему эти страны, впослѣдствіи благодаря культурнымъ преданіямъ и наконецъ Римскому праву, власть Восточной имперіи продолжала держаться въ этихъ странахъ. Но когда эти преданія, постепенно ослабѣвавшія, исчезли совсѣмъ, то оказалось, что Греки не въ состояніи были поддержать и упрочить свой авторитетъ, подобно тому, какъ это дѣлали Римляне. Наиболѣе осязательные слѣды греческаго вліянія остались здѣсь въ развитіи философіи и религіозныхъ догматическихъ вопросовъ, т. е. той стороны жизни, къ которой наиболѣе склоненъ былъ созерцательный греческій умъ.

Благодаря всему этому, на Востокѣ во многихъ отношеніяхъ почва была приготовлена для воспринятія исламизма. Въ то время, когда на Востокѣ восторжествовало греческое начало надъ Римскимъ *), когда вліяніе-

*) Извѣстно, что Константинъ Великій, перенося столицу Имперіи изъ Рима въ Византію, предполагалъ сдѣлать этотъ „новый Римъ" вполнѣ латинскимъ городомъ; сенаторы были переведены имъ изъ Рима, въ Византіи утвердилось господство латинскаго языка, законы до Юсти-

тѣ съ тѣмъ Славяне оттѣснили Грековъ къ окраинамъ полуострова, мы замѣчаемъ, что на Востокѣ, среди населенія Малой Азіи и Египта является сильная оппозиція противъ ново-Римлянъ – Византійцевъ; ненасытная ненависть Арабовъ-Сирійцевъ къ Грекамъ Византійцамъ началась еще въ V вѣкѣ. Не меньше того тяготились Греческимъ господствомъ и хотѣли освободиться отъ него и Копты, жители Египта.

Оппозиція всѣхъ этихъ племенъ выражалась преимущественно на догматической, церковной почвѣ, въ области религіозной мысли. Формулировка христіанскихъ истинъ, въ особенности догмата о двухъ природахъ Іисуса Христа, подала поводъ и къ выраженію племенной ненависти. Особенно ярко проявляется она послѣ III^го и IV^го Халкедонскаго собора 451 года, на которомъ опредѣлено было признавать въ І. Христѣ двѣ природы – Божескую и Человѣческую. Возведеніе этого въ христіанскій догматъ явилось необходимымъ выраженіемъ всего предыдущаго развитія христіанства, необходимымъ для пополненія той бездны, которая являлась между Божествомъ и человѣкомъ. Халкедонскій соборъ подалъ поводъ къ враждѣ, продолжающейся вѣками. Вражда эта началась непосредственно послѣ собора: 10 тысячъ монаховъ Сиріи и Па-

---

ніана и даже нѣкоторыя новеллы послѣ него были писаны также по латыни. Торжеству Греческаго языка и цивилизаціи способствовала здѣсь во многомъ христіанская церковь.

лестины возмутились, не желая признавать постановления 4го вселенскаго собора; они явились огромною толпою къ патріарху, требуя, чтобы онъ проклялъ самый соборъ и когда онъ не согласился на это, то они низложили его. Волненія эти, сопровождавшіяся кровопролитіями и буйствами, повторились и въ Египтѣ и продолжались до времени Юстиніана. Попытка примиренія,*) сдѣланная при этомъ императорѣ, подала поводъ только къ новымъ смятеніямъ и дѣло тянулось такимъ образомъ до императора Ираклія, до появленія исламизма. Нѣкоторое время казалось, что восторжествуетъ ученіе Халкедонскаго собора, но появленіе новаго учителя-проповѣдника, Якова Бородаи, успѣвшаго собрать вокругъ себя послѣдователей монофизитства, произвело вновь церковный расколъ. Явилась такъ называемая якобитская церковь съ тремя центрами; первый изъ нихъ обнималъ Сирію, Месопотамію и Палестину, съ патріаршествомъ якобитовъ въ Антіохіи. Второй центръ былъ въ Египтѣ, гдѣ особенно рѣзко выразилось совпаденіе національной вражды къ грекамъ съ религіозныимъ протестомъ. Послѣдователи монофизитскаго толка стали прямо именовать себя Коптами (Египтянами) и свою церковь Коптскою, какъ бы желая выразить этимъ свое полное разъединеніе съ Греками. Послѣдовате-

---

*) Попытка этого примиренія состояла въ томъ, что стали признавать въ І. Христѣ двѣ природы, Божескую и Человѣческую, но одну волю.

ли Халкедонскаго собора приняли имя мелхитовъ, что прямо означаетъ роялистовъ, приверженцовъ императора; и дѣйствительно, большая часть ихъ состояла изъ чиновниковъ, поставленныхъ имперіей. Коптская церковь, выставившая нѣсколькихъ великихъ учителей (Григорій Александрійскій и др.) изъ ненависти къ грекамъ отвергла греческій алфавитъ и упразднила греческій языкъ при богослуженіи, ясно высказывая такимъ образомъ совпаденіе вѣроисповѣдныхъ тенденцій и національной вражды. Третьимъ центромъ монофизитства была Арменія, гдѣ раньше всего начали созываться соборы и крѣпче всего утвердился монофизитскій толкъ. Въ то время Арменія представляется раздѣленной между Греческой имперіей и державой Сассанидовъ; и здѣсь, какъ во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ Грекамъ, начинаются волненія, попытки оппозиціи, сопровождаемыя нерѣдкими кровопролитными столкновеніями.

Такимъ образомъ, ненависть къ Грекамъ подготовила на Востокѣ почву для воспринятія и торжества исламизма. Причина эта несомнѣнно является преобладающей, ибо если мы обратимся къ магометанству, къ лицу его основателя и его книгѣ, то въ нихъ найдемъ мало условій для успѣха новаго вѣроученія.

Что касается личности самого Магомета, то при характеристикѣ его прежде всего является вопросъ о томъ, былъ ли онъ обманщикомъ, какъ это предполагали прежніе изслѣдователи его жизни и ученія, или же онъ самъ въ

ровалъ въ свое Божественное призваніе и въ свою пророческую роль? Послѣдній изъ біографовъ Магомета, д-ръ Шпренгеръ, извѣстный оріенталистъ и медикъ, утверждаетъ, что основатель исламизма страдалъ особымъ видомъ истерики, которую онъ называетъ мускульной истерикой, и что въ этой болѣзни слѣдуетъ искать корня и начала его проповѣднической дѣятельности. Представляя собою характерное исключеніе изъ среды своихъ соотечественниковъ - Арабовъ, онъ былъ мечтателемъ; наслѣдовавъ отъ матери своей нервный темпераментъ, онъ былъ меланхоличенъ, задумчивъ, безпокоенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ является передъ нами одаренный сильнымъ и пылкимъ воображеніемъ, словомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ качества людей, склонныхъ къ религіознымъ вопросамъ и мистическимъ мудрствованіямъ. Что же касается до обмана, то люди, страдающіе его болѣзнью, склонны прежде всего къ самообману. „Подверженные истерикѣ люди, говоритъ знаменитый Шёнлейнъ (Schönlein) всѣ болѣе или менѣе расположены къ лжи и обману." Впрочемъ, довольно трудно опредѣлить, насколько этотъ самообманъ граничитъ у нихъ съ сознательною ложью; трудно различить въ нихъ ложь субъективную отъ объективной. Въ первый періодъ своей дѣятельности, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Магометъ вѣровалъ въ откровеніе свыше, заставившее его проповѣдовать. Послѣ вторичнаго явленія ему этого сверхъестественнаго существа, которое преданіе называетъ Гавріиломъ, но которое въ Коранѣ носитъ имя „вѣрнаго", „могущественнаго", „святаго духа"

послѣ его повелительнаго слова: „проповѣдуй!“ (Ікра!) троекратно повтореннаго (Магометъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ 74^и^ и 96^и^ сурахъ Корана) видѣнія слѣдовали одно за другимъ; вѣрные, Магометъ, не ожидая болѣе видѣній и галлюцинацій, принималъ тотъ голосъ, который слышался внутри его самого, за Божественное откровеніе. Во всякомъ случаѣ, утверждаетъ Дози, въ это первое время Магометъ глубоко вѣрилъ въ свою пророческую роль. Нахальный и вульгарный обманщикъ не былъ бы въ состояніи основать религію, принятую милліономъ людей и сдѣлавшуюся всемірнымъ культомъ; безъ твердаго внутренняго убѣжденія, Магометъ никогда не былъ бы въ состояніи переносить въ теченіи десяти лѣтъ оскорбленія и опасности, которыя его ожидали." Dozy Essai sur l'histoire de l'islamisme, p. 31.).*)
Мы не будемъ подробно разсматривать десятилѣтній неудачный періодъ пророческой дѣятельности Магомета въ Меккѣ, среди родственныхъ ему племенъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, вопреки ходячему мнѣнію, не нужно представлять себѣ Арабовъ склонными къ религіозному энтузіазму и настроенными къ принятію новаго вѣроученія. Напротивъ, всѣ новѣйшіе изслѣдователи соглашаются въ томъ, что Ара-

---

*) Пособія при изученіи вопроса объ исламизмѣ:
Dozy. Essai sur l'histoire de l'islamisme. Переводъ съ голландскаго на французскій Victor Chauvin. Paris. 1879.
Weil. Geschichte der islamitischen Völker. Кромѣ того: Біографія Магомета. Д-ра Шпренгера. Коранъ, фр. переводъ Казимірскаго, русскій пер. Саблукова

бы-народъ прозаическій и разсудочный, что даже въ поэзіи ихъ нѣтъ смѣлаго полета фантазіи; а господствуетъ только внѣшняя форма, что они народъ своекорыстный и практически-холодный.*) Вѣрованія ихъ представляли смѣсь семитскихъ представленій о единомъ Богѣ - Алла-Таала (Allâh-taâla) съ фетишизмомъ, т. е. поклоненіемъ неодушевленнымъ вещамъ. Они вѣровали также въ Джинновъ (Djinns) - геніевъ, могущихъ дѣлать много добра и много зла, хотя и стоящихъ ниже бога; они населяли пустыни и горы; каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленное мѣстопребываніе.
Очевидно, что жителей Мекки, людей торговыхъ и достигшихъ извѣстной степени культуры, не удовлетворяли подобныя вѣрованія, въ особенности фетишизмъ, поклоненіе осколкамъ камня, базальта и т. п. и даже почитаемому всѣми „черному камню Каба". Но они сохраняли старыя преданія и не обнаруживали никакой страсти къ новой религіи. Этотъ фактъ является вполнѣ яснымъ даже изъ тѣхъ столкновеній, которыя происходили между жителями Мекки и Магометомъ по поводу ихъ фетишей. Видя безуспѣшность своей проповѣди, онъ соглашался даже оставить и включить въ религію свою трехъ боговъ, почитаемыхъ тремя сосѣдними племенами фетишей; имена ихъ уже были рекомендованы ученикамъ и только презрѣніе, которое онъ возбу-

*) Ту же характеристику современныхъ бедуиновъ, потомковъ древнихъ Арабовъ, можно встрѣтить у путешественниковъ; напр. въ Путешествіи на Синай - Кондакова.

дилъ къ себѣ подобнымъ поступкомъ, заставило его отказаться отъ него. Требованіе его соотечественниковъ является вполнѣ понятнымъ: жителямъ Мекки, какъ народу торговому, весьма удобно было обезопасить свои караваны и вообще снискать благорасположеніе сосѣднихъ племенъ путемъ сохраненія въ своемъ храмѣ наиболѣе чтимой этими племенами святыни; отсюда и это требованіе отъ основателя новой религіи-сохранить старыхъ, хотя и не уважаемыхъ ими, но необходимыхъ для политическихъ и торговыхъ цѣлей фетишей.

Подобно тому, и въ другой разъ, Магометъ готовъ былъ сдѣлать уступку въ своихъ, хотя и вообще немногосложныхъ требованіяхъ, для пріобрѣтенія народнаго расположенія и популярности; такимъ образомъ ясно, что къ его религіозной проповѣди не разъ примѣшивались и личные расчеты.

Весьма важными въ его дѣятельности являются его войны, нападенія и грабежи карвановъ враждебныхъ ему жителей Мекки. Въ связи съ ними находится и его проповѣдь о борьбѣ съ невѣрными, сначала касавшаяся только Аравіи и по преимуществу жителей Мекки, не признававшихъ его за пророка Божія, гнавшихъ его и отвѣчавшихъ на его проповѣди оскорбительными выходками. Въ городѣ Таифѣ, куда онъ направился для проповѣди и набора послѣдователей, наиболѣе вліятельныя лица отвѣчали ему горькими насмѣшками: „Если бы Аллахъ хотѣлъ послать пророка, сказалъ одинъ, неужели онъ не нашелъ бы

кого-нибудь получше тебя?" „Я не хочу болѣе говорить съ тобою," возразилъ другой; „если ты посланникъ Божiй, какъ ты самъ предполагаешь, то ты слишкомъ высокая особа, чтобы я могъ спорить съ тобою; если, напротивъ, ты обманщикъ, то я считаю слишкомъ низкимъ для себя отвѣчать тебѣ".
Кромѣ неприязни своихъ соотечественниковъ, Магометъ дошелъ и до разрыва съ Евреями, на которыхъ онъ наиболѣе всего разсчитывалъ. Въ Мединѣ, куда, какъ извѣстно, направился пророкъ послѣ неудачной проповѣди въ Меккѣ, жило много Евреевъ и только передъ появленiемъ тамъ Магомета власть перешла въ руки туземцевъ Арабовъ. Жители Медины вообще были склонны къ тому, чтобы находить хорошимъ то, что ненавистные имъ жители Мекки находили дурнымъ; кромѣ того, слыша часто отъ подвластныхъ имъ Евреевъ, что придетъ пророкъ, который дастъ имъ, Евреямъ, побѣду и преобладанiе, они поспѣшили стать на сторону Магомета, признать его пророкомъ, чтобы предупредить Евреевъ — весною 622 года между пророкомъ и жителями Медины состоялось окончательное соглашенiе, на основанiи котораго онъ былъ признанъ посланникомъ Божiимъ, основателемъ новой религiи; Мединцы обѣщали защищать его и, въ случаѣ необходимости, пожертвовать за него жизнью.
На Евреевъ, не признавшихъ его пророкомъ, обрушилась вражда Магомета; противъ нихъ направлены были его первые походы и къ нимъ впервые приложена заповѣдь священ-

ной войны, точно также какъ и противъ жителей Мекки, богатый караванъ которыхъ и довольно многочисленное войско были побѣждены въ знаменитой битвѣ при Бедрѣ. Впрочемъ, Магометъ не считалъ себя удовлетвореннымъ этою местью; шестеро изъ его наиболѣе ненавистныхъ враговъ были казнены; первою жертвою была женщина — Асма, не отказавшаяся отъ вѣры отцовъ своихъ и составившая противъ Магомета сатирическіе стихи, въ которыхъ она упрекала своихъ за признаніе пророкомъ такого человѣка, какъ Магометъ. „Кто избавитъ меня отъ этой женщины?" воскликнулъ пророкъ въ минуту гнѣва; одинъ изъ приверженцовъ его, Омаиръ, тайно убилъ ее ночью, за что и былъ всенародно оправданъ пророкомъ въ мечети.

Нѣсколько недѣль спустя, совершено было подобное же отвратительное убійство, но на этотъ разъ жертвою явился престарѣлый Еврей, Абу-Афакъ, точно также написавшій сатиру противъ мусульманъ; онъ былъ удавленъ во время сна.

Послѣ долгой войны, которая тревожила жителей Мекки и мѣшала ихъ торговлѣ съ Сиріей и Египтомъ, Магометъ достигъ наконецъ того, что его пророческая миссія была признана и въ Меккѣ, послѣ переговоровъ съ Абу-Софіаномъ, однимъ изъ главныхъ вождей племени, перешедшимъ, впрочемъ, въ исламизмъ болѣе на основаніи политическихъ соображеній, чѣмъ изъ религіознаго убѣжденія. Но наиболѣе характернымъ и важнымъ яв-

ляется предъ нами освобожденіе Магомета отъ его послѣдняго сильнаго непріятеля — еврейскаго племени Кораида. По откровенію свыше, онъ направилъ свои военныя силы противъ ихъ крѣпости, отстоявшей отъ Медины на разстояніи двухъ-трехъ миль. Неприготовленные къ осадѣ, они сдались спустя нѣсколько дней и подчинились условію, гласившему, что ихъ прежніе союзники, племя Аусъ изъ Медины, должны рѣшить ихъ участь. Магометъ назначилъ судьею Садъ-ибнъ-Моада, врага племени Кораида и приговоръ, произнесенный послѣднимъ, жестокостью своею превзошелъ все сдѣланное до сихъ поръ: „мужчины-плѣнники должны были быть обезглавлены, женщины и дѣти проданы въ рабство, добыча раздѣлена между солдатами мусульманской арміи. „По истинѣ, отвѣчалъ на это Магометъ, ты произнесъ приговоръ, утвержденный Богомъ, который царитъ превыше седьмаго неба."

И этотъ приговоръ былъ свято исполненъ. Плѣнные Евреи, въ числѣ восьмисотъ человѣкъ, были обезглавлены и зарыты въ ямы; женщины и дѣти проданы Бедуинамъ въ обмѣнъ за лошадей и оружіе.

Примирившись съ жителями Мекки, Магометъ отправился въ храмъ Каба, почтительно дотронулся до черного камня своей палкой, семь разъ обошелъ вокругъ храма и велѣлъ разрушить идоловъ, что и было исполнено. Была объявлена всеобщая амнистія, изъ которой исключены были только десять или двѣнадцать человѣкъ, но и изъ нихъ казнено было только четыре; трое заслуживали казни; четвертая бы-

ла опять женщина-пѣвица, не перестававшая сочинять сатиры на пророка, т.е. наносившая ему тѣ оскорбленія, которыя Арабъ никогда не прощаетъ.
Въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ 32 года пророкъ Аравіи умеръ, предъ смертью своею поручивъ Аишѣ, любимой своей женѣ, раздать бѣднымъ то незначительное имущество, которое оставалось послѣ него.
Чтобы дополнить характеристику Магомета, скажемъ нѣсколько словъ о его отношеніяхъ къ вопросу о бракѣ? Извѣстно, что мусульманская религія не воспрещаетъ многоженства; самъ пророкъ, женатый въ первый разъ на богатой вдовѣ Кадиджѣ, послѣ ея смерти, одновременно имѣлъ пять женъ, изъ которыхъ десятилѣтняя Аиша имѣла огромное нравственное вліяніе на своего пятидесятилѣтняго супруга. Но и этихъ пяти женъ показалось пророку недостаточно: ему понравилась Заинабъ, жена Заида, его пріемнаго сына и онъ взялъ ее себѣ послѣ того, какъ мужъ развелся съ нею. Откровеніе, высказанное имъ въ 33-й суратѣ Корана, заставило замолчать злые языки, находившіе не совсѣмъ сообразною его женитьбу на супругѣ пріемнаго сына. Пріемные сыновья, гласило оно, совсѣмъ не могутъ равняться съ сыновьями родными и поэтому жены ихъ могутъ выходить замужъ за пріемныхъ отцовъ. „Послѣ того, какъ она была женою Заида, говоритъ Аллахъ, мы дали ее тебѣ въ жены, для того, чтобы не было болье грѣхомъ для вѣрующихъ жениться на супругахъ своихъ пріемныхъ сыновей. Нужно поступать по волѣ Божией." Открове-

ніе, очевидно, весьма удобное для личныхъ желаній пророка, но нельзя сказать, чтобы особенно нравственное по внутреннему своему смыслу. И въ другой разъ, Магомету пришлось призвать на помощь откровеніе, Бога и архангела Михаила, для оправданія любимой супруги своей, Аиши. Заподозрѣнная на основаніи довольно важныхъ фактовъ въ невѣрности пророку, она долго оставалась подъ этимъ подозрѣніемъ, которое коснулось и Магомета. Аиша уже почти вернулась къ роднымъ своимъ и скандалъ въ семействѣ пророка обѣщалъ уже сдѣлаться общимъ достояніемъ, но Магометъ прекратилъ его: онъ впалъ въ свое обычное истерическое состояніе, которое разрѣшилось откровеніемъ свыше: Аллахъ удостовѣрилъ его въ полной невинности Аиши.

Обращаясь къ самой книгѣ мусульманскаго пророка, къ Корану,*) мы должны прежде всего признать, вопреки мнѣнію прежнихъ ученыхъ и даже поэтовъ (Гёте, Пушкина) и согласно съ мнѣніемъ новѣйшихъ знатоковъ арабскаго языка и литературы, что Коранъ не имѣетъ высокаго научнаго и даже поэтическаго значенія. Хотя изрѣченія Магомета были первоначально записываемы въ отдѣльности, на клочкахъ пергамента**) и уже впослѣдствіи собраны въ одно цѣлое, но тѣмъ не менѣе они дошли до насъ въ той формѣ, въ которой предлагаемы пророкомъ его слушателямъ. Оказывается, что онъ не усвоилъ себѣ даже той поэтической фор-

---

*) Коранъ - слово, заимствованное у Евреевъ; происходитъ отъ глагола Кара - читать, изучать св. Писаніе.

**) на пальмовыхъ листьяхъ и даже камняхъ,

мы, которая была выработана и распространена среди Арабовъ. Многіе между ними могли составить большія стихотворныя произведенія на основаніи поэтическихъ правилъ; но онъ избралъ другую, болье легкую форму для выраженія своего ученія - форму краткихъ двустишій, которыя рифмуются между собою. Но даже и эта форма не вполнѣ выдержана имъ, такъ что для знатоковъ Коранъ со стороны его внѣшней формы не имѣетъ никакихъ высокихъ достоинствъ и чтеніе его представляется монотоннымъ и скучнымъ. Самый языкъ стоитъ ниже древняго Арабскаго литературнаго языка и содержитъ въ себѣ не мало ошибокъ и множество заимствованій изъ еврейскаго, сирійскаго и эфіопскаго языковъ. Самое собраніе этихъ суратъ или откровеній въ одно цѣлое сдѣлано тѣмъ особымъ образомъ, который дѣлаетъ изученіе Корана крайне тяжелымъ и скучнымъ. Извѣстно, что инціатива собранія и классификаціи суратъ принадлежитъ первымъ калифамъ - Абу-Бекру и другу его Омару. Когда оказалось, что многіе изъ знавшихъ Коранъ потеряли жизнь въ битвахъ, то стали бояться, чтобы окончательно не утратилась среди правовѣрныхъ память объ изреченіяхъ пророка. Молодому Заидъ-ибнъ Табиту, бывшему секретарю Магомета, поручено было калифомъ собрать всѣ эти клочки бумаги, пергаменту, листья и камни, на которыхъ записаны были отдѣльныя сураты и составить изъ нихъ книгу. Порядокъ, которому слѣдовалъ составитель, неизвѣстенъ намъ, потому

что книга предназначалась для собственнаго употребленія Абу-Бекра и Омара. Правовѣрные читали коранъ какъ имъ вздумается и вскорѣ редакціи начали разниться между собою. Третій калифъ, Османъ, рѣшилъ, что необходимо сдѣлать вторую, общую и обязательную для всѣхъ редакцію священной книги и поручилъ это дѣло тому же самому Заиду, которому принадлежала и первая редакція. Въ этой то второй редакціи и дошло до насъ ученіе Магомета, такъ какъ, по распоряженію калифа, всѣ остальныя были уничтожены.
Что касается до внѣшняго распредѣленія суратъ или отдѣльныхъ откровеній, то оно является совершенно произвольнымъ. Дѣло, впрочемъ и не могло бы быть иначе: распредѣленіе ихъ по внутреннему смыслу являлось невозможнымъ, ибо въ одномъ и томъ же откровеніи Магометъ часто говоритъ о вещахъ совершенно различныхъ. Еще менѣе можно было руководствоваться хронологическими данными, частью въ силу того, что пророкъ прибавлялъ къ старымъ откровеніямъ новыя, частью въ силу того, что уже не существовало большинства его современниковъ, которые могли бы указать, когда и по какому случаю сказано было то или другое откровеніе. По справедливости замѣтило одно современное лицо, когда его спросили, въ точномъ ли хронологическомъ порядкѣ расположены стихи Корана: „Если бы всѣ люди и всѣ Джинны попытались бы сдѣлать это, то и тогда имъ не удалось бы".
Такимъ образомъ, не имѣя возможности расположить стихи по ихъ внутреннему смыслу или

на основании хронологии, ограничились тѣмъ, что поставили самую длинную сурату во главѣ и за нею по порядку длины остальныя, такъ что послѣдняя сурата (114ª) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая краткая. Изъ этого происходитъ, что откровенія, принадлежащія различнымъ эпохамъ смѣшаны въ одно, въ полномъ безпорядкѣ; подобнаго хаоса не встрѣчаемъ мы ни въ одной священной книгѣ и это-то и дѣлаетъ изученіе Корана столь затруднительнымъ и скучнымъ.

Что касается самого содержанія, то должно сказать, что ученіе Магомета и заповѣди, которыя онъ далъ своимъ вѣрующимъ, являются и весьма немногосложнымъ и кромѣ того несамостоятельнымъ. Въ этомъ послѣднемъ его качествѣ, быть можетъ, и заключается главнымъ образомъ историческое значеніе магометанства. Немногосложность, отсутствіе мистическаго элемента, отсутствіе глубокихъ догматовъ - вотъ характеристическія черты исламизма. Вѣра въ единаго Бога и въ Магомета, пророка его, вѣра въ будущую жизнь - вотъ основные, простые и прозаическіе догматы мусульманскаго вѣроученія, но самой простотой своей недоступнаго какой бы то ни было реформаціи или дальнѣйшему развитію и представляющаго изъ себя несомнѣнно наименѣе поэтическую и наиболѣе монотонную изъ всѣхъ существующихъ религій. Магометъ, впрочемъ, и не претендовалъ на самостоятельность, говоря, что возстановляетъ вѣру Авраама. Для дѣлъ онъ заимствовалъ весьма многое изъ мозаизма, отъ Евреевъ и

частью, съ ошибками и неточностями, изъ христіанства*). Эти то черты несамостоятельности, которыя дѣлаютъ исламизмъ ученіемъ бѣднымъ, монотоннымъ, отчасти, какъ уже сказано выше, служили и причиною его успѣха. Дѣло въ томъ, что основные пункты ученія могли быть приняты и Персами и Арабами, и Евреями и даже христіанами. Единый Богъ и признаніе пророковъ, посылаемыхъ имъ, вѣра въ будущую жизнь - были довольно близки къ христіанству, хотя послѣдній догматъ былъ взятъ имъ не изъ Талмуда, какъ предполагали, а изъ ученія Зороастра, ибо у самихъ Евреевъ ясное представленіе о будущемъ возмездіи за дѣла въ загробной жизни является уже въ болѣе позднее время, послѣ сближенія съ Персами по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣненія. Такимъ образомъ, этотъ догматъ, общій Персамъ и Евреямъ, дѣлалъ возможнымъ сближеніе и принятіе магометанскаго вѣроученія для тѣхъ и другихъ; особенно Персы встрѣчали въ немъ много знакомаго и близкаго.

Помимо нравственныхъ правилъ, которыя рекомендуются Кораномъ и которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ другихъ религіяхъ, исламизмъ имѣетъ еще двѣ заповѣди, принадлежащія только ему и обязательныя для каждаго правовѣрнаго, а именно: путешествіе въ Мекку и священная война. Что касается до догмата предопредѣленія, то въ Коранѣ мы не встрѣчаемъ фатализма и по всей вѣроятности онъ является уже впослѣдствіи, подъ перомъ ком-

ментаторовъ и истолкователей его.
Перейдемъ теперь къ сущности самого ученія Магомета, разсмотримъ исламизмъ по преимуществу въ отношеніи того, можетъ ли онъ назваться универсальной религіей? Съ этимъ, весьма важнымъ вопросомъ, мы познакомимся съ помощью лекцій по исторіи религій, читанныхъ въ Англіи знаменитымъ голландскимъ ученымъ Кюненомъ (Kuenen) и только недавно напечатанныхъ въ англійскомъ подлинникѣ.

По выраженію Ренана, „исламизмъ представляетъ странное зрѣлище религіи, получившей свое бытіе при ясномъ свѣтѣ дня". Извѣстія объ его происхожденіи несомнѣнно отличаются гораздо большею ясностью и опредѣленностью, чѣмъ первоначальная исторія другихъ религій. Подлинность Корана, за нѣкоторыми ничтожными исключеніями, не подлежитъ сомнѣнію. На ряду съ проповѣдью Магомета, сохранившеюся въ Коранѣ, мы имѣемъ преданія объ его личности, источникъ которыхъ восходитъ къ современной ближайшей средѣ, окружавшей его. Полная біографія пророка принадлежитъ болѣе позднему времени, но и она признается сравнительно древнею; она основывается на матеріалахъ, гораздо болѣе древнихъ, чѣмъ она сама, и во всякомъ случаѣ безъ труда можетъ быть провѣрена на основаніи подлинныхъ документовъ.

Тѣмъ не менѣе наши знанія о происхожденіи Ислама во многихъ отношеніяхъ и весьма существенныхъ пунктахъ не-

достаточны. Преданія часто носятъ особую окраску, сообразно съ догматическими убѣжденіями первыхъ вѣрующихъ, и нерѣдко возбуждаютъ весьма сильныя подозрѣнія. Что касается Корана, то Шпренгеръ (Das Leben und die Lehre des Mohammed I, XV.) назвалъ его „книгою за семью печатями". Изъ него съ достаточною ясностью можно узнать, что такое есть исламизмъ; но какъ скоро мы зададимъ себѣ вопросъ о развитіи и происхожденіи религіозныхъ идей Магомета, безпорядочная масса откровеній весьма затрудняетъ отвѣтъ. То или другое изреченіе способно было бы бросить нѣкоторый свѣтъ на эту проблему, но мы часто не знаемъ, куда его слѣдуетъ помѣстить, къ какому періоду оно относится.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить отношеніе проповѣди Магомета къ прежней религіи Арабовъ. Возможно-ли это исполнить съ достаточною опредѣленностью и несомнѣнностью? Магометъ проповѣдовалъ единаго Аллаха и вмѣстѣ съ тѣмъ возставалъ противъ политеизма, господствовавшаго въ массѣ его соплеменниковъ: это довольно ясно и просто. Но какъ скоро отъ общаго положенія мы захотимъ перейти къ частностямъ, мы встрѣтимся со многими сомнѣніями и съ большимъ различіемъ мнѣній среди ученыхъ знатоковъ исламизма и историковъ, занимавшихся „жизнью" Магомета.

Послушаемъ сначала самого пророка. Нѣсколько разъ онъ заявляетъ, что его задача именно состоитъ въ возстановленіи религіи Авраама

отца Измаила и следовательно родоначальника Арабовъ:

Сура XXII, ст. 76. О вы, которые веруете, склоните колени, преклонитесь, почитайте Господа вашего, делайте добро и вы будете счастливы.

77. Сражайтесь во имя Аллаха, какъ это следуетъ делать; онъ избралъ васъ. Онъ не заповедалъ вамъ ничего труднаго въ вашей религіи, въ религіи отца вашего Авраама; онъ назвалъ васъ мусульманами (предающимися Богу).

78. Онъ назвалъ васъ такъ гораздо ранее насъ и въ этой книге также, чтобы пророкъ вашъ былъ свидетелемъ противъ васъ и чтобы вы были свидетелями противъ остальныхъ людей. Соблюдайте же молитву; творите милостыню, прилепитесь твердо къ Богу, онъ покровитель вашъ; и какой покровитель!*)

Авраамъ, съ помощью Измаила, построилъ домъ Аллаха, Каабу, и вотъ онъ молитъ Господа, чтобы онъ посламъ пророка - именно такого, какимъ после явился Магометъ.

Сура II, ст. 121. Когда Авраамъ и Измаилъ возвели фундаментъ зданія, они воскликнули: Господи, прими его, ибо ты слышишь и знаешь все.

122. Сделай, о Создатель, чтобы мы -

---

*) Срв. суры: II, 121-123. III, 89. IV, 124. XIII, 38-41. XVI, 124.

были покорны твоей волѣ (муслимине), научи насъ священнымъ обрядамъ и благоволи бросить взглядъ твой на насъ, ибо ты любишь принимать раскаяніе и ибо ты милосердъ.

123. Воздвигни среди нихъ пророка, взятаго изъ среды ихъ, чтобы онъ прочелъ имъ разсказъ о чудесахъ твоихъ, истолковалъ бы имъ книгу и мудрость и сдѣлалъ бы ихъ чистыми.

Такимъ образомъ Магометъ является поборникомъ стараго вѣковаго преданія; Аравія уклонилась отъ этого преданія; Евреи и христіане не умѣли сохранить его въ чистотѣ; и вотъ Аллахъ послалъ его, Магомета, возстановить преданіе въ его первоначальной чистотѣ и сдѣлать всѣхъ людей мослимами, какимъ былъ Авраамъ.

Не принимая этой теоріи во всей ея цѣлости, какъ она изложена въ Коранѣ, ученые все-таки расположены признать за нею значительную долю истины. Предполагается, что признаніе Аллахъ-Таала, наивысшаго верховнаго Бога, лежало въ основаніи арабскаго политеизма, и что во всемъ томъ, что Магометъ говоритъ объ Авраамѣ, другѣ Аллаха*), отцѣ Арабовъ и основателѣ святилища Корейшитовъ, онъ только воспроизво-

---

*) Сура IV, ст. 124. Кто исповѣдуетъ лучшую религію, какъ не тотъ, кто совершенно преданъ Богу, кто дѣлаетъ добро и слѣдуетъ вѣрѣ Авраама со всей искренностью? Богъ сдѣлалъ Авраама другомъ своимъ.

дитъ вѣрованія и убѣжденія своихъ современниковъ, и что въ средѣ послѣднихъ было уже не мало такихъ, которые отвергли идолопоклонство народной массы, прежде чѣмъ онъ выступилъ со своею проповѣдью. Не нашедши удовлетворенія ни въ іудействѣ, ни въ христіанствѣ и отыскивая лучшую религію, эти люди, предполагается, нашли то, чего искали, въ „милла Авраама" (религіи Авраама). Извѣстна исторія, разсказываемая древнѣйшимъ біографомъ Магомета, Ибнъ-Исхакомъ (Ibn-Ishák): Во дни невѣдѣнія четверо изъ Корейшитовъ отказались отъ участія въ праздникѣ въ честь идоловъ и согласились отправиться на поиски за истинною вѣрой. Одинъ изъ нихъ, Варакъ, нашелъ ее въ христіанствѣ; другой — Зейдъ-ибнъ-Амръ призналъ и проповѣдовалъ раньше Магомета религію Авраама. Исторія, такъ разсказанная, имѣетъ нѣсколько романтическій характеръ и не можетъ быть буквально понимаема; но все таки ученые думаютъ, что въ основаніи ея лежитъ истина и что она имѣетъ въ виду извѣстныхъ ганифовъ (hanyf), предшественниковъ Магомета*), дошедшихъ до единобожія и до сознанія отвѣтственности человѣка за свои дѣла. Слово hanyf Коранъ часто употребляетъ по отношенію къ Аврааму, а съ другой стороны Магометъ прилагаетъ его и къ себѣ. (Сура III, 89. IV, 124. VII, 79.)

Съ этой точки зрѣнія, религія Магомета

*) О ганифахъ см. вышеназванное сочиненіе Оз[illegible].

представляется естественнымъ продуктомъ Арабской культуры и той ея степени, которой она тогда достигла. Это была тайная мысль и чаяніе лучшихъ изъ его современниковъ и Магомету пришлось только быть ихъ вольные счастливымъ выразителемъ, истолкователемъ. Безнравственныя дѣйствія, которыя онъ запрещалъ во имя Аллаха — пьянство, жестокое обращеніе съ женщинами, убійство новорожденныхъ дѣвочекъ — были уже обличаемы и другими раньше его. Исламъ, такимъ образомъ, представляется нравственною и религіозною реформаціею, которая и въ томъ и въ другомъ отношеніи находится въ прямой связи съ національною жизнью Арабовъ.

Кюненъ возражаетъ противъ этой теоріи. Внутренняя вѣроятность такого хода дѣлъ, говоритъ онъ, не можетъ быть предметомъ спора, но есть одинъ фактъ, рѣшительно мѣшающій признать этотъ взглядъ на происхожденіе исламизма совершенно правильнымъ. Представленіе объ Авраамѣ, монотеистѣ, отцѣ Измаила и основателѣ Каабы едва ли было распространено между Арабами въ началѣ VII столѣтія по Р. Хр. Если бы оно было извѣстно Арабамъ, то Магометъ неизбѣжно провозгласилъ бы его съ самого начала, во всякомъ случаѣ не высказалъ бы ничего такого, что бы находилось съ нимъ въ противорѣчіи. Но что говорятъ факты? Мы можемъ показать изъ самого Корана, что идеи пророка объ Авраамѣ подверглись значительному измѣненію въ теченіи времени и что его теорія о „милла Авраама" очень позднято

происхожденія. Мы приведемъ нѣкоторые тексты, которые доказываютъ это; но сначала нужно обратить вниманіе на то, что Измаилъ, старшій сынъ Авраама, является существеннымъ элементомъ въ содержаніи интересующаго насъ преданія. И вотъ мы видимъ, что хотя имя Измаила встрѣчается въ первоначальныхъ сурахъ, но Магометъ сначала не знаетъ, не имѣетъ понятія о томъ, что онъ сынъ Авраама. Онъ упоминаетъ о немъ послѣ Моисея и раньше Идриса (Эноха), какъ о „пророкѣ, вѣрномъ своему обѣщанію, который заповѣдывалъ своему народу молитву и милостыню и былъ угоденъ своему Господу".

Сура XIX, ст. 55. Говори также, о книга, объ Измаилѣ. Онъ былъ вѣренъ своимъ обѣщаніямъ, былъ посланникомъ и пророкомъ.

56. Онъ заповѣдалъ народу своему молиться и творить милостыню. Онъ былъ угоденъ Господу своему.

Въ другомъ случаѣ онъ упоминаетъ объ Измаилѣ на ряду съ Іововъ, Идрисомъ и Dhul-Kefl'омъ - неизвѣстной личностью, - какъ образецъ терпѣнія и твердости. Въ другомъ мѣстѣ, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ названы вмѣстѣ, между тѣмъ, какъ Измаилъ является послѣ, отдѣльно отъ нихъ и въ связи съ Элишею (Елисеемъ) и опять Дульбкефломъ.

Сура XXXVIII, ст. 45. Вспомни также служителей нашихъ, Авраама, Исаака и Іакова, людей сильныхъ и разум-

ныхъ.
46. Мы сдѣлали ихъ чистыми однимъ способомъ — это заставивъ ихъ вспоминать о будущей жизни.
47. Они — предъ нами въ числѣ избранниковъ нашихъ.
48. Вспомни также объ Измаилѣ, Элишѣ и Дулькефлѣ: всѣ они были праведны.

Еще болѣе знаменательно, что въ одномъ отрывкѣ, Исаакъ и Іаковъ выдаются за сыновей Авраама, а вслѣдъ за ними выступаетъ цѣлый рядъ пророковъ, среди которыхъ Измаилъ является въ товариществѣ съ Элишею и Іоною:

<u>Сура VI</u>, ст. 84. Мы дали ему Исаака и Іакова и направили обоихъ ихъ. Раньше мы уже направили Ноя. Изъ среды потомства Авраама мы наставили на путь истинный Давида и Соломона, Іова и Іосифа, Моисея и Аарона. Такимъ образомъ мы вознаграждаемъ творящихъ добро.
85. Захарія, Іаіа (св. Іоаннъ), Іисусъ и Илія, всѣ они были праведны.
86. Измаилъ, Елисей, Іона и Лотъ, мы возвысили ихъ превыше всѣхъ смертныхъ.

Если мы въ другихъ мѣстахъ находимъ, что Измаилъ упоминается какъ старшій братъ Исаака, то для объясненія противорѣчія мы

должны предположить, что это есть позднѣйшее представленіе Магомета, первоначально чуждое его уму.

Заключенія, которыя могутъ быть сдѣланы изъ означенныхъ мѣстъ, находятъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ наблюденіяхъ; пророкъ не былъ увѣренъ самому себѣ въ своихъ мнѣніяхъ объ Авраамѣ. Еще вопросъ, зналъ ли онъ сначала, что Исаакъ былъ его сынъ —

Сура LI, ст. 24. Слышалъ ли ты исторію гостей Авраама, принятыхъ имъ съ честью?
25. Когда они вошли къ нему, они сказали ему: Миръ! и Авраамъ имъ сказалъ: Миръ! — Это чужестранцы.

Сура XV, ст. 51. Разскажи имъ исторію гостей Авраама.
52. Когда они вошли къ нему и поклонились ему, онъ сказалъ: вы испугали насъ.
53. Они отвѣчали: Не бойся мы пришли извѣстить тебя о томъ, что у тебя будетъ разумный сынъ.

— а когда онъ съ этимъ фактомъ ознакомился, то все таки, явнымъ образомъ заблуждаясь, считалъ нѣкоторое время Іакова братомъ Исаака:

Сура XI, ст. 72. Наши посланные пошли къ Аврааму, неся ему счастливую вѣсть. Они сказали ему: миръ! Миръ! отвѣчалъ онъ; и вскорѣ принесъ жаренаго тельца.
73. И когда онъ увидалъ, что руки

ихъ не касаются приготовленной пищи, онъ устрашился. Не бойся, сказали они ему; мы посланы къ народу Лота.

74. Жена его, стоявшая тутъ же, засмѣялась. Мы предсказали ей сначала Исаака, потомъ Іакова.

Авраамъ, конечно, занималъ высокое мѣсто въ его уваженіи. Нѣсколько разъ Магометъ говоритъ о „свиткахъ Авраама и Моисея" или о „Моисеѣ и Авраамѣ":

Сура LXXXVII, ст. 18. Это находится въ древнихъ книгахъ.

19. Въ книгахъ Авраама и Моисея.

Сура LIII, ст. 37. Не говорили ли ему того, что заключается въ свиткахъ Моисея

38. и Авраама, вѣрнаго своему обѣщанію.

Но что онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ, не ясно. Догадки, дѣлаемыя на этотъ счетъ Шпренгеромъ, крайне смѣлы, рискованы; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ навѣрное ложны.

Шпренгеръ высказываетъ о Çohof = свиткахъ такое предположеніе:

Бахиръ или Бахира, такъ называемый несторъ, рахибъ или аскетъ, Израелитскаго происхожденія и Еврейски-Христіанскихъ вѣрованій, жилъ въ Меккѣ около того времени, когда Магометъ выступилъ со своею миссіею и имѣлъ на него большое вліяніе. Онъ сочинилъ книгу, которой приписывалъ весьма древнее происхожденіе и назвалъ ее „свиткомъ Авраама и Моисея"; сверхъ того, онъ былъ обладателемъ другихъ апокрифическихъ сочиненій. Ма-

гометъ призналъ союзъ Авраама подлиннымъ и положилъ его въ основаніе своей проповѣди. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ самъ признать подделку, но все-таки сохранилъ довѣріе къ Бахиру и пользовался тѣми апокрифами, которые тотъ принесъ съ собою. Одинъ изъ этихъ апокрифовъ былъ тождественъ съ одною священною книгою Сабіевъ, которая, подобно подделкѣ Бахира, именовалась „свиткомъ Авраама".

Вѣроятнѣе болѣе простое предположеніе, что Магометъ слышалъ нѣчто о проповѣди Авраама своимъ соплеменникамъ, а также о законѣ Моисея и предположилъ, что первая, подобно послѣднему, была изложена письменно. Вѣрно только то, что онъ видѣлъ въ Авраамѣ вѣрнаго слугу Аллаха, который исповѣдалъ свою вѣру вопреки своимъ родичамъ и несмотря на опасность, которой самъ подвергался, и за то получилъ въ награду славныя обѣтованія. Но, говоря съ большою теплотою объ Авраамѣ, Магометъ далекъ отъ того, чтобы приписывать ему какое нибудь особенное положеніе, чтобы ставить его въ какое-либо специальное, исключительное отношеніе къ Арабамъ или къ себѣ самому. Авраамъ есть одинъ изъ многихъ пророковъ, правда - наиболѣе выдающійся между ними, но не болѣе. Онъ вовсе не есть основатель того ислама, который Магометъ проповѣдовалъ, такъ что въ одномъ случаѣ онъ самъ помѣщается въ числѣ учениковъ Ноя:

Сура XXXVII, ст. 77. Миръ Ною во всей вселенной!

78. Такимъ образомъ мы вознаграж-

даемъ дѣлающимъ добро.
79. Онъ былъ изъ числа нашихъ вѣрныхъ слугъ.
80. Мы потопили остальныхъ.
81. Изъ его-то секты былъ Авраамъ.
82. Онъ принесъ Господу своему сердце непорочное.

Магометъ въ такой степени далекъ отъ того, чтобы видѣть въ Авраамѣ проповѣдника единобожія его арабскому потомству, что онъ часто объявляетъ себя самого первымъ посланникомъ Аллаха къ Арабамъ:

Сура XXXII, ст. 2. И скажутъ ли они: Это онъ (Магометъ) выдумалъ се (книгу). Нѣтъ, о Магометъ, это скорѣе истина, исходящая отъ Господа твоего, для того, чтобы ты предупредилъ народъ, который не имѣлъ пророка ранѣе тебя, и чтобы всѣ были направлены на путь истинный.

Сура XXXIV, ст. 43. Ранѣе тебя мы не давали ему (народу) никакой книги; не посылали никакого апостола.

Сура XXXVI, ст. 5. Чтобы ты предупредилъ тѣхъ, чьи отцы не были предупреждены и которые живутъ въ безпечности.

Примѣчаніе. Особенно важна сура XXXIV, ст. 43; въ этихъ словахъ „вѣра вашихъ отцовъ есть вѣра языческая, а не Авраамова," Магомета упрекаютъ, что онъ хочетъ отъ вѣры отцовъ своихъ соплеменниковъ. Значитъ тѣ, которыхъ онъ заставляетъ говорить въ этомъ отрывкѣ не имѣютъ ни малѣйшаго подозрѣнія

о томъ, что онъ возстановляетъ вѣру Авраама и Измаила: это равносильно съ тѣмъ, что самъ Магометъ въ данный моментъ былъ чуждъ такой идеи; она явилась у него послѣ.

Откуда же взялась „милла Авраама"? Нужно только прочитать со вниманіемъ тѣ мѣста, въ которыхъ она упоминается и мы найдемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Извѣстно, что Магометъ постоянно имѣлъ въ виду христіанъ и еще болѣе многочисленныхъ Евреевъ, поселившихся въ его отечествѣ. Довольно долго онъ питалъ надежду, что тѣ и другіе, особенно Евреи, признаютъ его посланничество. Въ этой надеждѣ онъ наконецъ и самъ долженъ былъ разочароваться; но даже и тогда онъ не могъ совершенно отдѣлить себя отъ нихъ. Онъ ни могъ и не хотѣлъ отрицать того, что Аллахъ открылъ себя имъ чрезъ Моисея и другихъ пророковъ. Вслѣдствіе того, онъ чувствовалъ потребность въ формулѣ, которая выражала бы то, что съ одной стороны было у него общаго съ ними и что съ другой стороны отдѣляло его отъ нихъ. Эту формулу онъ нашелъ въ „милла" Авраама, великаго человѣка передъ Богомъ, который былъ почитаемъ точно также его оппонентами, какъ и имъ самимъ, но который не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, „ни Іудеемъ, ни христіаниномъ" какъ Магометъ очень часто выражается. Какъ проповѣдникъ этой „миллы", Магометъ могъ

все-таки признавать Божественное происхожденіе священныхъ книгъ Еврейскихъ и христіанскихъ, оставляя за собою право отвергать все, чего онъ не одобрялъ въ нихъ, или, какъ онъ самъ это выражаетъ, въ Еврейскомъ и христіанскомъ чтеніи и толкованіи тѣхъ книгъ. Формула, такимъ образомъ, вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ времени и полемическимъ запросамъ Магомета, такъ что безъ всякаго колебанія можно ее производить прямо отсюда, отъ этихъ требованій; нѣтъ ни малѣйшаго повода искать ея происхожденія ни въ дѣйствительной исторіи, ни въ арабскихъ представленіяхъ объ исторіи. Тотъ фактъ, что только въ позднѣйшихъ сурахъ Измаилъ является предкомъ Арабовъ и соучастникомъ въ постройкѣ Каабы вполнѣ подтверждаетъ такое наше объясненіе.

Мнѣніе, будто Магометъ явился для того, чтобы вновь пробудить и возстановить то, что уже существовало въ его народѣ - хотя бы въ видѣ слабаго воспоминанія о далекомъ прошломъ, не находитъ себѣ поддержки въ Коранѣ, если читать его при свѣтѣ критики. Но есть другое преданіе, которое какъ будто указываетъ на то, что раньше Магомета и независимо отъ него существовалъ кружокъ благочестивыхъ Арабовъ, державшихся именно тѣхъ самыхъ воззрѣній, которыя усвоилъ отъ нихъ послѣ Магометъ и которымъ онъ придалъ новый вѣсъ и силу при помощи присвоеннаго и признаннаго за нимъ

Лит. Вольгина, Гороховая, 17.

пророческаго авторитета. Разумѣются из-
вѣстные намъ ганифы, въ лицѣ которыхъ
всѣ ученые узнаютъ предшественниковъ
Магомета, проповѣдовавшихъ единобожiе.
Кюненъ не отвергаетъ ихъ существова-
нiя. „Было бы неправильно, говоритъ онъ, от-
нести этихъ предшественниковъ въ область
миѳа, или отрицать ихъ влiянiе на раз-
витiе Магомета". Но, замѣчаетъ онъ, на-
ши свѣдѣнiя о ганифахъ весьма скудны и
неясны. Во первыхъ, самое значенiе слова ос-
тается темнымъ, не смотря на всѣ старанiя
растолковать его при помощи Еврейской Биб-
лiи, гдѣ оно также встрѣчается. Самъ Ма-
гометъ называетъ въ Коранѣ и <u>себя</u> самого
и <u>Авраама ганифомъ</u>. Кюненъ думаетъ,
что уже на основанiи Корана позднѣе наз-
ванiе ганифъ перенесено на предшественни-
ковъ Магомета и подъ влiянiемъ идей о
вѣрѣ (милла) Авраама, которой и самъ
Магометъ держался не съ самого начала,
эти предшественники стали представляться
носителями древняго монотеистическаго пре-
данiя. Ганифовъ превратили въ хранителей
религiи Авраама, потому что послѣ Маго-
метъ выдалъ свое ученiе за вѣру Авраамо-
ву. Чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ - доволь-
но темно. Во всякомъ случаѣ то, что мо-
жетъ быть признано несомнѣннымъ, то,
что остается послѣ критической повѣрки,
не можетъ заставить насъ смотрѣть
на Исламъ, какъ на результатъ националь-
ной мысли и стремленiя къ чему-то луч-

Изд. [illegible]

шему и высокому въ дѣлѣ религіи. Если такая потребность ощущалась, то развѣ въ очень небольшомъ кружкѣ и въ очень слабой степени. Однимъ словомъ, не будь Магомета, не было бы ни Ислама, ни чего-ли бо подобнаго ему.

Это заключеніе можетъ показаться многимъ слишкомъ рѣзкимъ и страннымъ. Не будетъ ли такая высокая оцѣнка личнаго участія Магомета въ дѣлѣ созданія новой религіи находиться въ противорѣчіи съ тѣмъ недостаткомъ оригинальности, который обыкновенно - и довольно справедливо - признается за нимъ? Легко объяснить, что такого противорѣчія нѣтъ. Что касается Магомета, то мы можемъ, такъ сказать, разложить его на его факторы и такимъ образомъ объяснить его; но мы не можемъ объяснить безъ него Ислама. Исламъ въ высокой степени и гораздо больше, чѣмъ какая-либо другая религія, есть продуктъ не времени или народа, но личности его основателя. Но при всемъ томъ, основатель не былъ творческимъ геніемъ или, по крайней мѣрѣ, былъ такимъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ другіе основатели религій, гораздо больше, чѣмъ онъ, двигаемые и поддерживаемые окружающею ихъ средою. Нѣсколько замѣчаній, основанныхъ на общеизвѣстныхъ фактахъ, послужатъ къ разъясненію этого положенія о болѣе личномъ, чѣмъ національномъ происхожденіи Ислама.

Начнемъ съ установленія того, что

должно служить точкою отправленія при всякой попыткѣ объясненія: натура Магомета была истинно религіозная. Отрицать, или даже забывать, что божество было для него высшею реальностью, подъ властію которой и въ общеніи съ которой онъ сознавалъ себя постоянно находящимся - это мнѣ кажется величайшею несправедливостью. Никакія изслѣдованія относительно особенностей его физической организаціи или относительно смертныхъ его наставниковъ - не должны соблазнять насъ до того, чтобы потерять изъ виду этотъ фактъ. Онъ ярко выступаетъ на видъ въ его біографіи, особенно въ годы, предшествовавшіе бѣгству изъ Мекки. Онъ ясно выражается во многихъ, по истинѣ царственныхъ (величественныхъ) мѣстахъ Корана. Чтобы привести одинъ примѣръ: поистинѣ былъ подлиннымъ сыномъ религіи тотъ, кто могъ такъ описывать вѣрующихъ и влагать такія слова въ уста ихъ, какъ нижеслѣдующій отрывокъ:

<u>Сура III</u>, ст. 186. Царство неба и земли принадлежитъ Богу; Богъ имѣетъ власть надъ всѣмъ.

187. Въ сотвореніи неба и земли, въ измѣненіи дня и ночи есть, конечно, знаменія для людей, обладающихъ разумомъ,

188. Которые стоя, сидя или лежа думаютъ о Богѣ и размышляютъ о сотвореніи небесъ и

и земли. Господи, говорятъ они, ты сотворилъ все это не напрасно. Во имя славы твоей, нѣтъ. Избави насъ отъ мученій огня.

189. Боже, тотъ, кого ты ввергнешь въ огонь, будетъ покрытъ позоромъ. Грѣшники не получатъ никакой помощи.

190. Господи, мы слышали человѣка, который призывалъ насъ къ вѣрѣ. Онъ провозглашалъ намъ: Вѣруйте въ Бога, и мы увѣровали.

191. Боже, прости намъ грѣхи наши; загладь прегрѣшенія наши и сдѣлай такъ, чтобы мы умерли на стезѣ праведныхъ.

192. Боже, пошли намъ то, что ты обѣщалъ черезъ апостоловъ своихъ и не оскорби насъ въ день воскресенія; конечно, ты сдержишь свои обѣщанія.

Были другія религіозныя натуры въ Аравіи въ послѣдніе годы VI столѣтія, но изъ среды всѣхъ ихъ только одинъ Магометъ выступилъ какъ проповѣдникъ и реформаторъ религіи. Что вызвало его на этотъ подвигъ?

Если мы примемъ свидѣтельство Корана, то отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію. Это была скорбь и негодованіе, возбужденныя религіознымъ состояніемъ его современниковъ, ихъ политеизмъ, ихъ суевѣріе, ихъ чисто скептическое и непочтительное

отношеніе къ высшимъ силамъ, или будто бы признаваемымъ. Другіе могли быть религіозными, не разрывая съ этими формами своего времени, одушевляя ихъ своею собственною набожностью или предоставляя имъ то самое значеніе, какое имъ подобало; но для него это было — острые шипы въ тълъ, вопіющая хула на Бога, побуждавшая къ протесту всю его душу. Возникновеніе этого чувства есть тайна его индивидуальности, и какъ таковая, не можетъ быть вполнѣ раскрыта. Но какъ оно могло развиться и въ чемъ найти себѣ стимулы? Это довольно легко объяснить.

Недовольство религіею народа могло уже зародиться въ его душѣ раньше всякаго внѣшняго побужденія и вліянія. Магометъ былъ семитъ изъ семитовъ. Это хотя и не предполагаетъ того, что иные утверждали — будто онъ былъ монотеистъ по природѣ и какъ бы по инстинкту — но только и во всякомъ случаѣ то, что онъ былъ предрасположенъ сдѣлаться монотеистомъ. Основная мысль всѣхъ семитическихъ религій есть признаніе владыки (Господа) и правителя всей природы и ея всѣхъ явленій; основная нота, ключъ семитическаго благочестія есть подчиненіе божественной силѣ, склоненіе передъ нею во прахъ въ (благоговѣйномъ) страхѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ находится зародышъ протеста противъ множества боговъ, необходимо сопровождающагося властью каждаго, раздѣленіемъ, а потому и ослабленіемъ внушаемаго —

го или страха. Впрочемъ, это еще вопросъ, одно это предрасположеніе могло ли сдѣлать Магомета способнымъ распознать съ совершенною ясностью недостатки народной религіи. Но онъ не былъ предоставленъ самому себѣ. Въ своей собственной странѣ и во время своихъ торговыхъ экспедицій онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ христіанами и Евреями, вѣра которыхъ однимъ фактомъ своего отличія вызывали на провѣрку народнаго преданія. Болѣе того-особенно Евреи со своимъ монотеизмомъ представляли Магомету то, чего его душа болѣе всего жаждала. Да! Господь, которому они поклонялись, былъ достоинъ поклоненія и отъ него и отъ другихъ людей. Поклоненіе другимъ силамъ вмѣсто него было оскорбленіемъ его величія, капитальнымъ грѣхомъ, наказуемымъ здѣсь и послѣ.

Такъ, думаемъ мы, данъ былъ первый импульсъ. Среди жестокой борьбы, потрясавшей всю его нервную систему и прорывавшейся въ видѣніяхъ (визіонерствѣ) и другихъ обманахъ чувствъ; въ немъ созрѣло убѣжденіе, что онъ призванъ свидѣтельствовать, прежде всего въ Меккѣ-о Единомъ, который не имѣетъ никого другого рядомъ съ Собою. Въ дальнѣйшемъ развитіи его проповѣдь тоже опредѣлилась и по содержанію, и по формѣ юдаизмомъ или лучше тѣми слабыми свѣдѣніями, кругя онъ сначала имѣлъ о немъ и которыя постепенно дополнялись. Къ юдаизму мы можемъ отнести многія черты его ес-

литологіи (ученія о будущей жизни). Подъ іудейскимъ вліяніемъ онъ начерталъ нравственныя требованія, съ которыми онъ обращался къ своимъ слушателямъ во имя Аллаха и ревностью и выразительностью, возбуждающими наше удивленіе. Даже вся его миссія была действительною копіею прошлого откровенія еврейскому народу, о которомъ свидетельствовали ихъ священныя книги. Посланецъ, пророкъ Аллаха есть воспроизведеніе великихъ вождей Израиля и Коранъ, который онъ предлагаетъ, есть дубликатъ „Книги" (библіи) одинаково почитаемой Евреями и христіанами, какъ основаніе ихъ религіи и почти ими боготворимой. Этотъ последній пунктъ особенно следуетъ иметь въ виду. Какое значительное место занимаетъ въ Коране похвала самому Корану!

<u>Сура LXXXIV, ст.</u> 20. Почему же не верують они?
21. Почему, когда имъ читаютъ Коранъ, не преклоняются они?
22. Даже болье: неверные называютъ его ложью.
23. Но Богъ знаетъ ихъ тайную ненависть.
24. Возвести имъ страшное наказаніе,
25. Кроме тьхъ, которые уверовали, которые делаютъ добро, ибо они получатъ высшую награду.

<u>Сура LXVI, ст.</u> 74. Я не буду клястися [illegible],

75. (А это большая клятва, какъ вы знаете.
76. Что Коранъ есть Коранъ (Книга)
77. Сокрытой въ таинственной книгѣ
78. Никто не коснется его, кромѣ чистыхъ
79. Онъ есть откровеніе властителя вселенной.

Сура LXXVI ст. 16. Не ускоряй рѣчь твою, о Магометъ, повторяя откровеніе, не торопись говорить, боясь, чтобы открытое тебѣ не изчезло (изъ памяти)
17. Намъ (Богу) надлежитъ соединить части его (откровенія) и изложить его какъ слѣдуетъ.
18. Когда мы читаемъ тебѣ Книгу устами Гавріила, слѣди за нашимъ чтеніемъ.

Сура XLIV, 58. Мы сдѣлали Коранъ удобопонятнымъ, давъ его тебѣ на языкѣ твоемъ. Быть можетъ люди будутъ размышлять.

Сура XII, ст. 2. Мы спустили его (Коранъ) съ неба на арабскомъ языкѣ, чтобы вы понимали его.

Сура XIII, ст. 37. Мы открыли тебѣ Коранъ для того, чтобы онъ былъ кодексомъ на арабскомъ языкѣ; если бы ты слѣдовалъ ихъ желаніямъ (соотечественниковъ), послѣ того какъ ты получилъ науку, ты не имѣлъ бы ни друга, ни покровителя, который защитилъ бы тебя отъ Бога.

Сура XX, ст. 112. И такъ, мы дали арабскую книгу и разсѣяли по ней угрозы; быть можетъ они убоятся Бога, быть можетъ этотъ Коранъ побудитъ къ размышлениямъ.

113. Да будетъ онъ прославленъ, Господь, Царь, Истина. Не торопись повторять стихи Корана, пока откровеніе неполно. Скажи лучше: Господи, увеличи знанія мои.

„Ростокъ юдаизма, пересаженный на арабскую почву" - такое опредѣленіе Ислама весьма недалеко отъ истины. Только въ одномъ отношеніи это опредѣленіе не полно и можетъ дать неправильное впечатлѣніе. Можно подумать, что Магометъ имѣлъ въ виду исключительно свой народъ и довольствовался ролью пророка Арабовъ. Первоначально онъ могъ такъ думать, первоначально его стремленія не шли дальше. Есть мѣста въ Коранѣ, которыя ограничиваютъ его дѣятельность такими именно предѣлами, которыя представляютъ его первымъ посланцемъ (апостоломъ) Аллаха къ народу Аравіи, въ лицѣ котораго этотъ народъ наконецъ получилъ то, что давно было даровано другимъ націямъ - пророка изъ среды своей.

Сура XXXII, ст. 2. Скажутъ ли они: это онъ (Магометъ) изобрѣлъ ее (книгу, коранъ). Нѣтъ, о Магометъ! Это скорѣе истина, исходящая отъ Господа твоего, для преду-

прежденія народа, не имѣвшаго про
рока раньше тебя и чтобы всѣ были
направлены на стезю правую.

Сура XXXIV, ст. 43. Раньше тебя мы не дава-
ли имъ никакой книги, не посы-
лали никакого апостола.

Сура XXXVI, ст. 1. Клянусь премудрымъ Кора
номъ
2. Что ты посланникъ,
3. Ходящій въ стезѣ правой
4. По откровенію Всесильнаго, Мно-
го милостиваго
5. Чтобы предупредить тѣхъ, отцы
которыхъ не были предупреждены
и которые живутъ въ безпечности.

Но эти мѣста должны стушевать-
ся передъ многочисленными заявленіями, оп
редѣляющими его миссію въ болѣе широ-
кихъ размѣрахъ посланничества ко всѣмъ
людямъ безъ различія:

Сура XXXVIII, ст. 87. Коранъ есть предостереже
ніе всей вселенной.

Сура XXXIV, ст. 27. Мы послали тебя ко всѣмъ
людямъ безъ исключенія, о Маго-
метъ, чтобы провѣщать и угро-
жать. Но многіе люди не знаютъ
этого.

Можно найти и другія мѣста, въ такой
же степени ясныя; но въ этомъ нѣтъ
нужды. Слѣдуетъ припомнить, что бук-
вальное пониманіе „посланничества ко все
му человѣчеству" абсолютно требуется пос
тупками Магомета, которые, конечно, пред
ставляютъ лучшій комментарій къ его

словамъ. Такъ, въ седьмой годъ геджры - 628 г. - отправлено было имъ шесть почти тождественныхъ посланій къ различнымъ государямъ съ предложеніемъ принять исламъ: „Сдѣлайтесь мослимами и вы спасетесь, писалъ Магометъ, сдѣлайтесь мослимами и Аллахъ дастъ вамъ двойную награду. Такъ писалъ онъ между прочимъ, Византійскому императору Гераклію и властителю Персидской державы Сассанидовъ. Едва ли самъ онъ предполагалъ при этомъ возможность успѣха, но самый фактъ этотъ доказываетъ, что онъ считалъ основанную имъ религію универсальною. Весь извѣстный ему міръ - вотъ тѣ къ которымъ онъ обращался, побуждая ихъ къ принятію ислама. Повторяемъ, трудно думать, чтобы онъ ожидалъ отъ этого шага какихъ нибудь непосредственныхъ практическихъ результатовъ; вѣроятно, онъ былъ сдѣланъ скорѣе съ цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе на Арабовъ, чѣмъ въ надеждѣ обращенія иностранныхъ государей. Но во всякомъ случаѣ, какъ сказано выше этотъ актъ свидѣтельствуетъ о притязаніи на универсальность, столь полномъ и сознательномъ, какъ только можно себѣ представить. Онъ заслуживаетъ вниманія и какъ пророческое предвѣщаніе того, что въ самомъ дѣлѣ должно было произойти чрезъ нѣсколько лѣтъ, и какъ указаніе на то, какія виды могъ питать Магометъ и что онъ считалъ осуществимымъ.

Столь далеко идущія притязанія со стороны Магомета, впрочемъ, менѣе странны въ дѣйствительности, чѣмъ то можетъ показаться съ первого взгляда. Если мы ознакомимся съ понятіями Магомета объ исторіи прошлаго, то легко поймемъ, что какого-либо другаго, болѣе скромнаго положенія онъ и не могъ для себя потребовать, какого нибудь другаго болѣе ограниченнаго назначенія для своей религіи онъ и не могъ приписать ей. Его историческій горизонтъ былъ вовсе не обширенъ. Библія и еврейская Гаггада были его авторитетами во всеобщей исторіи; а эта исторія главнымъ образомъ состоитъ въ проповѣди посланниковъ Аллаха, отвергаемой тѣми, къ кому она была обращаема и наконецъ въ томъ, что Аллахъ караетъ упорныхъ и противящихся. „Одинъ родъ и одна религія" - эти слова могутъ быть краткимъ выраженіемъ взгляда Магомета на исторію. Одинъ родъ, или, если угодно, одинъ народъ (оттан) - это есть точка отправленія, которая никогда не переставала быть для него идеаломъ. Раздѣленіе на отдѣльныя націи не входило въ первоначальный планъ Аллаха, не было имъ устроено;*) сначала, поэтому,

*) Сура II, ст. 209. Люди составляли нѣкогда одну націю. Богъ посылалъ пророковъ проповѣдовать и предупреждать. Онъ далъ имъ Книгу (Библію или Евангеліе), содержащую

существовала только одна религія и она была потомъ проповѣдуема преемственно каждому народу своимъ собственнымъ пророкомъ, а теперь вновь была провозглашаема Магометомъ во всей ея чистотѣ, въ противоположность заблужденіямъ „народа Книги".*) Самъ Магометъ, согласно съ хорошо извѣстнымъ изреченіемъ Корана, есть „посланникъ Аллаха и печать пророковъ"**). Но въ этомъ уже заключается та идея, что его посланничество имѣетъ въ виду всѣхъ людей безъ различія. Ограниченіе его миссіи арабскими племенами, при такомъ пониманіи исторіи, равнялось бы со стороны его пророческаго самосознанія явному самоотреченію.

истину, чтобы разсудить людей въ ихъ спорахъ. Между тѣмъ люди начали вести споры только изъ зависти одинъ къ другому и послѣ того, какъ всѣмъ даны были видимые знаки. Богъ сдѣлался руководителемъ тѣхъ, кто увѣровалъ съ чистымъ разумомъ въ то, что сдѣлалось предметомъ спора, съ позволенія Бога, ибо онъ наставляетъ кого хочетъ на стезю правую.

*) Сура XXI, ст. 92. Эта религія, она ваша (исламъ) это одна и таже религія, какъ и вѣра пророковъ. Я Господь вашъ, поклоняйтесь мнѣ.

Сура XXIII, ст. 54. Ваша религія единственная. Я — Господь вашъ; бойтесь меня.

**) Сура XXXIII, ст. 40. Магометъ не есть отецъ

Итакъ - посланничество ко всѣмъ безъ различія. Но вопросъ въ томъ, въ какой степени содержаніе Ислама отвѣчаетъ такому притязанію. Мы не можемъ упрекать Магомета за то, что онъ мало размышлялъ объ условіяхъ, при какихъ религія его могла бы удовлетворить потребностямъ всѣхъ и слѣдовательно, при какихъ условіяхъ она могла бы оказаться удобопріемлемою для всѣхъ. Какой же другой религіозный дѣятель начиналъ съ этого? Но во всякомъ случаѣ нужно ему поставить на счетъ - не столько въ качествѣ ошибки, сколько въ видѣ поразительнаго доказательства его умственной незрѣлости - то обстоятельство, что различіе между національнымъ и универсальнымъ никогда не представлялось его уму, въ слѣдствіе чего онъ не видѣлъ никакого затрудненія въ возложеніи на Грековъ и Персовъ того, что было исключительно приноровлено для Арабовъ. Въ Исламѣ есть элементы, которые могутъ быть считаемы чисто произвольными и случайными и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе идущими къ религіи, заявляющей притязанія на всеобщую обязательность. Измѣняющіяся политическія отношенія, обстоятельства жизни пророка и - увы - его страсти, его мстительность и чувственныя желанія - оставили свою печать на томъ <u>словѣ Аллаха</u>, которое, однажды изреченное,

---

какого либо человѣка среди васъ. Онъ посланникъ Божій и печать пророковъ. Богъ знаетъ все.

должно быть принято съ подобающимъ благоговѣніемъ и покорностью не только Аравіей, но и всѣмъ міромъ. Намъ уже извѣстно, что примѣровъ на это не мало. Можетъ быть самый ясный, при томъ наиболѣе важный для позднѣйшаго развитія Ислама примѣръ случайнаго представляетъ возведеніе Каабы въ положеніе центральной всеобщей святыни и возведеніе пилигримства къ ней и другимъ святымъ мѣстамъ въ число религіозныхъ обязанностей мусульманъ. Едва ли слѣдуетъ доказывать, что обычаи хаджи (пилигримства) вовсе не находятся въ какой либо дѣйствительно необходимой связи съ исламомъ; очевидно, что они находятся даже въ противорѣчіи съ его основаніями. Шпренгеръ справедливо замѣчаетъ: „почитаніе чернаго камня, поклоненіе ему находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ совершенно чистыми въ другихъ отношеніяхъ представленіями мослимовъ о Божествѣ, что примирить то и другое можно только при помощи весьма сложныхъ толкованій, да и то не вполнѣ." Положимъ, что мы не должны основываться на однихъ только нашихъ представленіяхъ о приличіи, красотѣ и гармоничности — не должны считать наши взгляды и привычки единственнымъ критеріемъ. Есть путешественники, находящіе и въ обрядахъ поклоненія Каабѣ, описаніе которыхъ можно найти у Dozy, нѣчто возвышенное. „Я видѣлъ религіозныя церемоніи многихъ

странъ, говоритъ одинъ изъ нихъ (Burton) но нигдѣ никогда не встрѣчалъ ничего столь торжественнаго, столь внушительнаго, какъ это зрѣлище." Можно согласиться съ нимъ, когда онъ предостерегаетъ отъ рѣзкихъ приговоровъ о пилигримствѣ и указываетъ на то, какъ набожное чувство сердца находитъ удовлетвореніе въ его обрядахъ, - религіозное расположеніе неискоренимо. Оно можетъ давать освященіе всему, что само по себѣ суетно и ничтожно и можетъ находить себѣ пищу во всемъ томъ, что непонятно. Но тѣмъ не меньше остается тотъ фактъ, что хаджа, какъ она отпразднована Магометомъ въ десятый годъ геджры и какъ она соблюдается до сего дня, была съ самаго начала и до сихъ поръ остается частицею непонятнаго язычества, воспринятою въ непереваренномъ, такъ сказать, видѣ исламомъ.... Могутъ сказать - самъ Магометъ былъ слишкомъ глубоко привязанъ сердцемъ къ Каабѣ и ея принадлежностямъ, чтобы быть способнымъ отказаться отъ нея, что онъ не хотѣлъ лишить своихъ послѣдователей того, что они привыкли считать дорогимъ и святымъ съ самаго дѣтства. Съ этимъ можно согласиться, но не въ этомъ дѣло: почему ему было не искать удовлетворенія для своего и своихъ послѣдователей религіознаго чувства тамъ, гдѣ только онъ считалъ возможнымъ найти его? Но когда онъ возводитъ движеніе своего сердца въ обязанность для всего человѣчества, едва ли это можно

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

одобрить. Это есть капризъ религіознаго дѣятеля. Здѣсь индивидуальность возды-мается надъ универсальностью и хочетъ господствовать тамъ, гдѣ ей слѣдовало покориться.

Эти критическія замѣчанія могутъ по-казаться слишкомъ теоретическими въ виду фактовъ, которымъ, конечно, принадлежитъ первый голосъ. Зачѣмъ отрицать универ-сализмъ Ислама, когда о немъ свидѣ-тельствуетъ фактъ его распространенія сначала по всей Аравіи, затѣмъ на тер-риторіи, которая своимъ пространствомъ скоро сравнялась съ Римской имперіей, а теперь даже далеко превосходитъ ее? Не-льзя отрицать, что тріумфальное шес-твіе Ислама въ міръ производитъ сначала сильное впечатлѣніе на зрителя-историка. Но съ другой стороны, самая поразительная быстрота эта должна возбудить наше по-дозрѣніе. Какъ скоро мы обратимся къ под-робностямъ, то мы увидимъ, и отчасти уже видѣли (см. выше) что успѣхъ здѣсь, какъ это бываетъ и въ другихъ случаяхъ, дале-ко еще не доказываетъ внутренняго досто-инства вещи. Первые обращенные, въ дан-номъ случаѣ, представляютъ исключеніе: въ ихъ искренности нельзя сомнѣвать-ся. Немаловажное, конечно, свидѣтельство, въ пользу личнаго характера Магомета заключается въ томъ, что многіе изъ его первоначальныхъ послѣдователей вышли изъ круга его друзей и ближайшихъ род-

Изд. Бабкина

ственниковъ. Для Кадиджи, которая дѣлила съ нимъ горе и радости жизни въ продолженіи столь долгихъ лѣтъ онъ былъ и до конца оставался пророкомъ Аллаха. Но число вѣрующихъ долго оставалось крайне ограниченнымъ. Даже въ годъ бѣгства нельзя было видѣть никакихъ признаковъ будущаго торжества ислама. Нѣтъ ничего такого, что бы показывало, что Магометъ шелъ на встрѣчу существующей потребности или удовлетворялъ существующимъ чаяніямъ и стремленіямъ народа. Правда, что со времени утвержденія въ Мединѣ число его послѣдователей постепенно возрастаетъ. Но мы знаемъ, какъ и почему; нѣтъ ни малѣйшаго слѣда духовнаго энтузіазма или возбужденія. Дѣло идетъ впередъ посредствомъ переговоровъ и по благоусмотрѣнію мірскому и земному; часто убѣжденіе является подъ давленіемъ насилія, вѣра совпадаетъ съ инстинктомъ самосохраненія. Были, конечно, также исконные послѣдователи; они составляли цементъ, который сплачивалъ зданіе; они поддерживали и возстановляли его, когда оно угрожало паденіемъ. Но большая масса по сердцу оставалась чуждою новой религіи. Надежда грабежа и завоеванія — вотъ что заставляло ихъ принимать Исламъ. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ Магометовой религіи не только дѣлалъ возможнымъ такой результатъ, но даже на самомъ дѣлѣ вызывалъ и прямо поощрялъ его. Ея трезвость и простота рекомендовали ее практическо-

му и скептическому Арабу. Эта религія, какъ извѣстно, заключалась въ краткой формулѣ, въ двойномъ исповѣданіи „нѣтъ Бога кромѣ Бога" и „Магометъ пророкъ его". И даже принятый болѣе серьозно и при болѣе полномъ развитіи и раскрытіи, Исламъ удерживалъ этотъ же характеръ точности, сжатости и опредѣленности. Всѣмъ было извѣстно, что подъ нимъ разумѣется и чего онъ требуетъ. Религіозныя обязанности были точно опредѣлены и сведены къ хорошо извѣстнымъ пяти заповѣдямъ, такъ называемымъ столбомъ Ислама. (Кромѣ догматическаго признанія, молитва, понимаемая чисто внѣшнимъ и формальнымъ образомъ, посты, милостыня, пилигримство въ Мекку.

Коранъ, послѣ Османовой редакціи представлявшійся въ одномъ только общепризнанномъ чтеніи, былъ полною и исключительною книгою Аллаха. Преданность цѣлаго народа такой системѣ не болѣе удивительна, какъ и быстрота, съ которою Исламъ распространился. Для того, чтобы склонить на свою сторону массу, нужно дать ей истину въ округленной, точной и ясной формѣ, видимой и осязательной. Если это такъ, то завоеванія Ислама, независимо отъ того факта, что они были подготовлены, а отчасти даже осуществлены силою оружія, не могутъ быть приводимы въ доказательство его правъ на универсальное значеніе.

Широкое распространеніе Ислама

во многихъ случаяхъ можетъ служить только призрачнымъ свидѣтельствомъ въ пользу его способности удовлетворять религіознымъ потребностямъ различныхъ племенъ и народовъ. Есть страны, въ которыхъ его господство было и остается внѣшнимъ и поверхностнымъ явленіемъ. Исламу не удалось при его утвержденіи и не смотря на долговременное вліяніе искоренить старыя вѣрованія новообращенныхъ, уничтожить тѣ привычки и нравы, которыя образовались раньше въ согласіи съ тѣми вѣрованіями. Правда, что это несовсѣмъ удается и другимъ религіямъ. Однажды укоренившіяся въ сердцѣ народа религіозныя вѣрованія съ трудомъ искореняются, никогда не умираютъ. Другія представленія, имъ враждебныя, могутъ найти себѣ къ нему доступъ и кажется иногда, что имъ удалось вытѣснить старую религію. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что при господствѣ новой вѣры все таки живутъ и старыя вѣрованія, правда преобразованныя, подчиненныя высшимъ идеямъ, ассимилированныя ими, но тѣмъ самымъ предохраняемыя отъ полнаго вымиранія. Итакъ, совершенно естественно, что въ Персіи, напримѣръ, сквозь ученіе и жизнь мослимовъ просвѣчиваетъ старая Зороастрова религія, а въ Индостанѣ - старыя туземныя идеи. Это согласно съ общимъ правиломъ, съ общимъ закономъ религіознаго развитія; но сверхъ того есть и одна весьма существенная разница и особенность. Дѣло въ томъ, что въ этихъ и

другихъ странахъ, гдѣ Исламъ былъ введенъ, ему неудалось ассимилировать тѣ несродные ему убѣжденія и обычаи, не удалось ввести ихъ въ свою сферу, достигнуть того, чтобы они проникались его духомъ. Они живутъ, сохраняя свой первоначальный характеръ, только развѣ съ мусульманской окраской на поверхности, но большею частію не приведенныя даже къ видимому согласію съ системою, къ которой они должны принадлежать по теоріи. Одинъ французскій знатокъ Ислама (Gobineau: Les religions et philosophies dans l'Asie centrale, 1866, 2me edit.) называетъ исламъ

„ce voile très leger, sous la garde duquel
„les opinions, les doctrines, les théories an-
„ciennes se sont très aisément maintenues
„et n'ont absolument rien perdu ni de
„leur force, ni de leur crédit."*) и въ другомъ мѣстѣ: „Comme l'islame, avec ses formules
„vagues et inconsistantes, semblait inviter
„tout le monde à le reconnaître, sans for
„cer personne à abandonner rien de ce
„qu'il pensait, il est devenu ce que nous
„le voyons, le manteau commode, sous lequel
„s'abrite, en se cachant à peine, tout le passé."**)

---

*) Этотъ легкій покровъ, подъ охраною котораго старыя мнѣнія, доктрины, теоріи весьма удобно удержались и ничего не потеряли ни въ своей силѣ, ни въ своемъ значеніи".

**) Такъ какъ исламъ, съ своими неопредѣленными и незначительными формулами, казалось, приглашалъ весь міръ признать его,

Другой ученый (голландецъ Veth), близко зна
комый съ Ост-Индскимъ Архипелагомъ, въ
главѣ объ религіозномъ бытѣ острова Явы
называетъ Исламъ „оффиціальною одеждою,
въ которую сверху облекается туземное об-
щество." Если приподнять края этой о-
дежды, то подъ ними оказывается буд-
дизмъ, давно занесенный миссіонерами изъ
Индостана и бокъ-о-бокъ, часто въ нестрой
номъ и неуклюжемъ сочетаніи съ нимъ;
сиваизмъ, занесенный колонистами ин-
дусами изъ ихъ отечества; и позади всего
лежитъ старое народное анимистическое
вѣрованіе, которое еще нисколько не утрати
ло своей силы надъ массами. Поклоненіе
природѣ и духамъ естъ еще настоящая
религія Явайцевъ. Было бы совершенно оши
бочно считать яванизмъ разновидностью
Ислама, получившаго національную ок-
раску, хотя, конечно, и есть на Явѣ от
дѣльные искренніе послѣдователи исла
ма. Вообще, исламизмъ не обладаетъ
способностью, не отказываясь отъ своей
сущности и основныхъ началъ, принаров-
ляться въ своемъ развитіи къ специаль-
нымъ, національнымъ и соціальнымъ ус
ловіямъ, къ особенностямъ расы и народ-
ности.
Можно указать рядъ явленій въ сферѣ

не принуждая вмѣстѣ съ тѣмъ никого отка
зываться отъ своего образа мысли, онъ сдѣлался
тѣмъ, чѣмъ мы его видимъ - удобною одеждою,
подъ которою таится, едва прикрытое ею, все
прошлое."

самого Ислама, доказывающихъ его неспособность удовлетворять самымъ основнымъ запросамъ, съ которыми верующій человѣкъ обращается къ своей религіи. Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ распространено <u>почитаніе святыхъ</u>, существуетъ обычай пилигримства къ ихъ гробницамъ. Во всѣхъ путешествіяхъ говорится объ этихъ священныхъ мѣстахъ; мы знакомы даже съ ними по картинамъ Верещагина. Но какой смыслъ имѣетъ это поклоненіе?

Несомнѣнно, что оно не только не вытекаетъ изъ предписанія Корана, но даже прямо ему противорѣчитъ. Религіозное чувство, не находящее удовлетворенія въ самомъ Исламѣ, ищетъ удовлетворенія внѣ его. Аллахъ, хотя онъ и называется благимъ и милостивымъ, все-таки слишкомъ далекъ и чуждъ; является необходимость въ посредникахъ, въ ходатаяхъ и она находитъ себѣ выраженіе въ почитаніи древнихъ героевъ и подвижниковъ Ислама.

Разныя религіозныя секты и богословскія ученія, возникавшія въ нѣдрахъ мусульманства опять таки не доказываютъ жизненности самой религіи и ея способности къ развитію, движенію, къ примѣненію къ разнообразнымъ условіямъ національнымъ и культурнымъ. Такого рода направленія, какъ <u>суфизмъ</u> (мистическое) и <u>мутазилитизмъ</u> (раціональное) не вытекали изъ сущности Ислама, не были его

развитіемъ, а скорѣе отрицаніемъ и разложеніемъ.

Суфизмъ - секта мистическаго толка, развившаяся среди послѣдователей Ислама; колыбелью своею можетъ считать Персію. Мистицизмъ, по мнѣнію Dozy, есть по обыкновенію принадлежность положительныхъ религій, но нѣкоторыя изъ нихъ особенно благопріятствуютъ его развитію, какъ наиболѣе говорящія чувству и сердцу человѣка. Коранъ, наоборотъ, по самому существу своему, служитъ препятствіемъ всякому подобному развитію, ибо въ немъ менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было вѣрующіе приглашаются къ возсоединенію съ Богомъ. Строго опредѣленныя, чисто внѣшнія правила религіозной практики, самое Божество, не живущее въ мірѣ и въ душѣ человѣка, а стоящее высоко, отдѣльно, недосягаемо, разграничиваютъ область человѣческаго и божескаго бытія и не допускаютъ сліянія ихъ.

Тѣмъ не менѣе, мистическія представленія въ образѣ суфизма занимаютъ не маловажное мѣсто въ Исламѣ. Нѣкоторые афоризмы и изреченія, приписываемыя Магомету, заставляютъ послѣдователей этого толка называть именемъ суфи даже самого пророка, очевидно, съ цѣлію возвести происхожденіе своей секты къ самымъ первобытнымъ временамъ исламизма. Однако, гораздо вѣрнѣе предполагать, какъ уже выше сказано, что отечество суфизма есть Персія, ибо онъ существ-

вовалъ въ этой странѣ еще ранѣе Арабскаго завоеванія, благодаря вліянію Индіи. Идеи эманаціи всего существующаго отъ Бога и возвращенія къ нему же, мысль о томъ, что нѣтъ внѣшняго и видимаго міра, что есть только Богъ и внѣ его не существуетъ ничего - были извѣстны Персамъ задолго до распространенія мусульманства въ странѣ ихъ.

Послѣдователи этой секты - суфи Аравіи называютъ однимъ изъ первѣйшихъ мистиковъ одну женщину, по имени Рабію (Râbia), гробница которой, на востокъ отъ Іерусалима, является мѣстомъ почитанія и поклоненія средневѣковыхъ пилигримовъ-мусульманъ. Слова и дѣйствія, которыя ей приписываютъ, содержатъ въ зародышѣ суфизмъ, т.е. родъ сантиментальнаго пантеизма, развитый мистицизмъ сердца, выражающійся какъ пантеизмъ. По мнѣнію и по словамъ суфи, Рабіа стояла выше многихъ великихъ людей изъ послѣдователей ихъ толка и этотъ фактъ возвеличенія женщины, какъ древнѣйшей и высшей представительницы мистицизма весьма характеренъ и достоинъ вниманія.

Разсказъ этотъ, очевидно не имѣетъ историческаго значенія; перенося на болѣе твердую почву, говоритъ Дози мы видимъ въ 200 г. геджры (815 г. нашей эры) основаніе суфистическаго толка Абу-Саид-ибн-абил-Каиромъ; свое названіе секта получила отъ çouf - арабскаго слова шерсть, потому что послѣдователи ея носили шерстяныя одежды.

Не смотря на формальное запрещеніе Магомета, который сказалъ, что „не должно быть монашеской жизни въ Исламѣ", Абу-Саидъ основалъ въ Хоразанѣ монастырь, въ который соединилъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ и далъ имъ монастырскій уставъ. Неизвѣстно, отъ него ли вполнѣ исходитъ эта религіозно-философская система суфистическаго толка, какъ это говорятъ его послѣдователи. Достовѣрно одно, что они не долго держались въ границахъ благочестія и чистаго мистицизма, который вскорѣ, подъ вліяніемъ болѣе древнихъ теорій и по самому существу своему, скоро перешелъ въ пантеизмъ. Недоступный, единый Богъ Магомета и Ислама, не допускавшій до себя человѣка, снизошелъ въ пантеистическомъ воззрѣніи суфизма въ природу, слился съ нею, а слѣдовательно, и съ человѣкомъ.

Міръ, по мнѣнію суфи, существуетъ отъ вѣка; это эманація Божества, находящагося во всемъ и вездѣ. Они сравниваютъ эманацію его божественной сущности и его божественнаго духа съ лучами солнца, которые по мнѣнію ихъ, непрестанно исходятъ и поглощаютъ сами себя. Это то поглощеніе (absorption) ихъ высшимъ Существомъ, которому принадлежитъ все, что въ нихъ есть безсмертнаго, — постоянный предметъ ихъ желаній. Они думаютъ, что душа человѣка и принципъ жизни, разлитый по всей природѣ, принадлежатъ Богу. Матерія для многихъ изъ нихъ есть ничто иное, какъ обманъ

чувствъ: она существуетъ только благодаря божественному свѣту, благодаря принципу жизни, который дозволяетъ намъ постигать ее; въ себѣ самой, она ничто.

Цѣлью жизни должно быть единеніе съ Богомъ; но этой цѣли нельзя достигнуть безъ руководителя и ея достигаютъ не сразу. Необходимо, такимъ образомъ, пройти нѣсколько степеней подъ руководствомъ другаго. Обыкновенно ихъ считаютъ три, хотя нѣкоторыя секты имѣютъ и болѣе. Первая степень, называемая закономъ, есть введеніе въ доктрину суфизма; ученикъ еще вполнѣ стоитъ на широкой основѣ исламизма; онъ строго исполняетъ всѣ повелѣнія Корана и преданія, совершаетъ правильно омовенія, молитвы и т. п. Богъ для него идея внѣшняя, трансцендентальная; словомъ, такъ какъ онъ остается правовѣрнымъ мусульманиномъ во время этого періода, его разсматриваютъ и обращаются съ нимъ, какъ съ непосвященнымъ. Это время испытанія можетъ быть долѣе или короче, смотря по тому, какъ руководитель найдетъ это необходимымъ.

Вторая степень называется путемъ или методомъ (la voie, la méthode). Суфи познаетъ, что внѣшній культъ есть только нѣчто призрачное; онъ организованъ для массы, привязывающейся къ внѣшности, но онъ не имѣетъ цѣны для того, кто позналъ. Онъ научается еще отбрасывать постепенно всѣ догматы исламизма; онъ не имѣетъ необходимости соблюдать религіозные обря-

ды, что покинулъ „дѣла матеріальныя" для „дѣлъ духовныхъ". Въ этотъ періодъ, который въ сущности составляетъ переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ видимости къ сущности, молодые суфи знакомятся съ писаніемъ, которое составляетъ преимущественное чтеніе и предметъ изученія людей его секты. Но до этой ступени не возможно дойти безъ благочестія, добродѣтели и великаго постоянства; ибо было бы опасно освободить кого-либо отъ этихъ обычаевъ и церемоній, удерживающихъ слабыхъ, раньше чѣмъ онъ дойдетъ до сознанія собственнаго достоинства и величія Бога. Вотъ почему этотъ періодъ есть также время аскетизма; необходимо стараться оторвать свой умъ и сердце отъ видимыхъ предметовъ, чтобы достичь единенія съ Богомъ. И для этого есть рубрики: постятся и бодрствуютъ въ молчаніи и уединеніи. Нужно изгнать всѣ мысли изъ своего ума, чтобы дойти до безсознательнаго состоянія, которое суфи называютъ смертью. Такимъ образомъ, доходятъ до энтузіазма, который не продолжается постоянно, а только временно и который суфи называютъ состояніемъ (état); оно представляется въ символическомъ образѣ единенія любящаго съ своею возлюбленною. Если это состояніе часто возобновляется или дѣлается постояннымъ, то суфи достигъ того, что называется mokâm — остановка (station).

Третья степень есть увѣренность (cer-

titude). Суфи совершенно достигъ знанія; то, что казалось ему раньше трансцендентнымъ, теперь является ему какъ субъективная увѣренность. Онъ нашелъ Бога въ себѣ самомъ; онъ знаетъ, что онъ есть часть божества; его собственное я и божество есть идеи идентичныя. Онъ еще употребляетъ магометанскія выраженія, но для него уже нѣтъ религіи и онъ съ одинаковымъ презрѣніемъ смотритъ на мечеть, на христіанскую церковь и на dêval Индусовъ.

Эти степени носили еще и другія имена, смотря по времени и сектамъ; но основной фондъ остается тотъ же самый.

Вліяніе, которое суфизмъ имѣлъ на мусульманскій міръ и которое въ наше время все увеличивается, было громадно. Эта религія воображенія, „эта мечта какъ наименѣе, такъ и наиболѣе развитыхъ людей" была религіею почти всѣхъ персидскихъ поэтовъ, которые воспѣвали единеніе съ возлюбленной и духовный восторгъ въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ. Эти творенія полны символическими образами и для нѣкоторыхъ дышатъ чувственными восторгами въ то время, какъ другіе видятъ здѣсь только мистическій энтузіазмъ. Безчисленное количество арабскихъ и турецкихъ пѣсенъ есть эхо тѣхъ поэтовъ; не только въ Персіи, Индіи и индійскомъ архипелагѣ, но даже въ странахъ наиболѣе правовѣрныхъ (не исключая Испанію) суфизмъ нашелъ себѣ

мѣсто; его высокія спекулятивныя идеи о Безконечномъ съ энтузіазмомъ были приняты послѣдователями антропоморфической религіи. Наивность дѣйствительно зашла такъ далеко, что наружность увлекла и прельстила; не подумали, что суфизмъ есть самый злѣйшій врагъ исламизма, и когда многіе отдали себѣ отчетъ въ этомъ, уже было поздно: вѣра и доктрина Магомета была подорвана и не было болѣе возможности ни возстановить, ни спасти ее.

Съ этой же точки зрѣнія, т. е. какъ нѣчто выходящее изъ рамокъ мусульманской религіи, нѣчто вызванное неудовлетворительностью вѣры и доктрины пророка, необходимо разсматривать и другія секты, возникшія среди послѣдователей Ислама. Къ числу ихъ принадлежитъ занимающая не менѣе видное мѣсто, чѣмъ суфизмъ, раціоналистическая секта Мутазиллитовъ.

Познаніе Бога, предопредѣленіе и свобода воли — таковы были вопросы, возбудившіе протестъ противъ доктрины пророка и заставившіе выдѣлиться изъ среды правовѣрныхъ муслимовъ эту новую секту. Магометъ былъ далекъ отъ предположенія возможности чего-либо подобнаго, ибо богословскіе вопросы были чужды этому восторженному основателю религіи, этому народному учителю. Онъ наивно надѣляетъ Бога человѣческими качествами: мудростью, могуществомъ, жиз-

нію, волею, величіемъ, благотворительностью, зрѣніемъ, слухомъ, словомъ, даже лицомъ и руками. Хотя его ученики не принимали его словъ буквально и не вполнѣ вѣрили тому, что Богъ похожъ на человѣка, но они мало и заботились объ этомъ и не стремились съ особенною точностью къ познанію Бога въ смыслѣ тѣхъ аттрибутовъ, которые могли быть ему приписаны. Было совершенно достаточно для нихъ, что проповѣдуемое пророкомъ высшее Существо есть давно знакомый имъ Аллахъ-таала. Догматъ о предопредѣленіи также мало смущалъ ихъ, да и самъ Магометъ едва ли имѣлъ объ немъ опредѣленное вполнѣ представленіе. Такимъ образомъ, хотя въ Коранѣ и говорится, что судьба человѣка предопредѣлена заранѣе и даже записана*), но тамъ же мы читаемъ, что ангелы записываютъ дѣйствія человѣка уже послѣ ихъ совершенія. Точно также, хотя Магометъ и пользуется этимъ догматовъ для своихъ цѣлей, какъ напр. въ битвѣ при Бедрѣ, увѣряя свое войско, „что судьба каждаго опредѣлена заранѣе и въ назначенный моментъ смерть похититъ каждаго, гдѣ бы онъ ни находился", но онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что милосердіе Бога ко грѣхамъ есть слѣдствіе вѣры.

---

*) Шпренгеръ справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ человѣческая жизнь должна стоять къ книгѣ судебъ въ такомъ же отношеніи, какъ представленіе драмы къ тексту поэта.

Такимъ образомъ, опредѣленнаго принципа въ этомъ смыслѣ не существовало и уже съ перваго вѣка мусульманской эры, если не въ Аравіи, то въ древней Вавилоніи (Иракѣ) это было замѣчено. Въ городѣ Басрѣ (Бассорѣ) подъ вліяніемъ знаменитаго Гассана аль-Басри, сына извѣстнаго намъ Заида ибн-Табита, образовалась богословская школа. Не ограничиваясь болѣе простою вѣрою въ Коранъ и преданіе, начали разсматривать его основныя доктрины и стараться разъяснить ихъ. Немного времени нужно было, чтобы убѣдиться въ томъ, что Магометъ нерѣдко стоялъ въ прямомъ противорѣчіи съ самимъ собою и со здравымъ смысломъ. Ученики Гассана, Персы по большей части, замѣтили это также скоро и одинъ изъ нихъ, Василь-ибн-Ата (Wâcil-ibn-Atâ) въ четырехъ пунктахъ разошелся съ правовѣрною доктриной пророка: 1, Онъ отрицалъ прежде всего аттрибуты Божества, основываясь на томъ, что одновременное признаніе идеи и аттрибута, какъ чего-то вѣчнаго, есть признаніе двухъ Боговъ.

2, Вторымъ еретическимъ пунктомъ его ученія является признаніе свободы воли. Богъ на столько мудръ и справедливъ говорилъ онъ, что, очевидно, не можетъ предопредѣлить чего либо дурнаго и несправедливаго; онъ не можетъ, конечно, также допустить человѣка сдѣлать что либо противъ его приказанія и наконецъ, несовмѣстимо съ вѣрою въ Его правду убѣжденіе въ

Лит. Сомина, Гороховая, 17.

возможности награды или наказанія за предопредѣленные заранѣе поступки. Отсюда онъ заключаетъ, что человѣкъ свободно творитъ добро и зло, подтверждая, между прочимъ это мнѣніе словами Корана.

3, Его третья ересь состояла въ признаніи извѣстнаго рода чистилища. Однажды нѣкто пришелъ къ Гассану и спросилъ его: „Учитель, въ наше время существуетъ секта, которая признаетъ проклятыми тѣхъ, кто совершилъ тяжкія преступленія. Другая, напротивъ, говоритъ, что дѣла не составляютъ существенную часть вѣры. По системѣ этой послѣдней, злыя дѣла не вредятъ, если есть вѣра и, напротивъ того, добрыя дѣла при безвѣріи безполезны. Какъ думаешь ты по этому поводу?“ Гассанъ началъ размышлять по этому поводу, но раньше, чѣмъ онъ нашелъ отвѣтъ, Василь сказалъ: „Я полагаю, что правовѣрный, тяжко согрѣшившій, не находится ни въ числѣ проклятыхъ, ни въ числѣ избранныхъ, но посрединѣ тѣхъ и другихъ.“ Затѣмъ онъ удалился въ другую часть мечети, чтобы подробнѣе истолковать свое мнѣніе своимъ соученикамъ. Это заставило Гассана сказать: „Василь отдѣляется отъ насъ“; послѣ этого Василь и его послѣдователи получили имя Мутазилитовъ (отдѣляющихся).

4). Четвертое еретическое мнѣніе его касалось вопроса о личностяхъ, которыя, по смерти Магомета, оспаривали одна у другой тронъ. Онъ очень низко ставилъ

Изд. Ал. Бабина

имъ, чего они, впрочемъ, вполнѣ заслужива ли, ибо религія служила для нихъ толь ко средствомъ къ достиженію ихъ често любивыхъ цѣлей.

Такова была доктрина этого Васиѳя, извѣстнаго за достойнаго и ученаго человѣка, основателя секты мутазилитовъ или кадаритовъ (послѣдователей принципа свободной воли). Сами они, впрочемъ, называли себя приверженцами справедливости и единства (Теологія).

Впослѣдствіи, эта доктрина была измѣнена и расширена подъ вліяніемъ философіи Аристотеля. Секта подраздѣлилась, что было въ природѣ вещей. Всѣ мутазилиты соглашаются во многихъ пунктахъ между собою: они отрицаютъ аттрибуты божества и не признаютъ ничего, что могло бы нанести ущербъ догмату единства; чтобы отклонить отъ Бога всякую идею несправедливости, они признаютъ полную свободу воли въ человѣкѣ; они учатъ, что всѣ истины, необходимыя для достиженія спасенія, лежатъ въ области человѣческаго разума; ихъ можно пріобрѣсти только благодаря свѣту разума, такъ что человѣкъ (до откровенія Корана и послѣ) всегда долженъ былъ обладать этими истинами.

Къ этимъ главнымъ положеніямъ разновидности этой секты прибавляютъ и многія другія, часто даже смѣшныя. Такъ нѣкоторые изъ нихъ вѣруютъ въ метампсихозу, другіе предполагаютъ, что животныя

соединяются въ общины, по родамъ, и имѣютъ пророковъ изъ среды своей; что наиболѣе удивительно, — они основывали этотъ догматъ на двухъ стихахъ Корана. Конечно, всѣхъ мутазилитовъ нельзя дѣлать отвѣтственными за безразсудныя мнѣнія немногихъ; въ общей сложности, къ нимъ можно относиться съ уваженіемъ. Размышляя о томъ, во что религія приказывала слѣпо вѣрить, они сдѣлались раціоналистами Ислама. Однимъ изъ ихъ наиболѣе важныхъ утвержденій сдѣлалось то, что Коранъ былъ дѣйствительно сотворенъ, хотя пророкъ и отрицалъ это. Если бы онъ не былъ сотворенъ, говорили они, то слѣдовало бы признать два вѣчныхъ существа; они утверждали даже, разбивая догматъ откровенія, что можно написать нѣчто не только равное Корану, но и лучше.

Идея ихъ о Богѣ была гораздо выше и чище, чѣмъ идея правовѣрныхъ мусульманъ; они не допускали никакихъ тѣлесныхъ атрибутовъ Божества, точно также, какъ возмущались представленіемъ Корана объ Аллахѣ „наносящемъ вредъ или дарующемъ милости". Они не вѣрили чудесамъ, о которыхъ говорится въ Коранѣ: они не допускали осушенія моря для прохода Евреевъ, ведомыхъ Моисеемъ, превращенія посоха Моисея въ змія и воскрешенія мертвыхъ Іисусомъ. Одна секта высказывала даже, что пророкъ имѣлъ слишкомъ много женъ и что его современникъ Абу-Дзар-аль-Джифари былъ несомнѣнно нравственнѣе его, что, какъ кажется, вполнѣ вѣрно.

Итакъ, на вопросъ, поставленный нами выше, т. е. есть ли въ исламизмѣ черты, которыя могли бы сдѣлать его универсальной религіей, мы отвѣтимъ отрицательно. Если онъ и приноровился къ потребностямъ отдѣльныхъ народовъ, то только посредствомъ такихъ установленій, которыя разрушали самую сущность его; если въ немъ существовали направленія, соотвѣтствовавшія скептицизму, раціонализму и мистицизму принявшихъ его племенъ, то эти направленія не вытекали изъ самой сущности исламизма, не составляли его развитія, а напротивъ, представляли полное его разложеніе, особенно извѣстный намъ суфизмъ, возникшій въ Персіи; и теперь тамъ господствуетъ эта секта (Шіиты), которая въ весьма слабой степени можетъ называть себя мусульманами.

Рядомъ съ этой стороною исламизма, мы должны поставить другой вопросъ, а именно: какъ исламизмъ отнесся къ наукѣ, ибо вопросъ этотъ является весьма важнымъ для оцѣнки мусульманскаго просвѣщенія. Мы познакомимся съ нимъ, руководствуясь любопытною статьею недавно-умершаго философа-позитивиста Литтре*), носящую слѣдующее заг-

---

*) См. La philosophie positive. Revue, dirigé par M. E. Littré et G. Vivouboff. 1879. „Comment, dans deux situations historiques, les Sémites entrèrent en compétition avec les Aryens pour l'hégémonie du monde et comment ils y faillirent." 2me article, p. 161.

лавіе: „<u>О томъ, какъ Семиты, при двухъ различныхъ историческихъ положеніяхъ, вступали въ состязаніе съ Арійцами о пріобрѣтеніи всемірной гегемоніи и какъ они потерпѣли неудачу.</u>"

Изъ этихъ двухъ историческихъ положеній первое была борьба между Римомъ и Карѳагеномъ, окончившаяся, какъ извѣстно, побѣдой Рима, а вмѣстѣ съ нимъ и арійской культуры. Другой случай, когда Арійцы и Семиты вновь вступаютъ въ борьбу, было Арабское завоеваніе.

„Едва только быстрый прозелитизмъ поставилъ Аравію подъ знамя новой вѣры, говоритъ Литтре, какъ начались всевозможныя столкновенія съ сосѣдними націями. Сирія и христіанскій Египетъ были отняты у Римской Имперіи и на востокѣ Персія Зороастра испытала ту же участь. Но здѣсь не остановился ходъ завоеванія. Вся тогдашняя Африка подпала подъ власть мусульманъ, т.е. то, что составляетъ въ настоящее время государства Триполи, Туниса, Алжира и Марокко. Гибралтарскій проливъ былъ перейденъ и мусульмане явились въ Европѣ. Христіанская монархія Вест-Готовъ стоила только одной большой побѣды; но побѣдитель, дойдя до подошвы Пиренейскихъ горъ, не счелъ свою цѣль достигнутою. Онъ проникъ въ Галлію, которою тогда владѣли Франки и вскорѣ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ самомъ сердцѣ этой страны, въ равнинахъ Тура. Это положило конецъ за-

воеваніямъ; съ тѣхъ поръ мусульмане, отказавшись распространять далѣе свои завоеванія въ эту сторону, думали только о сохраненіи того, что имѣли.

Два-три вѣка нужно было для западныхъ христіанъ, чтобы оправиться отъ полученнаго удара. Но наконецъ, замѣнивъ потерянную Испанію вновь завоеванной и обращенной въ христіанство Германіей, они почувствовали необходимость перейти въ наступательное положеніе и изгнать мусульманъ изъ ихъ главныхъ позицій. Крестовые походы являются движеніемъ обратнымъ мусульманскому завоеванію. Они продолжались долго и были ознаменованы большими измѣненіями и великими военными дѣяніями. Но вся храбрость крестоносцевъ оказалась безсильною въ дѣлѣ измѣненія внѣшнихъ границъ двухъ религій. Малая Азія, Сирія, Египетъ остались въ рукахъ мусульманъ, и христіанство тщетно требовало съ оружіемъ въ рукахъ Гробъ Того, кого оно называло Спасителемъ и Мессіею.

Равновѣсіе, не гарантированное ни какимъ мирнымъ договоромъ, тѣмъ не менѣе продолжалось; оно едва не нарушилось въ XV в. при усиленіи могущества Турокъ: мусульмане отняли у христіанъ Константинополь; но взамѣнъ этого, послѣдніе овладѣли Испаніей. Такимъ образомъ, все вернулось къ старому.

Въ этомъ положеніи дѣлъ, военная сила, рѣшившая нѣкогда споръ между Римомъ и Карѳагеномъ, не могла болѣе при-

судитъ всемірную гегемонію христіанамъ или мусульманамъ. Обѣ религіи оказались непобѣдимыми одна для другой, но будетъ ли то же самое съ обѣими цивилизаціями? Это было еще неизвѣстно, невыяснено и зависѣло отъ совершенно другого фактора — не отъ силы оружія, храбрости солдатъ и генія предводителей.

Этотъ другой факторъ была положительная наука, т. е. та, которая изслѣдуетъ свойства вещей посредствомъ наблюденія, строитъ въ каждой области общія теоріи и такимъ образомъ шагъ за шагомъ приближается къ уразумѣнію (conception) видимаго и познаваемаго міра. О могуществѣ этого новаго фактора соціологическое развитіе даетъ непререкаемое свидѣтельство. Подъ его вліяніемъ все преобразовалось: люди, ихъ мнѣнія, ихъ отношенія, ихъ мораль, ихъ политическій и соціальный бытъ, ихъ относительная безопасность и ихъ богатство.

Уже въ древнія времена существовала цвѣтущая колонизація, господствовавшая въ Египтѣ, въ Иранѣ, Сиріи, Вавилоніи; но, достигнувъ извѣстной высоты, она остановилась на одномъ уровнѣ, котораго не могла перейти и толклась на одномъ мѣстѣ, подобно манежнымъ лошадямъ (piétinait sur place, comme des chevaux de manège). Будетъ ли то же самое съ мусульманами Востока и христіанами Запада, представлявшими тогда двѣ великія державы, подобно древнимъ монархіямъ, которыя сей-

часъ были названы. Одно будущее могло это рѣшить; но уже съ самаго начала можно замѣтить, что область интеллектуальная не осталась неподвижною въ томъ же видѣ и что группа мусульмано-христіанская пользовалась выгодою, которую не имѣла группа египто-сирійская, именно — первыя основы положительной науки, незыблемо утвержденныя Греками для пользы потомства.

Это сокровище, которое можно назвать сокровищемъ всего человѣчества, сначала досталось арабамъ. Но прежде чѣмъ рѣшить, что они сдѣлали для себя и для другихъ, прежде нужно бросить взглядъ на Магомета и его ученіе.

Дозу, изъ того вѣрнаго факта, что Исламъ вышелъ вполнѣ изъ рукъ Магомета, обвиняетъ эту религію въ опредѣленности (fixité), исключающей всякое движеніе и считаетъ это причиною неподвижности, овладѣвшей мусульманскимъ міромъ. Взамѣнъ того, другой ученый (Mismer „Soirées de Constantinople", указываетъ на прекрасное изрѣченіе Корана „идите на поиски знанія, хотя бы оно было на краю свѣта" и увѣряетъ, что существованіе Исламизма тѣсно связано съ ходомъ прогресса; эти два противорѣчивыя утвержденія оба одинаково ложны. Достаточно различить — distinguer — чтобы возвратить ихъ къ истинѣ. Сначала исламизмъ отдался съ жаромъ тому исканію науки, которое рекомендовалось кораномъ, изучая книги греческія и завоевалъ очень

видное мѣсто въ тогдашней цивилизаціи. Послѣ исламизмъ оцѣпенѣлъ, покинулъ путь труда и открытій и націи, которыя слѣдовали ему, упали до низшаго положенія (сравнительно съ другими) - sont tombées dans l'infériorité.

Подобная же контроверза существуетъ относительно христіанства. Предполагаютъ, сообразно требованіямъ полемики, что или благодаря ему свѣтъ науки распространился на Западѣ, для котораго оно явилось терпѣливымъ воспитателемъ, или же-что независимо отъ него этотъ самый Западъ вышелъ изъ состоянія варварства, въ которомъ упорно поддерживало его христіанское духовенство. Замѣтимъ, что политеизмъ царствовалъ въ полной силѣ, когда Греція, сдѣлавъ то, что было наиболѣе труднаго - начало - открыла эру положительнаго знанія.

Отсюда я заключаю, говоритъ Литтре, что религіи, разсматриваемыя въ себѣ самихъ, отдѣльно отъ ихъ среды и какъ извѣстныя доктрины, не имѣютъ значенія существенныхъ агентовъ для движенія или остановки научнаго развитія.

Прекрасное зрѣлище представляютъ Арабы, послѣ увлеченія побѣдами, предающіеся съ увлеченіемъ научнымъ занятіямъ. Именно здѣсь, сила преданія и уже сдѣланныхъ пріобрѣтеній, обнаруживается въ полномъ блескѣ. Эти люди, вышедшіе изъ глубины своего полуострова, малообразованные, у которыхъ еще ничто не пробуждало

желанія войти съ нимъ въ что ни было въ научныя сношенія, не ошиблись однако въ томъ, что имъ слѣдовало дѣлать для удовлетворенія новой потребности, возникшей въ нихъ. Они обратились безъ колебаній къ источнику знаній древняго міра, т. е. къ греческимъ книгамъ. То же самое раньше ихъ сдѣлали и Римляне. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Латиняне, не пользуясь ничьимъ посредничествомъ, вошли прямо въ сношенія со своими учителями, тогда какъ мусульмане познакомились съ оригиналами только изъ переводовъ переводовъ. Греческія творенія прошли чрезъ сирійскіе переводы раньше, чѣмъ сдѣлались достояніемъ Арабовъ.

Это было неудобство, но не препятствіе: Арабы съ рѣшимостью начали учиться. Они выучились математикѣ и астрономіи и усвоили ихъ себѣ настолько, что могли плодотворно работать въ этой области науки и преумножать полученное ими и тщательно собранное наслѣдство. Арабская цивилизація распространилась отъ Персіи до Испаніи, пройдя черезъ Африку. Вездѣ учреждались школы, центры образованія; государи поощряли эти стремленія и содѣйствовали устройству обсерваторій и снабженію ихъ инструментами. Это былъ періодъ цвѣтущей дѣятельности. Количество книгъ сдѣлалось громадно. Можно судить объ этомъ по слѣдующему факту: при взятіи Багдада, Монголы бросали въ Евфратъ книги коллегій и библіотеки этого города; количество ихъ было такъ

громадно, что образовался на этой ръкѣ мостъ, по которому могли переходить пѣшіе и конные; вода въ ръкѣ сдѣлалась черная. (Gust. Dugat. Histoire des philosophes et des théologiens musulmans.)
Можно было сказать, что существуетъ арабская наука. Въ дѣйствительности, она не только собрала все то, что являлось необходимымъ началомъ всякаго прогресса, - ученые труды Грековъ, но кромѣ того съ усердіемъ продолжала ихъ и достигла новыхъ плодовъ, увеличившихъ ихъ значеніе. Получать и развивать есть сущность всякаго дѣйствительнаго знанія.

Можно сказать еще, что исламизмъ есть цѣпь, связывающая античную цивилизацію съ цивилизаціей современной и что магометане были учителями среднихъ вѣковъ. Человѣчество не оставалось безъ всякаго прогресса въ теченіе времени между греко-романскою и современною цивилизаціей; Арабы наполняютъ пробѣлъ; переводчики и вульгаризаторы арабской науки у западныхъ христіанъ оказали немаловажное дѣйствіе на всеобщее развитіе. Только односторонній историческій взглядъ можетъ не придавать особеннаго значенія этому вторженію Мусульманскаго Востока въ христіанскій Западъ. Заслуга его неоспорима, она была велика. Въ настоящее время новая цивилизація настолько сильна, что можетъ быть благодарна и не отчаяваться, подобно тому, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, въ будущемъ мусульманскихъ націй.

Замѣчательно, что греческая наука въ рукахъ Грековъ-Византійцевъ находилась въ стаціонарномъ положеніи. Она получила ходъ посредствомъ Арабовъ, сотрудниковъ, которыхъ совсѣмъ не ожидали въ то время и въ томъ мѣстѣ. Во всю первую половину нашихъ среднихъ вѣковъ (я говорю-нашихъ-ибо это хронологическое выраженіе, которое подходитъ къ христіанскому Западу., не подходитъ къ мусульманскому Востоку, но оно удобнѣе для болѣе точнаго обозначенія времени) превосходство культуры принадлежитъ Сарацинамъ. Слѣдуя заповѣди Корана, они отправились на поиски за наукой и наука вознаградила ихъ.

Въ то время, какъ исламизмъ заявлялъ себя, какъ живой и могучій источникъ знанія, что происходило на Западѣ? Предполагали, что подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства, грекоромăнская цивилизація совершенно исчезла въ Европѣ. Это утвержденіе заключаетъ въ себѣ преувеличеніе и ошибку. Преувеличенно будетъ сказать, что изъ древней культуры была сдѣлана tabula rasa. Она много пострадала, но драгоцѣнные элементы ея продолжали существовать въ народностяхъ, подчиненныхъ варварамъ, но никогда вполнѣ не варваризованныхъ; свидѣтелями этому могутъ быть языки, оставшіеся латинскими. Остатки законовъ, муниципальныхъ учрежденій, книгъ, школъ-существовали; и Западъ имѣлъ, вмѣсто Римской имперіи, имперію варварскую, которая разрушила многое, но многое и сохра-

нила. Ошибка состоитъ въ приписываніи христіанству значительнаго ослабленія, испытаннаго цивилизаціею въ эти бѣдственные дни. Виновниками зла были побѣдители-германцы. Все понизилось, ибо законъ смѣшенія требовалъ, чтобы установился средній уровень между варварствомъ побѣдителей и культурою побѣжденныхъ. Западъ началъ оправляться и работать въ ученомъ смыслѣ только тогда, когда окончательно ассимилировался ему варварскій элементъ, т. е. при Каролингахъ. Германія была завоевана и со стороны Рейна окончательно остановлены нашествія, зловредныя для всякой культуры. Въ первомъ ряду агентовъ-возстановителей (agents reconstitutifs) должно быть поставлено христіанство. Повсюду оно латинизировало варваровъ и остановило такимъ образомъ то движеніе, которое угрожало сдѣлать необразованную Германію владычицею всего Запада.

Подобно тому, какъ мусульмане, христіане Запада не ошиблись въ источникахъ, откуда имъ слѣдовало черпать; не дойдя еще до Возрожденія греческой науки они обратились тѣмъ не менѣе къ свѣтиламъ знанія, они стали переводить Арабовъ. Такимъ образомъ они выучились всему, что въ то время могло быть изучено — первое условіе, которое необходимо было выполнить. Многія полки нашихъ библіотекъ наполнены толстыми томами латинскихъ переводовъ арабскихъ авторовъ. Немногіе ученые обращаютъ на нихъ въ данное время свое внимані

ибо, при разсмотрѣніи исторіи арабской науки, обыкновенно изучаютъ оригиналы. Прежде, эти тяжелые волюмы, когда они были манускриптами, читались, перелистывались, изучались и съ помощью ихъ Европа посвящена была въ ходъ дѣла науки. Ея ученичество (écolage), говоря словами Монтеня, было не коротко: оно продолжалось около двухъ вѣковъ. Только по истеченіи этого времени соціологія получила право спросить ее, остановится ли она на этой ступени, или перейдетъ за нее.

Она имѣла право задать этотъ вопросъ гораздо раньше мусульманскому Востоку, чѣмъ латинскому Западу. Дѣйствительно, старѣйшинство въ культурѣ и знаніи было его принадлежностью и, если бы онъ продолжалъ свою научную дѣятельность съ прежнею энергіею, то въ моментъ, когда латиняне съ трудомъ усваивали греческое знаніе чрезъ посредство арабскихъ переводовъ, мусульманскій Востокъ сохранилъ бы то разстояніе, которое отдѣляло его отъ этихъ учениковъ, начинавшихъ уже дѣлаться его соперниками. Далеко отъ того: неожиданной застой охватилъ всѣ живыя его силы. Ничего новаго въ научномъ смыслѣ не появлялось въ этомъ мірѣ, который сначала держалъ съ такимъ блескомъ скипетръ нововведеній. Что должно было произойти изъ этого застоя? Былъ ли это только одинъ моментъ, вскорѣ замѣнившійся новымъ движеніемъ?

или онъ былъ рѣшителенъ и безвозвратенъ? „Разумъ останавливается, говоритъ г. Миллеръ, предъ невозможностью объяснить эту остановку исламизма, послѣ того, какъ онъ въ теченіи столькихъ вѣковъ, шелъ впереди всего человѣчества".*)

Дѣйствительно, это проблемма, достойная изученія.

Мы обратимся ниже къ тому, какимъ образомъ знаменитый философъ-позитивистъ рѣшаетъ эту проблемму, но раньше того познакомимся нѣсколько подробнѣе съ нѣкоторыми фактическими данными, которые позволятъ намъ опредѣленнѣе судить о состояніи арабской науки въ цвѣтущее ея время. Полезнымъ пособіемъ при этомъ можетъ служить сочиненіе нѣмецкаго ученаго Альфреда ф. Кремера „Культурная исторія Востока (Alfred v. Kremer. Kulturgeschichte des Orients, II.) Быть можетъ, и этотъ очеркъ не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, которыя могли бы быть поставлены; но обзоръ арабской науки является особенно труднымъ, въ силу того, что необходимо быть спеціалистомъ по многимъ отраслямъ знанія, чтобы съ успѣхомъ подвергнуть эту науку критической оцѣнкѣ; вотъ почему, вѣроятно, до сихъ поръ не появлялось еще такого труда, который бы вполнѣ и всесторонне оцѣнилъ успѣхи арабской цивилизаціи. Кремеръ признаетъ, что Арабы, если сдѣлали

*) Soirées de Constantinople, p. 341.

что либо важное и самостоятельное, то толь-
ко въ области наукъ естественныхъ. Въ
тѣсной связи съ успѣхами географіи сто-
яли занятія математическія, астроно-
мическія и естественно-научныя, дости-
шія высокаго развитія въ школахъ Баг-
дадскихъ.

Уже въ началѣ господства Абасси-
довъ, Арабы съ большою ревностью прини-
маются изучать переводы греческихъ сочи-
неній, сдѣланныя Сирійскими христіана-
ми, а равнымъ образомъ при помощи уче-
ныхъ Персовъ приготовленныя для нихъ
переводы съ Персидскаго на Арабскій.

Къ изученію астрономическихъ и
математическихъ трудовъ первый толчокъ
дала, повидимому, астрологія и отсюда
началось движеніе, произведшее очень обшир-
ную литературу по математическимъ
и естественнымъ наукамъ.

Математическія познанія Арабовъ
основываются на элементахъ Евклида, изу-
чаемыхъ въ переводѣ; но Арабы на данномъ
основаніи повели свою работу и дальше. Отъ
Индусовъ они заимствовали въ IX в. десятич-
ную цифирную систему, индійскіе знаки
для нея и ариѳметику. Алгебра, если не
своимъ происхожденіемъ, то своимъ разви-
тіемъ обязана Арабамъ; они первые прило-
жили ее къ рѣшенію геометрическихъ за-
дачъ, разрѣшая геометрически кубическія
уравненія.

Около 820 года, по желанію халифа
Аль-Мамуна математикъ Ибнъ-Муса

называемый обыкновенно Ховаризми (Chowarizmy) составилъ краткое руководство, въ которомъ содержались извѣстнѣйшія и самыя необходимыя въ ежедневной практикѣ примѣры изъ Алгебры и это руководство, имѣвшее предметомъ, по указанію составителя, самые обыкновенные случаи, сдѣлалось источникомъ, изъ котораго Европа въ первый разъ познакомилась съ Алгеброю; латинскіе переводы сочиненій Ховаризми въ XVI в. служили руководствомъ для Европейскихъ ученыхъ, изъ коего они почерпнули первыя свои алгебраическія познанія.

Познанія Ховаризми не простираются далѣе уравненія второй степени, но позднѣе Арабы научились рѣшать уравненія четвертой степени. Во всякомъ случаѣ, Арабамъ принадлежитъ великая заслуга, что они самостоятельно придумали весьма остроумную систему изображенія алгебраическихъ формулъ, ранѣе чѣмъ въ Европѣ помышляли о чемъ либо подобномъ.

Не маловажны ихъ заслуги относительно геометріи, а именно - развитіе сферической тригонометріи. Уже въ IX вѣкѣ они пользовались синусомъ дуги. Здѣсь, впрочемъ, они кое-что взяли изъ Индіи, какъ это показываетъ слово gaib-sinus = санскритское jiva.

Въ оптикѣ и механикѣ сдѣланы были большіе успѣхи и самостоятельные шаги. Онъ оптикъ (Alhazen) развилъ довольно правильныя идеи о теоріи зрѣнія, о преломленіи свѣта и т. д. (Это впрочемъ взято имъ у Sedillot, Matériaux pour servir

Изд. Абдулина.

à l'histoire des sciences mathématiques.)

Еще значительные труды по астрономии. Уже вышеназванный Ховаризми, по поручению Ал-Мамуна, издалъ въ сокращенномъ видѣ болѣе доступныя астрономическія таблицы, уже раньше переведенныя. Около этого же времени начали изучать Птолемея и на этихъ предварительныхъ основахъ пошли дальше. Мамунъ велѣлъ сдѣлать пересмотръ астрономическихъ таблицъ Птолемея; исправленныя таблицы, составителемъ которыхъ былъ Яхія-ибн-аби-Мансуръ, основываются на наблюденіяхъ, которыя въ одно и то же время производимы были въ Багдадѣ и Дамаскѣ.

Въ это время жилъ знаменитый астрономъ Фергани, сочиненія котораго были переведены въ среднихъ вѣкахъ на латинскій языкъ и подъ именемъ „Alfraganus" пользовались великимъ почетомъ и авторитетомъ. Астрономическія студіи продолжались и послѣ при Багдадской обсерваторіи; извѣстны здѣсь три брата Ибнъ-Шакиры.

Здѣсь же нужно упомянуть о столь знаменитомъ въ среднихъ вѣкахъ Альбатегніи (Albategnius + 929) наблюдавшій въ другой обсерваторіи; сочиненіе его не дошло въ подлинникѣ; но въ латинскомъ переводѣ пользовались большимъ значеніемъ на средневѣковомъ западѣ. Опуская другихъ (Амагуровъ отца и сына); замѣтимъ, что эти ученыя занятія въ Багдадѣ продолжались и при султанахъ Буидахъ; одинъ изъ

нилъ-Адудъ-ад-Даули былъ большимъ любителемъ астрономіи. При немъ Абдеррахманъ Суфи написалъ свою уранографію, необъвъдные. Но славу всѣхъ своихъ предшественниковъ затмили два астронома-Кухи и Abulwafa Buzdany, жившіе при первыхъ Багдадѣ (949-989). Пользуясь покровительствомъ султана, они могли производить многосложныя наблюденія и употреблять очень дорогія орудія или инструменты.

Великій Абуль-вефа поселился въ 959м году въ Иранѣ и началъ свою величественную ученую дѣятельность. Его Альмагестъ содержитъ открытія большой важности. Онъ пользуется тангенсами, секансами, подобно тому, какъ и это теперь дѣлается въ тригонометрическихъ вычисленіяхъ. По изслѣдованіямъ Седилло, кажется, что онъ при изученіи теоріи луны Птолемея открылъ между прочимъ и третье неравенство.

Хотя это и оспаривается - по мнѣнію Кремера - безъ достаточныхъ основаній, все таки несомнѣнно, что Багдадская школа въ IX и X вв. обогатила греческую астрономію многими новыми открытіями и непрерывнымъ рядомъ наблюденій, продолжаемыхъ безъ остановки въ теченіи двухъ столѣтій и дала матеріалъ для новаго, болѣе правильнаго объясненія небесныхъ явленій.

Съ Багдадскою школою въ X вѣкѣ соперничали школа въ Каирѣ. Тамъ прославился

вился ученикъ Абуль-Вефы-Ибн-Юносъ. Тоже самое было и въ другихъ странахъ: въ Испаніи прославился Аверроесъ; Бируни дѣлалъ наблюденія на другой оконечности мусульманскаго міра – въ Хивѣ.

Такимъ образомъ, въ области математики, геометріи и астрономіи заслуги Арабовъ несомнѣнны. Далѣе, они являются занимающимися алхиміею и химіею. Первая, подобно астрологіи, не можетъ быть названа наукой, но важна тѣмъ, что привела къ занятіямъ второю.

Занятія алхиміею съ цѣлью научиться дѣлать золото существовали еще во времена Римской Имперіи, причемъ по этой отрасли было написано много книгъ, сожженныхъ по велѣнію императора Діоклетіана. Арабы стали заниматься этимъ еще при Омайядахъ, въ VIII и IX вв. Первоначальною цѣлью ихъ является тоже искусство дѣлать золото; результатовъ, очевидно, не получилось никакихъ, но всѣ эти занятія не оказались безполезными – они научили Арабовъ обращаться съ металлами и минералами, помогли имъ усвоить техническія привычки и познакомили съ фармаціей. Эта наука долго держалась среди Арабовъ, отъ которыхъ перешло въ Европу множество сочиненій съ алхимическимъ содержаніемъ; отъ Арабовъ имѣемъ мы слова alcool, alcali, elixire, alambick и др. Первыми знаменитыми алхимиками были: 1) Членъ царскаго рода Омайядовъ, принцъ Халидъ-ибнъ-Язидъ, сочиненія котораго не дошли до насъ въ под-

минникъ, но существуютъ отдѣльныя час ти въ переводѣ; 2) Geber (Gâbir-ibn-Chajan), весьма извѣстный трудами въ области естественныхъ наукъ, отъ алхиміи пере шедшій къ химіи, помимо общей цѣли добыванія золота - занимавшійся чисто научными изслѣдованіями; его взгляды гос подствовали почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ; въ его сочиненіяхъ содер- жится много химическихъ свѣдѣній, неиз- вѣстныхъ доселѣ. Онъ зналъ пріемы раз- ложенія и расплавленія и превращенія жидкихъ веществъ въ твердыя, операціи фильтрованія, кристаллизаціи, дистилля ціи точно описываются имъ. Многія хи мическія вещества, какъ-то: сода, алмазъ и т. п. извѣстны ему. Его сочиненія „Summa collectionis complementi secretorum na turae" или „Summa perfectionis magisterii" особенно характерны тѣмъ, что онъ совѣ туетъ точно наблюдать при химическихъ операціяхъ, неуклонно слѣдить за малѣй- шими явленіями процесса, совершающаго- ся передъ глазами. Такимъ образомъ, пе реходя отъ алхиміи къ химіи, къ изслѣ- дованію свойствъ природы, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя изобрѣтенія; такъ, ему при- надлежитъ изобрѣтеніе алкоголя и при готовленіе водки (Lebenswasser), которое при писывается знаменитому врачу Разесу, искусственное приготовленіе льда и т. п.

Въ области медицины Арабы не могли сдѣлать большихъ успѣховъ, ибо са мая религія запрещала имъ заниматься

анатоміей; поэтому они исключительно полагались на классическаго медика Галена, система котораго господствовала въ теченіе среднихъ вѣковъ. Впрочемъ, въ отдѣльныхъ отрасляхъ медицинской науки, какъ напр. въ фармаціи, они сдѣлали нѣкоторые успѣхи; слѣды ихъ занятій этимъ отдѣломъ медицины видны въ нѣкоторыхъ фармацевтическихъ арабскихъ названіяхъ (сиропъ и др.). Они пользовались при этомъ переводами знаменитаго греческаго писателя Иппократа, точно также, какъ и индійскихъ писателей. Большое значеніе въ X вѣкѣ имѣлъ, какъ ученый, лейбмедикъ султана Муктадира — уже извѣстный намъ Разесъ, также какъ и знаменитый <u>Авиценна</u>, составившій энциклопедію медицинскихъ наукъ; его воззрѣнія господствовали въ теченіи почти всей второй половины среднихъ вѣковъ и онъ смѣло можетъ быть названъ арабскимъ Галеномъ. Онъ придавалъ особое значеніе золоту и серебру, какъ лекарственнымъ элементамъ и вѣроятно отъ него ведется обычай золотить пилюли.

Таковы частные факты, свидѣтельствующіе объ успѣхахъ и занятіяхъ точными науками среди арабскаго общества того времени и подтверждающіе восторженный отзывъ Литтре о цвѣтущемъ состояніи арабской цивилизаціи. Прибавимъ, что они изучали кромѣ того логику, философію и т.п., но въ этой области, впрочемъ, ихъ занятія ограничивались перево-

дали неподражаемыхъ образцовъ, оставленныхъ Греками - Аристотеля, Платона и др. Особеннымъ почетомъ изъ тѣхъ наукъ, которыя занимаютъ средину между точными и гуманитарными, пользовалась у нихъ географія; извѣстно какъ они любили путешествовать; даже страны, по тогдашнимъ понятіямъ почти недосягаемыя, какова напр. Россія, видѣли у себя неутомимыхъ путешественниковъ - Арабовъ.

И такъ, утвержденіе, что въ научномъ отношеніи Арабы достигли блестящихъ результатовъ, развили полученныя знанія и являются руководителями Западной Европы совершенно справедливо. Но, какъ мы уже видѣли выше, въ XIII в. западная Европа опережаетъ учителей своихъ, среди которыхъ начинается умственный застой. Чѣмъ же объяснить это?

Литтре, поставивъ вопросъ совершенно ясно и правильно, разрѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ:

Если бы кто захотѣлъ углубиться въ характеръ прошедшаго обѣихъ цивилизацій (христіанской и мусульманской) говоритъ онъ, то быть можетъ увидѣлъ бы, что преждевременное развитіе Востока было опасно и что, наоборотъ, Западъ содержалъ въ зародышѣ значительныя силы развитія. Говорятъ, и не безъ основанія, что каждый изъ насъ наслѣдуетъ извѣстныя психическія состоянія совершенно готовыми и имѣющими существенное вліяніе на наши идеи

и дѣйствія. Это не менье справедливо по отношенію къ народамъ. Прошедшее же Арабовъ имѣло менье протяженія и важности, если сравнить его съ прошедшимъ Запада, продолженнымъ до Грековъ и Римлянъ. Здѣсь лежитъ тайна остановки однихъ и прогресса другихъ.

Такимъ образомъ преданія древности не были искоренены на Западѣ германскимъ завоеваніемъ. Уваженіе къ именамъ Виргилія, Гомера, классическія легенды дѣлали болье близкими для западнаго міра и христіанской цивилизаціи источники древней культуры, — связь между ними была живая и твердая. Хотя, до извѣстной степени, уровень образованія пониженъ былъ благодаря варварскимъ нашествіямъ, но основы его слишкомъ крѣпко хранились въ жизни народовъ Запада и въ этомъ-то заключается преимущество его противъ скоро развившагося, юнаго, но и не имѣвшаго за собою высокихъ классическихъ преданій Востока.

Самый политическій строй Запада, по мнѣнію Литтре, содѣйствовалъ развитію соціальному и умственному; изъ отживающаго феодальнаго строя уже начинаютъ возникать представительныя учрежденія, носившія въ себѣ зерно современной свободы (Etats Généraux, Кортесы, парламенты), тогда какъ Востокъ коснѣлъ въ абсолютномъ режимѣ своихъ халифовъ и султановъ. Ко всему этому присовокупляется, по словамъ философа-позитивиста, еще два слабыхъ пункта, одинъ нравственный, фи-

гой интеллектуальной - полигамія и алфавитъ. Полигамія въ бракѣ есть форма болѣе древняя и болѣе грубая, чѣмъ моногамія. Полигамическое семейство ниже семейства моногамическаго въ смыслѣ жены и дѣтей и этотъ упадокъ отзывается на мужѣ. Въ силу этого, многоженство для человѣчества есть зло, которое очень трудно искупить.

Другой слабый пунктъ, касающійся алфавита, также очень важенъ. Извѣстно, что семитскіе народы не имѣютъ гласныхъ буквъ; это несовершенство письма дѣлаетъ чтеніе затруднительнымъ, иногда неточнымъ и препятствуетъ книгамъ имѣть воспитательное значеніе.

Возрѣніе это несомнѣнно оригинально*), но не совсѣмъ можетъ быть принято на вѣру. Оно, впрочемъ, нѣсколько не сходится даже со словами, раньше высказанными самимъ авторомъ, когда онъ, говоря о томъ, что Арабы могли пользоваться только переводами переводовъ, замѣчаетъ, что это было для нихъ только неудобство, но не препятствіе. При подобномъ возрѣніи невозможно придавать столь важное значеніе алфавиту, который, какъ кажется, не можетъ быть считаемъ причиною упадка арабской культуры. Тѣмъ

*) Впрочемъ, оно принадлежитъ не одному Литтре. Mismer (Soirées de Constantinople, p. 350) говоритъ даже, что это несовершенство чтенія, послужило препятствіемъ для Арабовъ въ томъ смыслѣ, что лишило ихъ возможности быть руководителями научн. движенія.

волье, что и въ цвѣтущее время ея онъ оставался тѣмъ же.

Въ его поясненіи важнѣйшимъ и неоспоримымъ является то, что Западъ имѣлъ за собою дѣйствительно вѣковую связь съ классическимъ преданіемъ, тѣ прочныя, хотя и нѣсколько заглушенныя варварскимъ элементомъ основы знанія, которыхъ такъ недоставало Востоку. Отдѣльно всѣ его указанія вѣрны и основательны, но быть можетъ онъ не вполнѣ послѣдователенъ въ общихъ выводахъ.

Разсмотримъ еще въ краткихъ чертахъ изслѣдованіе русскаго ученаго, проф. Куторги, помѣщенное въ Русскомъ Вѣстникѣ за Мартъ 1873г., гдѣ заслуженный ученый касается того же вопроса.

Статья эта, носящая заглавіе „Наука и ея значеніе въ государствѣ," разсматриваетъ, какова должна быть наука, каково ея значеніе въ государствѣ и при какихъ условіяхъ она можетъ быть благотворной. Онъ настаиваетъ на томъ, что одно внѣшнее усвоеніе чужихъ свѣдѣній есть не благо, а вредъ въ смыслѣ научнаго развитія. Подобное возрѣніе является вслѣдствіе различія, которое онъ дѣлаетъ между свѣдѣніемъ и знаніемъ; по его мнѣнію, свѣдѣнія суть нѣчто отрывочное, не систематичное, удовлетворяющее любопытство; знаніе гораздо выше; оно есть плодъ умственнаго напряженія, долговременнаго труда, посредствомъ котораго отдѣльныя свѣдѣнія приводятся въ стройную систему. Затѣмъ онъ разви-

ваетъ мысль (вполнѣ справедливую) что ни какой народъ не можетъ стоять высоко въ научномъ отношеніи тогда, когда только усваиваетъ чужія свѣдѣнія, не обращаясь къ источникамъ и не доходя до высшей ступени - знанія. Съ точки зрѣнія самостоятельнаго усвоенія научныхъ знаній онъ разсматриваетъ и вопросъ объ Арабской цивилизаціи. Быть можетъ, въ его разсмотрѣніи есть черты несовсѣмъ вѣрныя, но во всякомъ случаѣ его точка зрѣнія должна быть принята въ расчетъ. На нѣсколькихъ примѣрахъ онъ доказываетъ, что заслуги арабской науки преувеличены и что нельзя признать за арабами, что они были одушевлены стремленіемъ къ познанію истины; ибо тогда они не должны были довольствоваться переводами переводовъ, а обратиться къ источникамъ. Какъ противоположность арабскимъ научнымъ занятіямъ онъ выставляетъ западное общество XIV и XV вв. когда, при началѣ умственнаго движенія латинскіе ученые отъ арабскихъ переводовъ классическаго знанія обращаются къ источникамъ. Они не только издавали переводы, но сдѣлали подлинники предметомъ строгаго изученія; они разлагали ихъ на части, провѣряли, выучились языку и ввели это даже въ число предметовъ начальной школьной науки.

Отношеніе Арабовъ къ знанію совершенно не таково. Не лишнее будетъ познакомиться съ тѣми примѣрами, которые

приводитъ авторъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, чтобы понять, что труды арабовъ и въ особенности результаты этихъ трудовъ часто были преувеличены, вѣроятно въ силу недоступности для насъ арабскихъ сочиненій. Оказывается теперь, благодаря переводамъ арабскаго знанія и трудамъ по преимуществу нѣмецкихъ ученыхъ, что то, что прежде казалось высокимъ и величественнымъ, на самомъ дѣлѣ представляется нѣсколько иначе.

Такъ напримѣръ, Аравійскіе ученые перевели математическій трудъ Клавдія Птолемея, пользовавшійся въ древнемъ мірѣ такою, и притомъ весьма справедливою, извѣстностью, что въ византійскую эпоху ему придали титулъ „великаго произведенія", вслѣдствіе чего и самъ Птолемей носилъ имя „великаго астронома", иногда даже „величайшаго". Можно было подумать, что у Аравитянъ астрономія процвѣтала и что они питали глубокое уваженіе къ самому автору, тѣмъ болѣе, что удержали въ заглавіи своего перевода этотъ титулъ, сложивъ изъ него слово Tabrir al magesti, что и сохранилось до сихъ поръ въ названіи Аль-Магистъ. На дѣлѣ замѣчается другое. Процвѣтанія астрономіи вовсе не было и книга Птолемея, не вызвавъ самостоятельнаго разрабатыванія науки, принята была только какъ необходимое пособіе и руководство и послужила, сверхъ того, однимъ къ устройству магометанскаго календаря, другимъ же къ изу-

ченію астрологіи или предсказаній будущаго. Этому мнѣнію противорѣчитъ Седилльо (Sedillot), который, на основаніи незадолго передъ тѣмъ найденнаго отрывка одного арабскаго астрономическаго сочиненія, утверждалъ, что въ X столѣтіи жилъ замѣчательный арабскій астрономъ Абулъ-Веоа, дополнившій и опередившій Птолемея открытіемъ неравенствъ Луны. Седилльо до того увлекъ ученыхъ этимъ извѣстіемъ, что Матье (Mathieu), говоря въ засѣданіи Французской Академіи Наукъ отъ своего имени и отъ имени Араго, сказалъ, „что Аравитяне знали третье неравенство Луны, опредѣленное Абулъ-Веоою въ Багдадѣ, за шесть столѣтій до Тихо-Браге, которому приписывали честь этого открытія". А г. Шаль (Chasles) опираясь на тотъ же самый фактъ, видѣлъ въ немъ доказательство высокаго умственнаго развитія Аравитянъ въ десятомъ вѣкѣ. Но Біо (Biot) опровергъ эти мечты, показавъ ничтожество найденнаго отрывка Абулъ-Веоы и весь призракъ его мнимаго открытія. Съ другой стороны, оріенталистъ Мункъ, хотя и не отрицалъ вѣрности перевода сего отрывка вообще, замѣтилъ однако, что Седилльо придалъ невѣрный смыслъ, правда только одному слову арабскаго астронома, но самому важнѣйшему, именно тому, отъ котораго зависитъ рѣшеніе вопроса. Послѣ всего этого, нельзя не благодарить г. Бертрана (Bertrand), что онъ произнесъ въ этомъ дѣлѣ свое полновѣсное слово и изложилъ этотъ

спорный предметъ, результатомъ которого оказывается, что Абульфа-Вефа былъ только простымъ толкователемъ Птолемея, не присоединивъ къ его труду ничего собственнаго. (Гл. XX, стр. 33-34.)

Таковъ результатъ споровъ. Мы знаемъ уже, что Кремеръ, по отношенію къ научному труду Абуль-Вефы, отнесся нѣсколько поверхностно - онъ зналъ объ этихъ опроверженіяхъ и слегка коснулся ихъ. Впрочемъ, до сихъ поръ еще трудно рѣшить вопросъ о большей или меньшей самостоятельности научныхъ открытій Абуль-Вефы; съ достовѣрностью можно признать, что въ области ученыхъ манипуляцій, во внѣшнихъ пріемахъ изученія онъ сдѣлалъ много новаго и полезнаго. Рѣшенія же вопроса о его самостоятельности въ дѣлѣ научныхъ открытій еще остается ожидать отъ людей, одинаково знакомыхъ и съ математикой и съ арабскимъ языкомъ. Что касается нашихъ специалистовъ-оріенталистовъ, то они также склонны думать, что успѣхи арабскаго знанія часто преувеличиваемы: они были мало самостоятельны, хотя вполнѣ отрицать всякіе успѣхи и новыя открытія невозможно.

Дамы Куторги обращаютъ вниманіе на то, что въ направленіи аравійской ученой литературы усматривается особенность, подлежащая внимательному обсужденію: въ ней преобладали сборники, вѣрнѣе говоря, компиляціи, составленныя

изъ отрывковъ разныхъ иностранныхъ писателей, относящихся къ одному предмету и приводимыхъ въ арабскомъ переводѣ, обыкновенно съ обозначеніемъ авторовъ, изъ коихъ они слагались. Въ этой особенности лежитъ глубокій смыслъ и она сама есть многозначительный историческій фактъ, озаряющій яркимъ свѣтомъ какъ умственное состояніе націи, такъ и послѣдствія, которыя изъ него вытекаютъ. Существованіе подобныхъ трудовъ, предполагающее склонность къ нимъ въ обществѣ, свидѣтельствуетъ или о паденіи, или о совершенномъ отсутствіи самостоятельной умственной дѣятельности въ народѣ. Пока греческая литература процвѣтала, въ ней не было и помысла о сборникахъ; они явились въ то время, когда греческое общество питалось умственными произведеніями прошедшаго, не обладая тою духовною силою, которая создаетъ собственное и самобытное. Такъ и у Римлянъ не было ни Епитоматоровъ (сократителей), ни Бревіаріевъ до эпохи, предшествовавшей паденію Западной Римской Имперіи. Если же ученая литература начинается составленіемъ подобныхъ сборниковъ, извлекаемыхъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, то тѣмъ самымъ преграждается путь къ дальнѣйшему усовершенствованію и какъ бы предсказывается, что наука не водворится и даже не привьется. Благодаря европейскимъ оріенталистамъ, нѣкоторые изъ а-

рабскихъ сборниковъ у насъ теперь передъ глазами, такъ что можно пріобрѣсти вѣрное понятіе объ ученой дѣятельности этого народа. Читая ихъ, невольно приходишь въ изумленіе при видѣ легкомыслія съ какою аравійскіе мудрецы обращались съ предметами учености и съ трудами ученыхъ, которые они перелагали на свой отечественный языкъ. Эти сборники соотвѣтствовали умственному состоянію общества, для котораго составлялись; они не требуютъ ни подготовленія, ни даже напряженнаго чтенія: въ нихъ пріобрѣтаются съ чрезвычайною легкостью самыя разнообразныя свѣдѣнія, но безпредѣльно поверхностныя, а весьма часто столь же ложныя. (Гл. XXI, стр. 34-35.)

Аравитяне занимались, повидимому греческою философіей и знакомились съ эллинскими философами, коихъ часто называютъ и даже приводятъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они какъ будто бы и сами трудились въ этой области знанія, притомъ, судя естественно только по ихъ собственнымъ отзывамъ, съ большимъ успѣхомъ, ибо они превозносятъ похвалами своего мыслителя Аль-Шахрастанія, признавая въ немъ такого же знаменитаго философа, какъ въ Абуль-Вефѣ астронома. Это самохваленіе ввело въ заблужденіе новѣйшихъ ученыхъ, что и оставалось до тѣхъ поръ, пока германскій оріенталистъ г. Гарбрюкеръ не перевелъ на нѣмецкій языкъ всего сочиненія

Ашъ-Шахрастанія и тѣмъ не разсѣялъ тумана, скрывавшаго это привидѣніе. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что мудрецы Аравитянъ, хотя и пользовались трудами греческихъ философовъ, но не для изученія науки философіи, о которой они и не мечтали, а только для пріобрѣтенія большей ловкости въ философствованіи и для увеличенія числа умозрительныхъ изрѣченій и мудрствованій, чѣмъ они гордились и чѣмъ, подобно мудрецамъ древняго Востока, охотно блистали въ своихъ бесѣдахъ. Въ своемъ сочиненіи, обнимающемъ исторію религіи и философіи многихъ народовъ, Ашъ-Шахрастаній посвятилъ значительный отдѣлъ эллинскимъ философамъ и сообщаетъ объ нихъ много подробностей, причисляя къ нимъ не только Плутарха, но и поэта Иліады и Одиссеи. Взявъ въ руки книгу аравійскаго философа, увлекаешься любопытствомъ и приступаешь къ чтенію въ надеждѣ получить новыя свѣдѣнія, или отыскать какое либо новое воззрѣніе, но останавливаешься въ изумленіи, видя предъ собою разсказъ, напоминающій повѣсти Тысячи и одной Ночи. Ашъ-Шахрастаній очевидно пользовался различными византійскими сборниками, и его главнѣйшая цѣль состояла въ доставленіи своимъ соотечественникамъ притчъ или мудрыхъ изрѣченій эллинскихъ мыслителей. Онъ начинаетъ философомъ

Изд. Дабижа.

Гомеромъ и представляетъ въ арабскомъ переводѣ 38 притчъ, заимствованныхъ, говоритъ онъ, изъ его стихотвореній. Г. Наукъ (Nauck) принялъ на себя трудъ повѣрить выписки арабскаго ученаго, и показалъ, что мудрыхъ изреченій Гомера нѣтъ ни въ Иліадѣ, ни въ Одиссеѣ и что они заимствованы почти всѣ изъ сборника, извѣстнаго подъ именемъ „Стихотворныя притчи Менандра. Съ такою добросовѣстностью писалъ Аль-Шахрастаній.

Есть однако часть, хотя не литературы, а письменности, которою Арабы занимались и съ болѣе строгимъ вниманіемъ и съ большимъ усердіемъ, а потому она не лишена достоинства: мы говоримъ о сочиненіяхъ, посвященныхъ земледѣлію. Правда и здѣсь, какъ вездѣ, не открыто до сихъ поръ ничего самостоятельнаго, все ограничивается переводами и сборниками, но по крайней мѣрѣ въ этихъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ подъ ихъ пера, видно болѣе добросовѣстности, чѣмъ въ ихъ разсужденіяхъ о философахъ и о философіи. Г. Клеманъ-Мюлле (Clement-Muller) оказалъ услугу, переведя на французскій языкъ сочиненіе Ибнъ-Аль-Авама, жившаго въ Испаніи, въ Севильѣ, въ XII ст. и оставившаго послѣ себя подобный сборникъ подъ заглавіемъ Китабъ-аль-Феллахъ или Книга Земледѣлія.

Изъ этого, весьма краткаго и бѣглаго очерка можно, кажется, убѣдиться, что

хотя Аравитяне и обнаружили живую воспріимчивость и увлеклись новою для нихъ образованностью, но приняли ее только въ готовыхъ результатахъ, не стараясь ее понять въ самомъ существѣ ея. Этотъ ложный способъ заимствованія чуждыхъ свѣдѣній и погубилъ ихъ. Иностранное осталось у нихъ иностраннымъ; оно служило имъ наружнымъ блескомъ и украшеніемъ, но не проникло въ ихъ собственную духовную дѣятельность, не укрѣпило ихъ ума. Если бы напротивъ Аравитяне начали тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи начали западные Европейцы въ эпоху Возрожденія. Если бы они, вмѣсто переводовъ и собранія мудрыхъ изрѣченій, посвятили себя строгому изученію самого знанія, то нѣтъ сомнѣнія, что Халифатъ стоялъ бы твердо до нашего времени и спасъ бы восточную Европу отъ нашествія Турокъ. Онъ палъ неподдержанный творческимъ могуществомъ науки и оставилъ по себѣ примѣръ того безконечно-высокаго значенія, который имѣетъ въ государствѣ правильный способъ заимствованія иностранной образованности и вѣрное изученіе воспринятаго. (Гл. XXII.)

Выше уже было высказано наше мнѣніе по поводу этого вопроса. Дѣйствительно, нѣкоторыя указанія пр. Куторги должны быть приняты во вниманіе; такъ, несамостоятельность Абуль-Вефы и Абуль-Шахрастанія, точно также, какъ излишнее возвеличеніе успѣховъ математики

уже доказана. Но съ другой стороны въ его разсужденіи есть неполнота; если мы вспомнимъ то, что имѣли изъ другихъ источниковъ — наблюденія арабовъ по астрономіи, ихъ занятія химіею, успѣхи въ географіи, неутомимыя путешествія — то нельзя будетъ сказать, что они вовсе не любили науку, не цѣнили знаніе и не стремились къ нему.

Въ заключеніе скажемъ, что слѣдуетъ признать отчасти то и другое мнѣніе, т. е вышеизложенное мнѣніе русскаго ученаго и мнѣніе Литтре о недостаткѣ корней и связи съ классическою, особенно греческою древностью. Чѣмъ же могла быть возстановлена эта связь и укрѣплены корни? Конечно, обращеніемъ къ источникамъ греческаго знанія, которое состояло въ изученіи эллинскаго языка и твореній въ подлинникѣ, а не въ переводахъ. Трудно, конечно, раньше чѣмъ все это сведено вмѣстѣ, раньше чѣмъ провѣрены данныя арабской науки, рѣшительно высказаться, но полагаемъ, что будемъ близки къ истинѣ, если согласимъ то и другое и признаемъ, что Арабы занимались съ охотою и любовью наукой, познакомили Европу съ нѣкоторыми частными фактами, усвоили и передали извѣстные облегчающіе пріемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы оставимъ за собою и право быть недовѣрчивыми къ слишкомъ восторженнымъ отзывамъ о ихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ: они, конечно, не занимались наукою такъ пристально и

усидчиво, какъ западные ученые въ эпоху Возрожденія. Въ этомъ, быть можетъ, и лежитъ рѣшеніе вопроса о недолговѣчности и неустойчивости Арабской культуры и цивилизаціи.

Разсуждая о причинахъ упадка и непрочности арабской цивилизаціи, Литтре, какъ уже замѣчено выше, отмѣчаетъ полигамію, какъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого. Въ нѣсколькихъ словахъ мы должны остановиться на этомъ вопросѣ.

Многоженство не было введено Магометомъ, но существовало въ Аравіи во время ихъ племеннаго быта; несмотря на то, что Арабы не были въ то время озарены свѣтомъ науки и цивилизаціи, женщина занимала у нихъ несравненно болѣе видное, почетное и высокое мѣсто въ этотъ періодъ, чѣмъ впослѣдствіи. Вообще, полигамія есть явленіе, обычное у семитскихъ народовъ-(припомнимъ древнихъ патріарховъ)-, считавшееся учрежденіемъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ, въ силу того, что у нихъ высоко цѣнилось многочисленное потомство. Кремеръ особенно настаиваетъ на этой мысли. Такъ какъ Арабы жили въ племенномъ быту и между отдѣльными племенами бывали частые раздоры и вражда, то и значеніе каждаго отдѣльнаго племени и сила его не мало зависѣли отъ численнаго превосходства его надъ другими, и съ этой то именно точки зрѣнія полигамія цѣнилась высоко. Въ дру-

гой стороны, эти браки являлись средствомъ дружескихъ и родственныхъ сближеній племенъ между собою.

Въ этомъ первобытномъ арабскомъ обществѣ, съ его племеннымъ соціальнымъ строемъ, особенно сильно было развито чувство племенной, родовой гордости, чувство аристократизма; въ силу этого, несмотря на допущеніе многоженства, обыкновенно бывало, что одна изъ наиболѣе знатныхъ, высокопоставленныхъ по своему рожденію женъ была госпожею и повелительницею дома, занимала не только почетное, но и вполнѣ самостоятельное положеніе, такъ что о гаремномъ заключеніи, закрытіи лица и т. п. не могло быть и рѣчи. Есть напротивъ, нѣкоторыя указанія на то, что арабскія жены до Магомета занимали не только это высокое положеніе, но и пользовались особыми правами по отношенію къ мужьямъ. Слѣды этого почетнаго положенія женщины находимъ мы въ стихотворной и прозаической литературѣ многихъ арабскихъ писателей; нѣкоторые современные ученые видятъ въ этомъ нѣчто похожее на рыцарское отношеніе къ дамѣ (м. проч. и Кремеръ); французскій ученый Fauriel доходитъ даже до того, что первоначальный рыцарскій культъ женщины производитъ отъ Арабовъ. Очевидно, что это преувеличеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что женщина древней Аравіи стоитъ далеко выше въ своемъ семей-

номъ положеніи, чѣмъ женщина халифата. Въ арабской поэзіи дѣйствитель но нерѣдко выводится герой, защищающій женщину при нападеніи враждебныхъ племенъ и получающій за это высокую наг раду.

По арабскимъ народнымъ обычаямъ, женщина имѣла право отвергнуть своего мужа и разстаться съ нимъ по своей лич ной инціативѣ; Магометъ ограничилъ его, какъ увидимъ ниже. Рядомъ съ этимъ обычаемъ, доказывающимъ свободу женщины существовалъ и другой, жестокій обычай умерщвлять новорожденныхъ дѣвочекъ, если прибавленіе женскаго семейства ста новилось тягостнымъ; если вѣрить пре данію, ихъ закапывали живыми въ зем лю.

Не смотря на законодательство Ма гомета и признаніе полигаміи въ Кора нѣ, мы видимъ въ первыя вѣка гедчиры, что женщина занимаетъ еще прежнее вид ное мѣсто и играетъ значительную роль не только въ придворной жизни, но и въ наукѣ. Гордая своимъ положеніемъ и дос тоинствомъ, она еще не соглашалась закрывать себѣ лицо, хотя въ Багдадѣ это уже вводилось въ обычай; но красоту свою она считаетъ печатью Аллаха и не хочетъ скрывать ее.

Но что же внесъ Магометъ новаго въ эти древніе обычаи своей страны? Мы уже сказали, что онъ не только не уничтожилъ полигамію, но призналъ ее

и въ Коранѣ точно опредѣлилъ многія стороны ея. Прежде число женъ было неопредѣлено. Конечно, ихъ едва ли было слишкомъ много, но во всякомъ случаѣ пророкъ сдѣлалъ прямое ограниченіе. Мужчина не можетъ имѣть въ одно время болье четырехъ женъ; но независимо отъ того, въ силу права собственности, онъ можетъ имѣть супружескія сношенія со всѣми своими незамужними рабынями. Если подобная рабыня родитъ дитя, которое господинъ ея признаетъ своимъ, то она вступаетъ въ нѣкотораго рода промежуточное состояніе. Она исключается тѣмъ самымъ изъ торговаго оборота, не можетъ быть болье отчуждаема или закладываема; по смерти господина она становится свободною по закону. Подобная рабыня называется уммуль-веледъ.

Обычай покупать жену, внося за нее мегръ или садакъ (вѣно) существовалъ въ Аравіи и былъ утвержденъ Магометомъ, который опредѣлилъ обязательный взносъ мегра, остававшагося въ собственность жены въ случаѣ развода. Впрочемъ, это вѣно иногда имѣло только символическое значеніе; важно то, что постановлено было обязательное заключеніе брачнаго договора въ присутствіи духовнаго лица и двухъ свидѣтелей.

Коранъ (Сура IV, ст. 23) предписываетъ мусульманамъ хорошее обращеніе съ женами ихъ; мужъ долженъ содержать женъ своихъ сообразно съ ихъ общественнымъ

положенiемъ (Сура II, ст. 233). Подъ именемъ содержанiя разумѣется не только пища, а также и одежда, жилище и прислуга. Если кто имѣетъ болѣе одной жены, то каждая должна имѣть отдѣльный домъ или по крайней мѣрѣ отдѣльное помѣщенiе; но мужъ сохраняетъ право наблюдать за ея выходами и за принимаемыми визитами.

Жена же должна въ свою очередь повиноваться мужу и слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ни пожелалъ отправиться. Если жена непослушна, то мужъ сперва долженъ увѣщевать ее; если это не поможетъ, то слѣдуетъ ее запереть и лишить супружескихъ ласкъ; а въ случаѣ нужды подвергнуть и побоямъ (Кор. IV, 39.), но только съ тѣмъ, чтобы это не переходило въ жестокость.

Права развода точно опредѣлены: женщина не имѣетъ права отвергать своего мужа, развѣ только съ его согласiя. На основанiи Корана различаются четыре случая, когда разводъ необходимъ; между прочимъ интересенъ случай взаимнаго проклятiя и простое отпущенiе со стороны мужа съ сохраненiемъ женѣ ея мегры. Такимъ образомъ по отношенiю къ мужу права расширены.

Легкость развода по мусульманскому праву и частое употребленiе его вѣрующими влiяютъ на семейную жизнь гораздо вреднѣе, чѣмъ многоженство. На Востокѣ легко можно встрѣтить мужчинъ,

которые имѣли послѣдовательно отъ 15-20 женъ, съ которыми они развелись, и жен щинъ, имѣвшихъ съ полдюжины мужей. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что отчужденность, въ которой держали женщинъ до замужества, была причиною того, что знакомство супруговъ другъ съ другомъ становилось невозможнымъ и бракъ являлся бы дѣломъ весьма рискованнымъ, если бы не было надежды на разводъ.

Въ мусульманскомъ правѣ есть кромѣ того множество предписаній, опредѣляющихъ до мельчайшихъ подробностей, какимъ образомъ мужъ долженъ раздѣлять свои ласки между женами такъ, чтобы не возбудить ихъ ревности и сохранить миръ и спокойствіе въ домѣ. Точкою отправленія въ этомъ случаѣ служитъ сура IV, ст. 128 Корана. Такъ напр. запрещается оказывать супружескія ласки одной женѣ въ присутствіи другой; далѣе требуется посѣщать каждую правильно и т. п. (Кор. II, 223.)

Ученые, занимающіеся мусульманскимъ правомъ утверждаютъ, что многоженство получило гибельное значеніе не въ первое столѣтіе геджры, а впослѣдствіи, ибо сначала древнія преданія и обычаи еще крѣпко жили въ обществѣ и женщина сохраняла свое высокое и самостоятельное положеніе, которымъ она была обязана своему аристократическому положенію. Впослѣдствіи, при Омайядахъ,

это преимущество рожденія перестало цѣниться высоко и браки стали заключаться безъ всякаго разбора. Въ Багдадѣ нашлись даже предпріимчивые люди, основавшіе въ нѣкоторомъ родѣ воспитательныя учрежденія; они покупали красивыхъ дѣвушекъ, обучали ихъ музыкѣ, пѣнію, танцамъ и затѣмъ продавали въ гаремы богатыхъ мусульманъ. Когда, такимъ образомъ, въ самихъ нравахъ уничтожилось всякое ограниченіе, когда преданіе о благородствѣ крови, заставлявшее отдавать прежде предпочтеніе одной женѣ предъ другими изчезло, когда жены брались изъ купленныхъ невольницъ, тогда, очевидно, и семейная жизнь приняла совершенно другой характеръ. Замѣтимъ впрочемъ, что если бы даже не было этого, все таки трудно предположить, чтобы полигамическая семья могла сохраниться, не утрачивая своего достоинства и не подрывая положенія женщины. При этомъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее соображеніе: въ государствахъ, принявшихъ Исламъ,- въ Иранѣ, въ Персіи, въ области р. Евфрата, Арабы занимали преобладающее, аристократическое положеніе; при этомъ являлась возможность имѣть большую семью и давать дѣтямъ воспитаніе, которого требовало высокое рожденіе. Утвердившись среди Персовъ и смѣшавшись съ ними, Арабы стали утрачивать древнія преданія, а ко времени правленія династіи Абассидовъ

и совершенно позабыли ихъ - различія между женою, взятою и высокорожденной семьи и купленною рабынею не существовало больше. Последнее ограниченіе для вполнѣ полигамическаго направленія изчезло; „es ging hieraus, говоритъ Кремеръ, ein kraftloses und saftloses Bastardgeschlecht hervor" - не способный продолжать роль своихъ отцевъ; не имѣвшій къ тому ни воли, ни духовной силы. Полигамія выродилась въ чисто-гаремный бытъ, въ господство любовницъ (Maitressenwirtschaft).

Она разрушила всякую благоустроенную семейную жизнь и въ другихъ отношеніяхъ имѣла - самыя гибельныя последствія; изъ нея развился зародышъ смерти, погубившій всѣ мусульманскія государства - не народы, - изъ за которой погибли они и должны были погибнуть. Историческое развитіе, ходъ котораго мы можемъ прослѣдить при всѣхъ восточныхъ дворахъ мусульманскихъ государствъ - вездѣ одинаково, въ Багдадѣ какъ и въ Кордовѣ.

Перенеситесь мыслью въ восточный гаремъ, говоритъ Кремеръ, гдѣ, кромѣ дѣвушекъ, которымъ не ведется счета, подростаетъ 30-40, даже 100 сыновей отъ различныхъ матерей, воспитываемыхъ матерями во взаимной зависти и соперничествѣ. Какой запасъ страстной ненависти и злобы уже собирается, поддерживается и возжигается честолюбивыми и ревнивыми женами. Чѣмъ многочисленные

семья, тѣмъ меньше заботится отецъ о каждомъ отдѣльномъ изъ своихъ дѣтей. Они вырастаютъ подъ гибельнымъ вліяніемъ женщинъ гарема, постоянно раздражаемые и подстрекаемые другъ противъ друга; каждый видитъ въ своемъ братѣ непріятеля, враждебнонастроеннаго соперника. Если одинъ изъ нихъ восходитъ на престолъ, всѣ другіе соединяются противъ него въ одной мысли - низвергнуть его, чтобы самимъ господствовать. Пока законнымъ наслѣдникомъ считался тотъ, которого мать принадлежала къ благородной крови, то существовало по крайней мѣрѣ ограниченіе въ томъ смыслѣ, что всѣ другіе сыновья исключались. Безчисленныя братоубійства, возмущенія и дворцовыя революціи на востокѣ проистекаютъ именно изъ этихъ отношеній. Гибельныя дѣйствія полигаміи, конечно, простираются на все населеніе, но обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ высшихъ классахъ болѣе, чѣмъ въ среднихъ и низшихъ. Нерѣдко тамъ встрѣчаются моногамическія семьи, существуетъ семейная жизнь въ нашемъ смыслѣ слова. Нѣтъ недостатка въ изображеніяхъ мирнаго семейнаго круга, гдѣ господинъ дома и его супруга наслаждаются счастьемъ и радостью, смотря на подростающихъ дѣтей. И теперь на Востокѣ можно встрѣтить семейный обѣдъ, за которымъ соединяются всѣ члены дома, не исключая и дочерей.

Такимъ образомъ, гибельное начало

униженія женщины въ семьѣ и общес́твѣ сдѣлало невозможнымъ правильное воспитаніе дѣтей. Съ особенною силою обнаружилось оно тогда, когда господствующая роль въ исламѣ досталась грубому Турецкому племени. Замѣчательно все же, что въ первый періодъ исламизма, которымъ мы занимаемся, встрѣчаются еще женщины, занимающія самостоятельное положеніе и ищущія въ наукѣ, подобно тому, какъ это было въ Западной Европѣ, выходъ изъ неудовлетворявшей ихъ семейной жизни. Такъ Шогда (Shokda) - „гордость женъ" слушала лекціи профессоровъ, сама пріобрѣла титулъ профессора и въ большой багдадской мечети держала чтенія. Извѣстная намъ Рабія предавалась религіознымъ и мистическимъ занятіямъ, ища въ нихъ утѣшенія и отрады. Во второмъ и третьемъ столѣтіи гедферы такіе примѣры рѣже; женщинамъ остается одно занятіе - поэзія; появляются женщины - поэты, напоминающія собою древнихъ составительницъ сатиръ на пророка и заслужившія особую память въ исторіи; такъ, дочь халифа Аль-Мамуна и одной рабыни, сестра Гаруна-аль-Рашида отличалась большимъ поэтическимъ талантомъ и не меньше большими познаніями. Въ Испанскомъ халифатѣ еще долго держалось это направленіе; особенно прославилась тамъ умершая въ 1087 г. своимъ выдающимся поэтическимъ талантомъ и боль-

нымъ образомъ жизни Оладжа.
Такимъ образомъ очевидно, что дѣло идетъ къ упадку, а не къ прогрессу и развитію — уровень, на которомъ стояла женщина въ семейной и общественной жизни, понижается.

Намъ слѣдуетъ теперь сдѣлать краткій политическій обзоръ вновь возникшаго мусульманскаго государства и познакомиться съ тѣми династіями, которыя являются преемниками Магомета на престолѣ халифата. Точкою отправленія для насъ будетъ развитіе института и политической идеи мусульманскаго міра — идеи совмѣстнаго духовнаго и свѣтскаго верховенства.

Во главѣ мусульманскаго теократическаго государства, согласно съ его происхожденіемъ, долженъ стоять одинъ государь, который носитъ титулъ имама или самодержца и который считается преемникомъ (халифомъ) Магомета, какъ намѣстникъ и представитель Аллаха на землѣ. Извѣстно, что Магометъ основывалъ власть свою на томъ, что онъ — непосредственный посланникъ Аллаха; власть его имѣла божественный, духовный и политическій характеръ. Точно также преемники Магомета (калифы) суть представители Аллаха, провозвѣстники его воли и съ другой стороны имама, т. е. самодержцы. Такимъ об=

разомъ халифъ есть одновременно т.к. сказ. папа и императоръ и то, что на Западѣ было предметомъ долгихъ стремленій, на Востокѣ было достигнуто сразу.

Для яснаго представленія слѣдуетъ имѣть въ виду, что теократія вообще, а мусульманская въ особенности, строго говоря, не можетъ представляться иначе, какъ въ видѣ всемірнаго господства или, по крайней мѣрѣ, какъ господство надъ массою вѣрующихъ; поэтому современная раздробленность мусульманскаго міра на множество независимыхъ и самодержавныхъ государствъ собственно незаконно. Всѣ вѣрующіе, согласно Корану, должны имѣть одного главу, одного Эмира-л-муминина (повелитель вѣрующихъ), который въ господствѣ своемъ ограниченъ только закономъ, истекшимъ отъ Аллаха и только предъ нимъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Онъ долженъ происходить изъ того же арабскаго рода, какъ и пророкъ, т.е. изъ рода Корейшитовъ, а лучше всего, когда онъ происходитъ отъ самого пророка или одного изъ членовъ его семьи.

Такими властителями вѣрующихъ и средоточіемъ ислама были халифы, которые въ теченіи шести вѣковъ правили въ Дамаскѣ, а затѣмъ въ Багдадѣ. Хотя, время отъ времени, нѣкоторыя части ихъ обширной имперіи, основанной въ эти вѣка, отпадали

и хотя всѣ почти ихъ намѣстники постепенно сдѣлались независимыми, но халифы сохраняли юридически въ мірскихъ и особенно духовныхъ дѣлахъ прежнее главенство. Въ дѣлахъ свѣтскихъ они скоро были ограничены визирями и султанатомъ, но въ дѣлахъ духовныхъ вліяніе ихъ сохранялось до 1258 г. (603 г. геджр.) когда Багдадъ взятъ былъ Монголами и убитъ послѣдній халифъ. Но одинъ изъ послѣднихъ Аббасидовъ спасся и удалился въ Египетъ, гдѣ онъ и его преемники были признаны главою религіи, -имамами, ради политическихъ соображеній, но безъ всякой свѣтской власти. Послѣ завоеванія Египта, турецкій султанъ Селимъ взялъ съ собою послѣдняго халифа въ Константинополь и заставилъ его отказаться отъ своего духовнаго достоинства въ пользу государей турецкаго султаната. Въ этомъ званіи турецкій султанъ признается не только своими подданными, но и большею частью суннитовъ; отсюда и притязанія султана на духовное господство среди всѣхъ правовѣрныхъ, отсюда и треволненія европейской политики по поводу идеи турецкаго халифата, т. е. возможности со стороны султана потребовать подчиненія со стороны мусульманъ Африки, Алжира, Ост-Индіи, Египта, и объявить мусульманскую оборонительную духовную войну. Очевидно, впрочемъ, что эти притязанія не

Изд. Абдулина

могутъ считаться вполнѣ основательны ми, хотя долгое время они и служили связью для всего обширнаго мусульманскаго міра.

Три первые преемника пророка-халифы Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ были избраны въ это достоинство болье или менье по общему желанію вѣрующихъ; во всякомъ случаѣ избраніе ихъ было признано окончательно большинствомъ вѣрующихъ. Но когда послѣдній изъ нихъ былъ убитъ въ Мединѣ въ 656 г. то произошелъ извѣстный споръ и борьба за халифатъ между Аліемъ, который основывалъ свои притязанія главнымъ образомъ на своемъ бракѣ съ Фатимою, дочерью Магомета и Моавіей, правителемъ Сиріи и ближайшимъ родственникомъ убитаго халифа. Борьба кончилась въ 661 г. убіеніемъ Алія и признаніемъ Моавіи халифомъ въ большей части областей. Но отсюда ведетъ начало большое раздѣленіе мусульманскаго міра. Жители Персіи или Ирака, которые изъ ненависти къ Сирійцамъ большею частью приняли сторону Али, даже послѣ его смерти оставались враждебны къ династіи, одержившей верхъ; сыновья Али - Гассанъ и Гуссейнъ находили преимущественно среди нихъ поддержку въ своихъ попыткахъ захвата власти. Гассанъ скорѣе убѣдился въ безполезности споровъ и примирился съ Моавіей; остатокъ своей жизни онъ провелъ съ одной стороны въ религіозныхъ упражне-

ніяхъ, съ другой — среди гарема, который онъ могъ имѣть по своему богатству въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Гуссейнъ сопротивлялся до 683 года, когда былъ убитъ въ сраженіи при Кербелѣ.

Хотя Персы приняли Исламъ, но не находя въ прозаическомъ его содержаніи и культѣ удовлетворенія для своего духа, болѣе склоннаго къ мистицизму; они нашли въ смерти Али и его сыновей поводъ къ полному удовлетворенію этой склонности и дали начало сектѣ шіитовъ. Большинство ихъ не только не признавало власти Моавіи, но даже сами утверждать, что Али долженъ былъ непосредственно наслѣдовать Магомету, и что Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ были просто узурпаторы. Ученіе объ имамахъ приняло у нихъ мистическую окраску; Али, Гассанъ и Гуссейнъ почитаются не какъ князья, а вмѣстѣ съ Фатимою какъ святые; это почитаніе доходитъ до того, что отодвигаетъ самого Магомета на второй планъ. Потомки Али въ прямой мужской линіи, хотя лишенные свѣтской власти, признаются шіитами настоящими имамами, и послѣдній изъ нихъ, по ихъ мнѣнію, не умеръ, а продолжаетъ жить невидимо въ настоящее время, пока не явится, какъ Мегдія (=Мессія) при кончинѣ міра и положитъ основаніе имперіи, имѣющей продолжаться тысячу лѣтъ. Это ожиданіе было такъ живуче среди Персовъ и въ особенности послѣдо-

вателей Шиитскаго толка, что являлись многіе самозванные Мегдіи, легко увлекавшіе за собою толпу и производившіе смуты. Очевидно, что подобные представленія въ значительной степени уклоняются отъ первоначальной догмы Корана. Такимъ образомъ, идея халифата послужила причиною и соединенія, и одновременно глубокаго внутренняго раздѣленія въ мусульманскомъ мірѣ.

Господство династіи Омайядовъ продолжалось отъ 661-750г. Центромъ государственной жизни сдѣлался Дамаскъ въ Сиріи. Главною чертою этого періода гедьіры является превращеніе арабской простоты эмирана въ пышную восточную деспотію и усвоеніе восточной роскоши побѣдоносною расою; вмѣстѣ съ тѣмъ новое государство усвоило отъ побѣжденныхъ образованіе и культуру. При Омайядахъ появляются богатые города, процвѣтаетъ земледѣліе, торговля и промыслы; искусства, науки и литература достигаютъ значительной высоты. Резиденція перенесена Моавіей въ Дамаскъ ради того, что онъ именно въ Сиріи имѣлъ наибольшее число приверженцевъ; съ другой стороны, усвоенный имъ образъ жизни не могъ нравиться Арабамъ-Бедуинамъ, привыкшимъ къ простотѣ своей прежней племенной жизни.

Главныя завоеванія мусульманъ были сдѣланы уже раньше (до гор. Атласа на западѣ и до Ост-Индіи на вост.) и от-

ношенія къ подвъ[р]женнымъ опредълены Омаромъ; при этомъ распространеніи халифата пострадали прежніе центры Арабской жизни — Мекка и Медина, разрушенныя безъ всякаго уваженія къ святынѣ воюющими сторонами.

Омайяды продолжали завоеванія. Уже Амру при Османѣ присоединилъ Берберовъ Нумидійцевъ (до гор. Атласа), отчасти покоривъ ихъ силою оружія, отчасти присоединивъ къ новой религіи. При Моавіи въ сѣверной Африкѣ занятъ оазисъ Орецанъ и основанъ городъ Каирванъ, средоточіе караванныхъ путей. Тогда же начинается и движеніе на Константинополь, продолжавшееся съ перерывами въ теченіи девяти лѣтъ, (669—676 г.) но не приведшее, впрочемъ, къ особенно благопріятнымъ результатамъ. Вообще, завоеванія въ греческую сторону не выходили за предѣлы малоазійскаго полуострова; Сирія съ гор. Дамаскомъ, Алеппо, Антіохія на Оронтѣ, пров. Киликія и др. — вотъ первоначальныя пріобрѣтенія Арабовъ на Западѣ; на Востокѣ они дошли до Арменіи. При Омайядахъ слѣдовало ожидать, что движеніе направится далѣе за гор. Тавръ въ Малую Азію. Случилось, однако, совершенно наоборотъ; въ Малой Азіи не было сдѣлано никакихъ новыхъ пріобрѣтеній; гроза направилась къ столицѣ имперіи — Константинополю. Благодаря удобнымъ пунктамъ для мореплаванія,

у Омайядовъ является флотъ, причемъ совершенно оставляется въ сторонѣ перво начальное мнѣніе, будто-бы строить ко рабли и вообще заниматься морскимъ дѣломъ противно повелѣніямъ Корана. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что не столько сами Арабы пускались въ море, сколько подчиненныя имъ теперь береговыя племена. Тогда-то взять былъ островъ Кипръ и, какъ сказано выше, съ 669 г. начи наются попытки овладѣть Константи нополемъ. Каждый годъ арабскій флотъ является подъ стѣнами византійской столицы и наводитъ страхъ на жите лей. Успѣхъ, впрочемъ, не сопровождалъ экс педицію Арабовъ; съ одной стороны Грече скій огонь много вредилъ ихъ флоту, съ другой-возстаніе христіанъ въ ущельяхъ Ливана (теп. Марониты) заставило ихъ отступить. Такимъ образомъ, это нас тупательное движеніе не дало успѣшныхъ результатовъ; съ другой стороны, дѣло пошло даже назадъ: въ концѣ столѣтія Берберы Африки возстали подъ предво дительствомъ женщины-Даміи, соеди нились въ одномъ общемъ движеніи и успѣли нанести значительный вредъ му сульманамъ. Сдѣлавшись самостоятель ными, они, впрочемъ, не щадили и граби ли береговыя области до 697 г. когда ха лифъ Абдаль-Маликъ послалъ знамени таго предводителя Музу, огнемъ и мечемъ истребившаго все, что сопротивлялось ему и дошедшаго до Атлантическаго Океана.

Господство мусульманъ было утверждено на всемъ северномъ берегу Африки; явился мусульманскій магрѣбъ - западъ и нарѣчіе магребинское - западное. Отсюда недалекъ былъ переходъ въ Испанію, куда въ 711 году действительно и перешелъ мусульманскій вождь Тарикъ, положившій конецъ Вест-Готскому государству послѣ одной побѣды. Внутренніе раздоры, борьба за избраніе королей ослабили уже давно имперію Вест-готовъ; среди нихъ нашлись измѣнники и вся Испанія легко подпала въ руки Мавровъ. Послѣ этого удачнаго шага на Европейскомъ материкѣ, мусульмане чрезъ Пиренеи перешли въ Галлію, но въ 732 году ихъ успѣхи были остановлены Карломъ Мартеломъ побѣдившимъ опаснаго врага въ славной битвѣ на равнинахъ Пуатье. Почти одновременно съ этимъ движеніе Арабовъ на Востокѣ было задержано военными успѣхами Льва Исавра.

Такимъ образомъ пріобрѣтенія на Западѣ были довольно велики. На Востокѣ мусульмане подчинили себѣ Ост-Индію до нынѣшняго Сетледжа и весь Туркестанъ, словомъ, владѣнія мусульманъ распространялись теперь весьма широко и обнимали собою болѣе 300.000 квадратныхъ миль.

Съ 750 года носителями халифата, вмѣсто дома Моавіи, является новая династія, Аббасиды (по дон. Абулъ-Аббаса) связывающая себя съ Али и, съ-

довательно, являющаяся представительницей интересовъ Шiитовъ. Династiя эта, достигшая власти кровавымъ переворотомъ, во время котораго убито было 90 человѣкъ изъ дома Омайядовъ, получила имя свое отъ перваго халифа изъ этого дома - Абулъ-Аббаса. Отъ этой кровавой рѣзни спасся только одинъ изъ членовъ прежняго царствующаго дома - Абдеррахманъ, по сѣверному берегу Африки пробравшiйся въ Испанiю и основавшiй тамъ самостоятельный Омайядскiй кордовскiй халифатъ. Это былъ первый фактъ раздвоенiя огромной мусульманской монархiи.

Казалось бы, что вступленiе на престолъ Абулъ-Аббаса (750-754) какъ единомышленника Шiитовъ, должно было повести и къ внутреннимъ раздорамъ въ халифатѣ; но, по политическимъ или инымъ какимъ-либо причинамъ, новый халифъ призналъ Сунну и религiозныхъ раздоровъ не произошло. Первые Аббасиды являются вмѣстѣ съ тѣмъ установителями и проводниками принципа полнаго деспотизма, самодержавнаго монархическаго начала, въ лицѣ визиря, облеченнаго безконтрольною властью.

Извѣстно, какъ далеко простирались владѣнiя халифата и какъ трудно было вслѣдствiе этого управленiе мусульманской монархiей для одного лица, не имѣвшаго, притомъ же, никакой политической системы. Коранъ, источникъ

всякой мудрости, не содержалъ въ себѣ никакихъ указаній на это; онъ давалъ еще нѣкоторые основные принципы власти духовной, предоставляя вырабатывать политическія начала преемникамъ основателя новой религіи. Выработать эти принципы было особенно трудно на Востокѣ, и Омайяды не достигли этого. До сихъ поръ вся система управленія зависѣла отъ личной воли халифа, дававшаго полномочія отдѣльнымъ военнымъ предводителямъ, начальникамъ колѣнъ, которые въ сущности и вели дѣло управленія. При Аббасидахъ дѣло, очевидно, должно было измѣнится; они не могли, подобно Омайядамъ, довѣрять отдѣльнымъ арабскимъ вождямъ, болѣе сочувствовавшимъ предыдущей династіи и державшимся иного религіознаго толка, чѣмъ новые халифы. Аббасиды опираются не на Арабовъ, а на Персовъ, на населеніе обоихъ Ираковъ, мѣстности между Тигромъ и Евфратомъ и восточные отъ этихъ рѣкъ; на населеніе, которое само съ надеждою смотрѣло на новую династію. Сообразно съ этимъ и столица была перенесена Аббасидами въ Багдадъ, центръ Персидскаго населенія. Все это означало вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество Персидскаго элемента надъ Арабскимъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что Арабы, отстраненные отъ политической жизни, удаляются на свой полуостровъ и тамъ ведутъ по прежнему жизнь Бедуиновъ, разрабатываютъ религіозныя секты, и чередка возбуждаютъ волненія

въ мусульманскомъ мірѣ.

Аббасиды начинаютъ вырабатывать новую систему управленія, сообразно съ необходимостью - систему визирата. Визирь является уполномоченнымъ халифомъ, самодержавнымъ правителемъ. Съ начала должность эта досталась фамиліи Бармекидовъ, изъ среды которой халифъ Абулъ-Аббасъ избралъ перваго визиря Халида; званіе визиря сдѣлалось наслѣдственнымъ въ этомъ семействѣ до тѣхъ поръ, пока это не оказалось неудобнымъ для самихъ халифовъ. Даже знаменитый Гарунъ-аль-Рашидъ, прославившійся своимъ мягкосердечіемъ и справедливостью, запятналъ себя истребленіемъ и преслѣдованіемъ этой фамиліи визирей, сознавая всю опасность, которая грозила власти самого халифа отъ могущества этихъ намѣстниковъ.

Такимъ образомъ и система визирата оказалась неудобною: требовалась, очевидно, система стройной централизаціи, но Аббасиды, точно также какъ и Омайяды, не съумѣли создать ее на основаніи Корана.

При преемникахъ Абулъ-Аббаса - Алмансуръ 754-775, Магометъ I Магади 775-785 и Гарунъ-аль-Рашидъ 786-809 является другое направленіе: получаютъ особенно важное значеніе и силу правители отдѣльныхъ провинцій (конецъ VIII и начало IX вѣка) и образуютъ самостоятельныя династіи. Династіи

эти возникаютъ отчасти изъ мѣстныхъ элементовъ, изъ выдающихся мѣстныхъ фамилій въ покоренныхъ областяхъ, иногда же родоначальниками ихъ являются правители, назначаемые самимъ халифомъ, нерѣдко даже изъ рабовъ. Правители эти стремились къ самостоятельности и достигали ее обыкновенно въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, и подчиненные de jure халифу, de facto совершенно не признавали его власти.

Параллельно шло другое явленіе: вслѣдствіе религіозныхъ споровъ и разницы двухъ толковъ среди подданныхъ, халифы Аббасидскаго дома и преимущественно Гарунъ-аль-Рашидъ нашли необходимымъ создать изъ среды Персовъ охранную гвардію. Здѣсь впервые является то племя, которому впослѣдствіи суждено было быть представителями исламизма — Турки, жившіе на югѣ отъ Каспійскаго и Аральскаго морей, въ нынѣшнемъ Туркестанѣ. Вожди этого племени, начальники охранной дружины халифовъ пріобрѣли огромное значеніе и когда Аббасиды послѣ Гаруна-аль-Рашида начали быстро вырождаться, эти вожди захватили въ свои руки все управленіе дѣлами халифата, что, конечно, должно было возбудить соперничество въ областныхъ правительскихъ династіяхъ.

Такимъ образомъ въ концѣ VIII и началѣ IX в. возникаютъ параллельно эти два новыя явленія: турецкая гвар-

дія и возвышеніе областныхъ правителей; государствомъ управляютъ по большей части не халифы, а Турки или Арабы, причемъ различныя династіи соперничаютъ между собою. Эти новыя династіи имѣютъ особенно важное значеніе, ибо онѣ являются болѣе всего распространителями и утвердителями Ислама въ различныхъ мѣстностяхъ, съ принаровленіемъ его къ требованіямъ національностей, среди которыхъ онѣ утверждаютъ и мусульманскую цивилизацію. Ихъ можно сравнить съ русскими удѣльно-вѣчевыми князьями, которые точно также представляются распространителями христіанства и способствуютъ къ ассимиляціи славянской культурѣ населенія ихъ удѣловъ; раздробленность Руси древняго періода ея исторіи положила начало единой Россіи нашего времени. Точно такимъ же образомъ и эти отдѣльныя мусульманскія династіи, служа съ одной стороны, къ раздробленію халифата, съ другой положили начало утвержденію единой мусульманской вѣры и цивилизаціи въ подчиненныхъ имъ областяхъ восточнаго міра.

Изъ этихъ династій, весьма многочисленныхъ, отмѣтимъ династію Буидовъ, владѣвшихъ Иракомъ Персидскимъ (нынѣшнею Персіей) со столицею Испаганъ, имѣвшихъ продолжительное и блестящее существованіе, при дворѣ кото-

расъ жили и дѣйствовали многіе представители Персидской науки и поэзіи. Они достигли и званія эмиръ-аль-умара (emîr-al-umarâ) т. е. князя князей, начальника охранной стражи халифа.

Въ нынѣшнемъ Афганистанѣ и Туркестанѣ до Яксарта (Сыръ-Дарьи) господствовала другая династія Саманидовъ, происходившая отъ незначительнаго невольника-Турка.

Въ Африкѣ возвысилась династія Фатимидовъ, производившая себя отъ дочери пророка и стоявшая во враждѣ съ Абасидами. Центромъ ея былъ Египетъ.

Замѣтимъ еще Зейридовъ и Аглабидовъ въ сѣверной Африкѣ, Омайядовъ, потомковъ Абдеррахмана въ Испаніи и др.

Не менѣе важны еще Хамданиды въ Сиріи, имѣвшіе столицею своею Алеппо, сильные и могущественные, но тѣмъ не менѣе признававшіе власть халифа. Они играютъ важную роль въ борьбѣ съ Византійскими императорами Никифоромъ Фокой, Цимисхіемъ, Василіемъ II и не менѣе того значительную роль въ дѣлѣ распространенія арабской науки и просвѣщенія.

Другое важное явленіе эпохи Абасидовъ - это борьба съ христіанскимъ міромъ. На подробностяхъ ея нѣтъ необходимости останавливаться. Замѣтимъ

только, что во все время правленія Аббасидовъ (VIII, IX и X вв) борьба эта идетъ почти въ одномъ пунктѣ.

Аббасиды не сдѣлали особеннаго успѣха въ борьбѣ съ христіанскимъ міромъ. Границею между ними по прежнему оставались Киликійскіе проходы, горы Тавръ и отроги ихъ по направленію къ Евфрату. За Евфратомъ, по направленію къ теперешнимъ россійскимъ закавказскимъ владѣніямъ оставались независимыя Грузинское и Армянское государства, признававшія авторитетъ Византіи. Важныхъ пріобрѣтеній не было такимъ образомъ сдѣлано во времена Аббасидовъ, хотя къ эпохѣ Гаруна-аль-Рашида относится довольно важный походъ. Онъ дошелъ съ войскомъ своимъ до Скутари, но даже и этотъ походъ не далъ важныхъ результатовъ. Халифъ увелъ только много плѣнныхъ, за которыхъ получилъ потомъ богатый выкупъ и ограничился тѣмъ, что писалъ грозныя посланія къ императрицѣ Византійской Иринѣ. Походъ его сравниваютъ даже съ коммерческой операціей, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что войско его оставило послѣ себя и другіе слѣды, въ видѣ разрушенныхъ городовъ, взятыхъ крѣпостей и т. п. Въ сущности, походъ имѣлъ, какъ уже замѣчено выше, только временное значеніе и Византійская держава въ X вѣкѣ имѣла по прежнему важныя точки опоры въ Малой Азіи. Борьба шла и на Евфратѣ и здѣсь въ ней уча-

ствовали элементы Армянскій и Грузинскій. Съ той и другой изъ враждующихъ сторонъ явилось нѣчто въ родѣ казачества. Учреждены были военныя поселенія, въ родѣ знаменитыхъ акритовъ, горныхъ жителей, которые должны были стеречь Византійскія владѣнія на вершинахъ горъ и изрѣдка дѣлать нападенія на непріятеля. Слѣды этого остались въ Греческой народной поэзіи, гдѣ преимущественно воспѣваются подвиги этихъ акритовъ, этихъ передовыхъ греческихъ бойцовъ съ мусульманскимъ міромъ.

Одинъ разъ, впрочемъ, борьба перешла въ наступательное движеніе со стороны Византіи; мы имѣемъ въ виду походы Никифора Фоки и Цимисхія на Сирію. Эти два знаменитые императора, хотя и не принадлежавшіе къ Македонскому дому, успѣли поднять силу Византійскаго оружія и могли даже пытаться предпринять возвращеніе Сиріи. Ихъ походы были прелюдіей къ крестовымъ походамъ и если это названіе должно производить отъ слова крестъ, то имъ можно смѣло присвоить его, ибо дружины ихъ шли подъ знаменіемъ креста.

Мы не будемъ говорить о значеніи династіи Аббасидовъ по отношенію къ просвѣщенію, ибо успѣхи арабской цивилизаціи были разсмотрѣны нами въ другой связи. Перейдемъ прямо къ новому направленію въ мусульманскомъ мірѣ — появленію Турокъ-Сельджуковъ.

Успѣхи, которые христіанскій міръ одержалъ надъ мусульманскимъ при Цимисхіи и Фокѣ отчасти были остановлены тѣмъ, что при Василіи II начинаются смуты въ Византійской имперіи, а отчасти и тѣмъ, что на смѣну отживающей Аббасидской династіи являются Турки-Сельджуки. Уже давно играютъ они роль въ исторіи ислама, ибо, какъ извѣстно, вожди охранной стражи избираются изъ среды ихъ. Теперь, впрочемъ, они появляются нѣсколько въ другомъ видѣ — цѣлое племя Турокъ переходитъ за Оксъ, въ предѣлы халифата; представители ихъ дѣлаются султанами и получаютъ званіе главныхъ военныхъ вождей. Если признать за Исламомъ универсальное значеніе, то оно выразилось именно въ томъ, что исламъ покорилъ себѣ Турецкое племя, не принадлежавшее даже къ арійской семьѣ народовъ. Племя это, жившее по преимуществу между Оксомъ и Яксартомъ, въ теперешнемъ Мервѣ и Туркестанѣ, познакомилось съ мусульманствомъ раньше X вѣка. Здѣсь, впрочемъ, идетъ дѣло о наиболѣе западномъ Турецкомъ племени Огузовъ или Гузовъ, находившихся въ ближайшемъ родствѣ съ Узами, извѣстными и въ Русской Исторіи, родичами Торковъ, Печенѣговъ и Половцевъ. Среди этихъ то Огузовъ и началось движеніе. Въ концѣ X вѣка они подвигаются за Оксъ и утверждаются въ Бухарѣ, гдѣ уже была

Арійско-мусульманская цивилизація. Среди нихъ одно племя — Сельджуки — получаетъ преобладающее значеніе. Въ сущности, это не есть имя цѣлаго племени, а только одного лица, одной фамиліи. Сельджукъ и родственники его, среди которыхъ замѣчателенъ Тогрильбекъ, сдѣлавшись вождями племени Узовъ или Огузовъ, дали имя свое и всему племени. Нужно имѣть въ виду родство этихъ Турокъ съ Половцами и Печенѣгами, ибо, какъ окажется впослѣдствіи, подвигаясь къ Дарданелламъ и Геллеспонту, они сами вспомнили это родство и подали Половцамъ руку сближенія и помощи.

Изд. Я. Бабкина

Раньше, чѣмъ мы обратимся къ этому большому столкновенію Западнаго міра съ Восточнымъ, которое произошло въ концѣ XI вѣка и которое носитъ имя Перваго крестоваго похода, намъ должно сдѣлать хотя краткое обозрѣніе состоянія Византійской имперіи въ эту эпоху, точно также, какъ и положенія дѣлъ на Западѣ Европы, ибо только тогда съ достаточною ясностью выступитъ предъ нами рѣзкая противоположность, существовавшая между мірами мусульманскимъ и христіанскимъ и неизбѣжность столкновенія ихъ.

Что касается Византіи, то въ разсмотрѣніи исторіи ея мы останови-

лись на времени Василія II Болгаробойцы, т.е. на первой четверти XI вѣка. Вѣкъ этотъ является для Восточной Римской Имперіи временемъ борьбы и опасностей внѣшнихъ и внутреннихъ. Обезсиленная раздорами внутри себя, частою смѣной императоровъ, дворцовыми революціями, она одновременно должна вести двѣ внѣшнія борьбы: съ Востока угрожаютъ ей Турки Сельджуки въ ея Азіатскихъ владѣніяхъ, Куманы или Половцы въ Европейскихъ, съ Запада — нашествія Норманновъ, отъ которыхъ она должна отстаивать свои владѣнія въ южной Италіи.

Къ этому-то послѣднему пункту, [illegible] къ разсмотрѣнію хода Норманнскаго завоеванія, мы и обратимся теперь, ибо герои его являются вмѣстѣ съ тѣмъ и вождями крестоваго ополченія.

Первое появленіе Норманновъ, основавшихъ въ Италіи королевство Неаполитанское, относится къ половинѣ X в. Извѣстно, что южная Италія осталась въ рукахъ Римской Имперіи вслѣдствіе того, что Лангобардское завоеваніе не дошло до нея. Усилія Ліутпранда, Аистульфа и даже Каролинговъ не шли далѣе Рима и герцогства Беневентскаго, принадлежавшаго Лангобардамъ. Югъ Италіи, Апулія и Калабрія съ значительными городами Отранто, Бари, [illegible], Реджіо и др. въ теченіе всѣхъ [illegible] вѣковъ до XI вѣка оставалась

областью Восточной Имперіи, областью греческой. Языкъ, которымъ говорило населеніе, былъ греческій; слѣды его остались до сихъ поръ въ греческихъ говорахъ Апуліи и Калабріи; населеніе этихъ мѣстностей пѣло греческія пѣсни, имѣло греческія эпическія преданія. Ученые прежняго времени, стараясь объяснить себѣ, откуда въ южной Италіи, недалеко отъ Рима, это господство греческаго языка, приводили этотъ фактъ въ связь съ древнѣйшей исторіей полуострова и говорили, что это слѣды того времени, когда южная Италія называлась Великой Греціей и была заселена колоніями, выведенными изъ Греціи. Такимъ образомъ, по этой теоріи въ южной Италіи предполагается непрерывное существованіе греческаго языка и культуры. Но здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, на который теорія эта не въ состояніи дать отвѣта, а именно, почему Римъ, вліявшій на гораздо болѣе отдаленныя мѣстности, въ цвѣтущее время своей исторіи не утвердилъ здѣсь, вблизи себя, господство своего языка и культуры? Теперешніе Италіанскіе ученые[x)], отвергая предъидущую теорію, связываютъ фактъ преобладанія Греческаго языка на югѣ Италіи съ греческою колонизаціей этой части страны во время Византійскихъ императоровъ-иконоборцевъ. Почитатели иконъ, преслѣдуемые на своей родинѣ, въ огромномъ количествѣ бѣжали въ Италію

---

x) Компаретти, Морози и др.

и заселяли южную оконечность ея. Многочисленныя преданія объ иконахъ, принесенныхъ сюда на волнахъ моря, доказываютъ справедливость подобнаго предположенія. Колонизація, начатая Греками при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣятельно продолжается и впослѣдствіи. Василій I и Василій II стараются сохранить эти новыя владѣнія Византійской короны и посылаютъ туда своихъ катапановъ (кача пан - верховный военный начальникъ) и свои войска, состоявшія сначала изъ грековъ, потомъ изъ наемниковъ. Въ числѣ этого наемнаго войска, при помощи котораго Византія, какъ увидимъ ниже, борется съ Норманнами, мы встрѣчаемъ и Русскихъ.

Весьма любопытнымъ является этотъ фактъ, что безжизненная и слабая Византія распространяетъ все же свой языкъ и свое вліяніе въ Италіи.*) Это представляется особенно важнымъ для нея, ибо, кромѣ непосредственнаго владѣнія Апуліей и Калабріей, оно даетъ ей возможность попытаться распространить свою власть и далѣе въ глубь полуострова.

Во то время прежнее Беневентское

---

*) И здѣсь, впрочемъ, ей приходится столкнуться съ мусульманскимъ міромъ въ образѣ династіи Зеиридовъ, утвердившихся въ Сициліи, которую они отняли отъ Грековъ. Сдѣлавшись сосѣдями Греческихъ италіанскихъ владѣній, они нерѣдко грозили имъ нападеніями, но преимущественно морскими.

герцогство, теперь распавшееся на три части (Капуанское, Салернское), точно также как и многие знаменитые города — Неаполь, Амальфи, Гаэта, Венеція, — входили въ составъ Византійской имперіи. Они имѣли областныхъ правителей, впослѣдствіи превратившихся въ самостоятельныхъ владѣтелей (герцоговъ — dux), но тѣмъ не менѣе признававшихъ власть Византіи *). Необходимость вести борьбу съ мусульманами на Востокѣ заставляла Византію иногда забывать объ этихъ подданныхъ своихъ и не давать имъ достаточной поддержки и защиты. Такъ, при Василіи II Болгаробойцѣ, въ 1002 году городъ Бари, столица Апуліи, имѣвшій 50 т. ж. торговый флотъ, коммерческія сношенія съ Малой Азіей, гдѣ онъ соперничала съ Венеціей, подвергся нападенію Сарацинъ. Городъ былъ въ страшной опасности, но спасенъ былъ прибывшимъ Венеціанскимъ морскимъ отрядомъ съ десантомъ. (Надо замѣтить, что Венеція получала отъ императоровъ торговыя привилегіи, за которыя обязана была помогать, въ случаѣ необходимости, войскомъ). Отрядъ подалъ необходимую помощь, но въ жителяхъ осажденнаго города и вообще Италіанскихъ Византійскихъ владѣній этотъ недостатокъ заботли-

---

*) Доказательство этой связи съ Византіей видимъ мы въ лѣтосчисленіи, которое въ Неаполѣ ведется по именамъ Виз. имп., въ постройкѣ храмовъ на греческій образецъ и т. п.

вости со стороны центральной власти возбудилъ крайнее неудовольствие, вскоръ перешедшее въ открытое возмущение. Подъ предводительствомъ Мело (Melo, Meles), ломбарда родомъ, жители города Бари возстали противъ Византийскаго правительства; сначала дѣла инсургентовъ шли успѣшно, но затѣмъ, энергическими усилиями императора Василия II былъ положенъ конецъ возстанию. Мело, впрочемъ, обратился съ просьбою о помощи къ вассальнымъ южно-италийскимъ князьямъ — Салернскому и другимъ; но эти последние, не желая ссориться съ императоромъ, отказали. Тогда онъ обратился къ папѣ и наконецъ даже къ западному императору, который, какъ императоръ Священной Римской Империи, былъ покровителемъ Рима и имѣлъ притязания на Италию. Извѣстно, что германские императоры (Оттонъ I, Оттонъ II) дѣлали попытки возстановить фактически свою власть во всей Италии, когда приѣзжали въ Римъ короноваться, но терпѣли неудачу, въ особенности Оттонъ II, едва спасшийся бѣгствомъ на корабль. Мело нашелъ покровительство въ папахъ, съ неудовольствиемъ смотрѣвшихъ на близкое сосѣдство Восточной церкви и ея патриарховъ. Папы то и сблизили вождя Апулийскаго возстания съ Норманнами.

Есть, впрочемъ, разсказъ, говорящий, что Норманны явились первона-

чально въ Салерно, когда этотъ городъ осажденъ былъ Сарацинами. Подобно Бари, Салерно терялъ уже всякую надежду на спасеніе, когда въ стѣнахъ города явились 40 французскихъ рыцарей, шедшихъ изъ Іерусалима. Это были потомки Норманновъ Датскихъ и Шведскихъ, утвердившихся во Франціи, офранцузившихся, но еще сохранившихъ многія племенныя черты, въ особенности же страсть къ приключеніямъ. Они совершали путешествія на Востокъ, съ цѣлью пилигримства, но по дорогѣ нерѣдко превращались въ разбойниковъ. Такіе то рыцари явились и въ Салерно и показали при защитѣ этого города гораздо большую храбрость, нежели сами жители его. Они ободрили жителей города, принудили ихъ сдѣлать вылазку и отогнать Сарацинъ. Послѣ этой помощи жители Салерно стали просить ихъ остаться въ городѣ; рыцари не согласились на это, но заявили, что на родинѣ ихъ есть много людей, которые охотно пойдутъ вмѣсто нихъ и сдѣлаются верными защитниками страны. Разсказъ передаетъ далѣе, что были отправлены самые разнообразные подарки, начиная отъ дорогихъ тканей до апельсиновъ и миндальныхъ орѣховъ въ Нормандію, съ просьбою явиться. Отрядъ Норманновъ дѣйствительно прибылъ въ Италію. Одинъ современный писатель, оставившій произведеніе, написанное на италіанскомъ язы-

ихъ, но дошедшее до насъ въ старо-французскомъ переводѣ, расказываетъ, что на всемъ пути жители сбѣгались смотрѣть на Норманновъ, а въ южной Италіи ихъ считали даже за ангеловъ.

Папа Бенедиктъ VIII явился теперь посредникомъ между новыми пришельцами и вождемъ инсургентовъ - Мело. Защитники южной Италіи отъ Сарацинъ, Норманны являются такимъ образомъ вмѣстѣ съ тѣмъ противниками Грековъ. Вождь Бари Мело поднялъ еще разъ знамя восстанія; успѣхъ сопровождалъ начало его, но въ 1016 г. императоръ Василій II отправляетъ въ Италію вспомогательное войско; въ битвѣ при Каннахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда Аннибалъ сразился съ Римлянами, Византійское наемное войско одержало полную побѣду надъ инсургентами и возстановило власть Византіи на югѣ Италіи. Не только Калабрія и Апулія должны были признать власть императора, но Салерно, Беневентъ и даже богатый и важный по своему вліянію монастырь Монте-Кассино*). Папа Бенедиктъ VIII обратился тогда къ императору Генриху II съ просьбою прибыть въ Римъ, имѣя въ виду противопоставить его силы распространенію Византійскаго могущества на югѣ Италіи.

---

*) Памятникомъ этого подчиненія является сохранившійся до нашего време-

было начало склоняться въ пользу папы, но, какъ это всегда бывало въ Италіи, императоръ не имѣлъ особеннаго успѣха. Онъ долго осаждалъ крѣпость Трою, но вернулся безъ существенныхъ и благопріятныхъ результатовъ. Какъ и при Оттонахъ, столкновеніе двухъ міровъ - Западнаго и Восточнаго - окончилось не въ пользу перваго - онъ не имѣлъ силы сокрушить ни Византійскаго господства, ни вновь основавшихся здѣсь Норманновъ. Послѣдніе остались частью на службѣ у вновь поставленныхъ князей Беневента и др., частью какъ самостоятельные поселенцы. Такимъ образомъ съ одной стороны Норманскіе пришельцы являются защитниками Италіи противъ Сарацинъ, съ другой - орудіемъ папъ, направленнымъ на Византійскихъ императоровъ, а вскорѣ выступаютъ уже, какъ главная и самостоятельная сила въ борьбѣ съ имперіей на земляхъ Апуліи и Калабріи. Въ непродолжительномъ времени здѣсь появляются и главные герои Норманскаго завоеванія - братья Отвили. Эпоха эта является весьма важною и интересною для исторіи средневѣковой Европы, что въ связи съ нею стоитъ и эпизодъ тбы церков-

---

ни (въ настоящее время находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ) экземпляръ Евангелія, поднесенный Салернскимъ княземъ императору Византійскому.

ной борьбы, которая началась на почвѣ южной Италіи, затѣмъ перенесена была на Балканскій полуостровъ и, какъ извѣстно, окончилась полнымъ разрывомъ и окончательнымъ раздѣленіемъ церквей Западной и Восточной.

Въ числѣ источниковъ и пособій, могущихъ оказать существенную пользу при болѣе подробномъ изученіи данной эпохи, назовемъ на первомъ планѣ:

„L'Ystoire de li Normant et la chronique de Robert Viscart par Aimé, moine du Mont-Cassin. Edition Champollion-Figeac. Paris. 1835.

Сочиненіе это, принадлежащее Амату, монаху Монтекассинскаго монастыря, бывшаго центромъ просвѣщенія и образованія, очагомъ литературы, науки и даже искусствъ, не имѣло, по словамъ Гизебрехта въ свое время ничего себѣ подобнаго. Это не скучные и однословные анналы, но полная, ясная картина завоеванія, сопровождаемая мельчайшими подробностями, часто весьма наивно передаваемыми авторомъ. Отъ него не ускользаетъ и тотъ фактъ, что разсказываемыя имъ событія стоятъ въ исторической связи съ происшествіями, совершающимися на остальномъ западѣ Европы и онъ дѣлаетъ обозрѣніе Норманнскаго завоеванія въ Англіи, подвиги французскихъ рыцарей противъ Сарацинъ, вліяніе норманнскихъ наемниковъ въ Византійскомъ государствѣ. Сочи-

неніе свое онъ посвятилъ аббату Дезидерію, искреннему другу Роберта Гвискара. Въ 8ми книгахъ оно обнимаетъ исторію Норманновъ отъ первыхъ появленія ихъ въ Италіи до 1078г. Первоначальный текстъ его, написанный, очевидно, на латинскомъ языкѣ, не дошелъ до насъ; мы имѣемъ твореніе Амата въ старо-французскомъ переводѣ XIIIго или начала XIV вѣка, изданномъ по парижской рукописи Шампольономъ-Фижакомъ подъ вышеназваннымъ заглавіемъ. Изданіе это, впрочемъ, далеко не вполнѣ совершенно*), вслѣдствіе чего весьма полезнымъ должно явиться новое изданіе этого писателя, обѣщанное въ нѣмецкомъ сборникѣ Pertz'a „Monumenta Germaniae Historica".

Сочиненіемъ Амата пользовался поэтъ-авторъ „Дѣяній Роберта Гвискара", начавшій свою книгу въ 1099г. и изданный теперь Вильманомъ въ M. Germ. XI.

Изъ него же черпалъ и Готфридъ Малатерра, написавшій „Исторію Сициліи.

Наконецъ, прямыя выписки изъ Амата встрѣчаемъ мы у Льва Остійскаго, въ его „Chronica monast. Casinensis", большой хроникѣ Монте-Кассинскаго монастыря, которую онъ началъ въ 1098г. Въ его рукахъ несомнѣнно былъ первоначальный латинскій текстъ Амата, тк

---

*) Гизебрехтъ, между прочимъ, ставитъ издателю въ вину, что онъ соединяетъ съ именемъ Амата и „Хронику Роберта Гвискара, которая найдена была имъ въ той же рукописи. (p. 573)

что по сочиненію Льва Остійскаго можно даже добиться возможности сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ старофранцузскомъ переводѣ Амата.

Упомянемъ еще уже названнаго выше:

„Gaufredus Malaterra. Historia Siciliae. (Muratori. SS. rerum Italicarum, V. 537-602.

Пособія: De Blasiis „La insurrezione Pugliese et la conquista Normanna nel secolo XI. Napoli. 1869. („Апулійское возстаніе и завоеваніе Норманнское въ XI вѣкѣ).

Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Braunschweig, 1875, Bd 2.

Возвратимся теперь къ изложенію дальнѣйшаго хода южно-италіанскихъ дѣлъ.

Послѣ торжества Византійской власти въ южной Италіи и Беневентѣ, Норманны, какъ сила, враждебная имперіи, очевидно, должны были искать себѣ гдѣ-нибудь убѣжища и покровительства. Они нашли все это первоначально въ томъ же Салернскомъ герцогствѣ, у владѣтеля его Ваймара или Гваймара; они поступили къ нему на службу и число ихъ постепенно увеличивалось, въ особенности начиная съ 1030 г, когда вождемъ ихъ явился Райнульфъ, прибывшій въ Италію для помощи Мело. Этотъ новоприбывшій Норманнскій предводитель оказалъ важную услугу дожу Неаполитанскому въ дѣлѣ

возвращенія потерянныхъ послѣдними владѣній. Сергій, дуксъ Неаполитанскій выдалъ за Райнульфа сестру свою и далъ ему во владѣніе Аверсу (между Неаполемъ и Капуею). Такимъ образомъ Райнульфъ является первымъ самостоятельнымъ владѣтелемъ изъ среды Норманновъ въ Южной Италіи.

Въ 30ыхъ годахъ XI в. являются сюда первые представители той знаменитой фамиліи, которой суждено было играть такую видную роль и въ исторіи Италіи и въ исторіи крестоносн аго движенія — фамиліи Отвилей (Hauteville).

На полуостровѣ Cotentin, въ округѣ Кутанса (Coutances) находился замокъ Hauteville (Altavilla), которымъ владѣла Норманнская баронская фамилія, получившая отъ замка свое прозваніе. Баннеретъ (ниже чѣмъ феодальный баронъ) Танкредъ Отвиль имѣлъ десять рыцарей въ своей вассальной зависимости; онъ былъ женатъ два раза и оставилъ многочисленное потомство — 16 человѣкъ. Сыновей было 12; число это, по замѣчанію современнаго анонимнаго писателя (Anon. Vicutus) образовалось не безъ особеннаго совѣта Божія: двѣнадцать было Апостоловъ, двѣнадцать явилось защитниковъ Апостольской церкви противъ ереси, невѣрія и схизмы.

Отъ первой жены Танкредъ Отвиль имѣлъ пять сыновей: Вильгельма Желѣзную Руку (Bras-de Fer), Дрогона, Гумфрида,

Готфрида, Серлона; отъ второй семь: Роберта, Малгера; Вильгельма, Альфреда, Гумфрида, Танкреда и Роджера.

Небольшое и скудное имѣніе не могло быть достаточнымъ для такой многочисленной фамиліи. Нужно было искать счастья. Братья были бы люди неспокойные; Серлонъ убилъ одного изъ придворныхъ герцога Нормандскаго и долго скрывался въ Англіи, по возвращеніи откуда получилъ прощеніе только за свою храбрость. Старшіе братья — Вильгельмъ, Дрогонъ и Гумфридъ первые переправились въ Италію и служили сначала князю Капуи, потомъ герцогу Салернскому (Ваймару IV), перейдя къ нему вмѣстѣ съ Райнульфомъ, который пользовался ихъ храбростью въ борьбѣ противъ своихъ сосѣдей (Пандульфа Капуанскаго и герцога Сорренто). Но, какъ видно, они вскорѣ сдѣлались въ тягость своему господину; по крайней мѣрѣ онъ постарался удалить ихъ отъ себя при первомъ удобномъ случаѣ, который вскорѣ и представился.

По смерти Византійскаго императора Константина VIII не оставалось наслѣдниковъ мужескаго пола. Изъ трехъ уже почти состарѣвшихся дочерей его старшая, Евдокія, посвятила себя Богу и жила въ монастырѣ. На престолъ вступила вторая изъ нихъ, Зоя, возводившая вмѣстѣ съ собою послѣдовательно на престолъ имперіи мужей своихъ, часто низкаго происхожденія, каковъ

былъ, напр., Михаилъ IV Пафлагонянинъ. Государство, при частой смѣнѣ правителей и господствѣ евнуховъ, часто заправлявшихъ всею политикой Имперіи (какъ напр. извѣстный Іоаннъ Орфанотрофъ), быстро шло къ упадку, хотя тѣмъ не менѣе важные и обширные планы занимали его. Планы эти касались Сициліи, къ возвращенію которой изъ рукъ Сарацинъ Византійское правительство рѣшилось сдѣлать еще одну попытку. Этотъ благословенный, плодородный островъ, вмѣстѣ съ Критомъ и Кипромъ, находился въ рукахъ мусульманъ и составлялъ для нихъ важную точку опоры на западѣ Европы. Смуты въ средѣ самихъ Сарацинъ заставили Византію оглянуться на Сицилійскія дѣла и искать возвращенія острова въ свою власть.

Эмиры Сициліи вышли изъ подъ власти Фатимидовъ на погибель своихъ владѣній и разрушеніе государства. Начались безконечные раздоры среди нихъ самихъ, въ которые скоро вмѣшались частью испанскіе Арабы, частью Зеириды, отнявшіе у Фатимидовъ берберійскую степь и сдѣлавшіе Тунисъ своей столицей. Въ 1035 году султанъ Тунисскій отправилъ въ Сицилію войско; Палермо былъ осажденъ и эмиръ убитъ. Этимъ-то моментомъ и задумала воспользоваться Византія. Значительная наемная армія*) подъ начальствомъ Георгія Ма-

*) Среди этой арміи были и русскіе, какъ сви-

ніака, вождя, прославившагося взятіемъ Эдессы и Стефана; Византійское правительство рѣшило не щадить денегъ лишь только бы добиться успѣшныхъ результатовъ похода.

Въ 1038 году войско высадилось на берегъ Италіи. Здѣсь, на ряду съ русскими въ числѣ наемниковъ Византіи, упоминаются и Варяги, впервые встрѣчаемые въ 1034 г. въ Малой Азіи. Несомнѣнно, что въ числѣ ихъ былъ тотъ знаменитый искатель приключеній и герой, прославленный сагами, симпатичный и гордый образъ котораго живетъ до сихъ поръ въ поэзіи Норвегіи, Россіи, Италіи - Гаральдъ Гаардрадъ Смѣлый, братъ Норвежскаго короля Олафа, удалившійся, послѣ смерти послѣдняго, на нѣкоторое время въ Россію, а потомъ на Востокъ; пѣсни скальдовъ несомнѣнно указываютъ на участіе его въ Итальянскихъ походахъ.

Князь Салернскій находился въ это время въ союзѣ съ Греками и постарался побудить своихъ Норманновъ принять участіе въ борьбѣ съ невѣрными и, предложивъ имъ богатую награду отъ Грековъ, обѣщалъ то же и со своей стороны.

дѣтельствуютъ объ этомъ южно-итальянскія хроники; по всей вѣроятности, это былъ остатокъ той арміи въ шесть тысячъ человѣкъ, которая послана была Владиміромъ при требованіи царевны Анны.

Лит. Домина, Гороховая, 17.

Набралось около 300 удальцовъ, среди кото-
рыхъ были и Ломбарды съ береговъ р. По;
(Гардунъ) отрядъ высадился въ Реджіо.
Три брата Отвили — Вильгельмъ Bras-
de-Fer, Дрогонъ и Гумфридъ участвовали
въ предпріятіи и предводительствовали
Норманнами, которые такимъ образомъ въ
Сициліи встрѣтились съ соплеменниками
своими, скандинавскими Нордманнами,
пришедшими съ береговъ Балтійскаго мо-
ря и, какъ уже сказано выше, состоявшими
на службѣ Византійскаго императора.

Хроника Амата, норманнскія саги
и византійскіе историки описываютъ этотъ
знаменитый Сицилійскій походъ, который
окончился не только неудачей въ Сициліи,
но и потерею Апуліи. Начало похода, впро-
чемъ, не предвѣщало ничего подобнаго. Пере-
правившись у Мессины, Георгій Маніакъ въ
битвѣ при Раметтѣ разбилъ Сарацин-
ское войско; затѣмъ взяты были и Сира-
кузы, гдѣ найдены были мощи св. Лучіи
и отправлены въ Константинополь. Успѣ-
хи эти покрыли славою Маніака и ору-
жіе Византійское; но результаты оказа-
лись непрочны. Предводитель император-
скихъ войскъ, храбрый и энергичный вое-
начальникъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ
весьма гордый и заносчивый человѣкъ;
онъ поссорился съ однимъ изъ родствен-
никовъ императора; тогда этотъ послѣд-
ній, въ отмщеніе, далъ возможность убѣ-
жать одному изъ важныхъ плѣнныхъ

Изд. М. Васильева.

мусульманскихъ воиновъ. Правительство стало недовѣрчиво смотрѣть на Маніака и наконецъ онъ былъ отозванъ отъ командованія арміею. Этотъ поступокъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ дѣйствій императорской власти, ибо съ преемникомъ Маніака не ужились союзники - Норманны и удалились изъ Сициліи, лишивъ такимъ образомъ греческое войско значительной поддержки. Вскорѣ послѣ этого вспыхнуло новое возстаніе въ Апуліи, виновникомъ котораго можно по справедливости считать того самаго Ломбарда Гардуина, который вмѣстѣ съ Норманнами отправился въ Сицилійскій походъ какъ союзникъ Грековъ. Во время дѣлежа добычи, Гардуинъ поссорился съ Византійскимъ военачальникомъ за одного, особенно красиваго коня, котораго тотъ присвоилъ себѣ; когда Гардуинъ заявилъ претензію на это отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей, то требованіе его не только не было исполнено, но онъ подвергся унизительному наказанію розгами; кромѣ того, ему еще выщипали бороду.

Глубоко затаилъ Гардуинъ оскорбленіе и свою ненависть къ Византійцамъ въ своемъ сердцѣ и для болѣе удобнаго достиженія своей цѣли вкрался въ довѣріе императорскаго катапана Михаила Доціана и получилъ отъ него въ управленіе апулійскій городъ Мельфи.

Тогда-то, по выраженію Аммата, онъ „раздулъ пламя, таившееся подъ пепломъ" (Souffla por alumer lo feu), ибо жители юга Италіи всегда имѣли достаточныя причины для недовольства Византійскимъ правительствомъ и поводъ жаловаться на него. Гардуинъ возбуждалъ жителей противъ Византійской власти; „говоря съ ними, онъ употреблялъ сострадательныя слова и дѣлалъ видъ, что ему жаль и больно за тѣ притѣсненія, которыя они терпятъ отъ владычества Грековъ, за тѣ обиды, которыя наносятся женамъ и дочерямъ ихъ; онъ представлялся, что сострадаетъ и думаетъ (feignoit de souspirer et de penser) объ обидахъ, терпимыхъ ими отъ Грековъ; и обѣщалъ неустанно работать (fatiguier et travaillier) для ихъ освобожденія." (Amat., II, 16.)

„И всѣ увѣрили его, Гардуина, что желаютъ повиноваться ему; тогда онъ раздулъ огонь: сдѣлалъ видъ, что отправляется въ Римъ на покаяніе, а между тѣмъ приготовился напасть на Грековъ и поѣхалъ въ городъ Аверсу."*) (ibid.)

Норманны, недовольные, раздраженные противъ Грековъ, приняли опять сто-

---

*) Et toux affermoient à lui Ardüyn que lo vouloient obédir. Et quant ce vit Ardoine, souffla por alumer le feu. Fit semblant d'aler à Rome à la perdonance et ensi s'appareilla à guaitier à li Grex, et ala à la cité d'Averse. (Amat. II. 16.)

рону бунтовщиковъ. Вотъ что говорилъ Гардуинъ Райнульфу въ Аверсѣ:

„Давно уже пришли вы въ эту землю, оставивъ небольшую отчину на родинѣ. Но до сихъ поръ вы не пріобрѣли большихъ владѣній – сидите до сихъ поръ въ подаренномъ графствѣ, какъ кроты въ норѣ. Если хотите расширить свои владѣнія, идите только за мною. Я поведу въ землю обширную и богатую, гдѣ живутъ изнѣженные и трусливые люди."

„И обѣщали Норманны, говоритъ далѣе Аматъ, пойти на дѣло, на которое ихъ приглашали; они составили дружину и поклялись, что всего, что будетъ пріобрѣтено, половина достанется Ардуину. И избралъ графъ (Райнульфъ) двѣнадцать перовъ, которымъ приказалъ тоже поровну раздѣлить завоеванное. И имъ далъ 300 храбрыхъ Норманновъ". (Amat II, 18.)

Съ Гардуиномъ отправились и прежніе его товарищи по оружію – Вильгельмъ Желѣзная Рука, Дрогонъ и Гумфридъ. Такимъ образомъ рѣшено было, что эти двѣнадцать Норманнскихъ рыцарей, завоевавъ землю, раздѣлятъ ее на 12 равныхъ частей и явятся основателями независимыхъ владѣній, которыя будутъ, впрочемъ, стоять въ вассальномъ подчиненіи къ графу Аверсы.

Успѣхъ Норманновъ былъ блистателенъ; въ 1041 г. одержали они надъ Византійскимъ катапаномъ рѣшительную побѣду при Офидѣ (Офанто) причемъ

весь богатый лагерь греческаго военачальника достался въ руки побѣдителей.*)

Здѣсь произошелъ разрывъ и такимъ образомъ Норманны утвердились въ Апуліи и получили вторую точку опоры на полуостровѣ Италіи. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что имъ помогали туземцы; смѣшно предполагать, чтобы 300 Норманновъ могли бороться съ Византійскими войсками,**) хотя Аматъ, восхваляя ихъ храбрость и говоритъ, что въ сраженіи при Оливенто приходился одинъ Норманнъ противъ ста Грековъ. (Amat. II. 21.)

И такъ, Норманны утвердились въ Апуліи; съ этихъ поръ начинаются здѣсь ихъ дальнѣйшія завоеванія, которыя впрочемъ не могли быть особенно прочными по той простой причинѣ, что это все же были не болѣе, какъ простые рыцари-авантюристы, не достаточно многочисленные кромѣ того, чтобы удержаться между двумя имперіями. Даже титулы, полученные ими отъ императора, не могли de facto упрочить шаткое положеніе ихъ новыхъ пріобрѣтеній. Кромѣ того, они скоро возбудили негодованіе и въ мѣстномъ населеніи своими тяжкими поборами и притѣсненіями; спасаясь отъ чиновниковъ и сборщиковъ податей императорскихъ,

---

*) Хроника гор. Бари говоритъ, что въ этомъ сраженіи убито было много Русскихъ.

**) De Blasiis, I, 152.

поднимая знамя бунта противъ Византіи, Апулійцы на дѣлѣ не выиграли ничего, ибо теперь надъ ними тяготѣла желѣзная рука западныхъ Норманнскихъ рыцарей.
Ропотъ, поднявшійся противъ Норманновъ, утвердившихся въ Апуліи и Аверсѣ, достигъ наконецъ и до престола намѣстниковъ св. Петра. Одинъ изъ лучшихъ папъ, германецъ по происхожденію, поставленный Германскимъ императоромъ, Левъ IX, не остался безчувственнымъ къ обидамъ и притѣсненіямъ, которыми сопровождалось утвержденіе новой силы. Впрочемъ, быть можетъ и папа, и начинавшій уже выдвигаться тогда Гильдебрандтъ, (будущій Григорій VII) не обратили бы на это такого строгаго вниманія, если бы не другое обстоятельство, которое побудило ихъ разсматривать Норманновъ, какъ личныхъ враговъ своихъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Беневентское герцогство, по выдѣленіи изъ него Капуи и Салерно, осталось небольшимъ земельнымъ владѣніемъ, жители котораго, изгнавъ своего герцога, признали надъ собою папскую власть. Папы приняли этихъ новыхъ подданныхъ и поставили стражами и охранителями своихъ интересовъ въ герцогствѣ Норманновъ, вѣрныхъ и преданныхъ до сихъ поръ союзниковъ своихъ. Но охранители интересовъ папскаго престола нашли на этотъ разъ бо-

мы чудесным удействовать въ свою пользу и не только стали самовольно распоряжаться въ ввѣренныхъ ихъ охранѣ владѣніяхъ, но даже захватили города. Папа произнесъ проклятіе противъ Норманновъ, во главѣ которыхъ стоялъ теперь третій братъ Отвилль, Гумфридъ, послѣ того какъ Дрогонъ палъ отъ руки убійцы, своего довѣреннаго человѣка, быть можетъ подкупленнаго Греками. Левъ IX, отлучивъ Норманновъ отъ церкви, сталъ искать противъ нихъ вездѣ союзниковъ и помощниковъ. Императоръ Генрихъ III и король французовъ не могли въ данную минуту послать за Альпы военную помощь. Ваймаръ Салернскій, (къ которому папа также обратился,) огорченный смертью друга своего Дрогона, не хотѣлъ все же разорвать союзъ съ Норманнами; онъ даже предостерегалъ папу, не совѣтуя ему вступать въ открытую борьбу. Левъ IX не обратилъ на это вниманія и собралъ войско, но когда дошло до дѣла, то войско это разбѣжалось, не обнаживъ меча. (1051 г.)

И это не остановило папу, задумавшаго во что бы то ни стало выгнать Норманновъ не только изъ Беневента, но и изъ всей Италіи и рѣшившагося даже просить о союзѣ Византію.

Въ 1051 г. въ Италію пріѣхалъ изъ Имперіи знаменитый Аргиръ, сынъ инсургента Мело, съ наказомъ отъ центральной власти так... или ... [illegible]

способомъ возстановить греческую власть на югѣ Италіи. Этотъ Аргиръ, во время перваго возстанія 1018 г. захваченный въ плѣнъ и отведенный въ Византію, воспитанъ былъ тамъ и теперь явился представителемъ интересовъ центральной власти, хотя по происхожденію своему былъ связанъ съ южной Италіей. Впрочемъ, онъ представляется человѣкомъ, съ одинаковою легкостью переходившимъ съ одной стороны на другую и одинаково готовымъ предать ту и другую. Подъ его-то вліяніемъ и начались попытки сближенія папъ съ Византіей.

Пока Левъ IX велъ переговоры съ Аргиромъ, Норманны продолжали свои завоеванія и перенесли свои дѣйствія въ Калабрію, гдѣ началъ свои подвиги прославленный болѣе всѣхъ ихъ братьевъ Отвилей, Робертъ Гвискаръ.

Задача, которую поставилъ себѣ папа, состояла въ томъ, чтобы, примиривъ обоихъ императоровъ, Восточнаго и Западнаго, изгнать затѣмъ съ помощью ихъ Норманнскихъ завоевателей. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ даже путешествіе на свою родину, въ Германію; но императоръ Генрихъ III ограничился только тѣмъ, что дозволилъ папѣ набрать въ южной Германіи, въ Швабіи, военную дружину. Эта дружина, по нѣкоторымъ источникамъ исчисляемая въ 300, по другимъ въ 700 человѣкъ, составила зерно папскаго войска

и главную его силу, ибо кромѣ Швабовъ папѣ удалось собрать нестройную и трусливую массу людей изъ областей Рима, Беневента и Кампаньи, съ военными доблестями которыхъ онъ былъ достаточно знакомъ по опыту прошлаго похода.

Поставленные между двухъ враговъ, Норманны предлагали признать ленное господство папы; но, какъ извѣстно, цѣли папы были обширные. Незадолго до Троицына дня онъ двинулся въ походъ, лично предводительствуя своимъ войскомъ. Черезъ Беневентъ онъ перешелъ въ Апулію и здѣсь расположился лагеремъ у небольшаго „городка" - Civitate, отъ котораго въ данное время остались только одни безформенныя развалины. Въ первый разъ еще намѣстникъ ап. Петра является вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ начальникомъ, предводителемъ дружины. Фактъ этотъ подалъ греческому духовенству поводъ упрекать представителя римской церкви въ пролитіи крови.

10го Іюня 1053г. назначено было сраженіе. Норманны должны были принять его, ибо, не имѣя чѣмъ кормиться, они дошли до того, что даже собирали незрѣлыя колосья пшеницы. Въ сопровожденіи духовенства, папа взошелъ на городскую стѣну, благословилъ собравшееся внизу войско, отпустилъ ему всѣ прегрѣшенія и далъ сигналъ къ атакѣ. Швабы и Итальянцы сошлись съ

Норманнами, предводителями которыхъ были Робертъ и Гумфридъ. Нѣмцы были перебиты, но Италіанской крови не пролилось ни капли, ибо при первомъ шумѣ сраженія эта часть папскаго войска разбѣжалась. Побѣда Норманновъ была полная и блестящая. Папа, между тѣмъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, безъ войска и защиты на чужой землѣ. Коллегія кардиналовъ, сопровождавшая Льва IX, опасалась даже за жизнь папы, ибо не могла представить себѣ въ лицѣ разбойниковъ-рыцарей Норманновъ великодушныхъ и милосердныхъ враговъ. Но на дѣлѣ ихъ ожидало нѣчто совершенно иное: Гумфридъ и Робертъ изъявили полное раскаяніе и просили сказать, что они готовы отвести папу въ Беневентъ или куда ему будетъ угодно, въ полной безопасности, лишь бы только онъ снялъ съ нихъ церковное отлученіе. Глазамъ свидѣтелей представилась необычайная картина: побѣдители съ покорностью явились предъ побѣжденнымъ, стали на колѣни, цѣловали его ноги и умоляли о прощеніи. Папа принялъ ихъ благосклонно и даже, ослѣпленный этимъ неожиданнымъ успѣхомъ, говорилъ впослѣдствіи, что Норманны не рады были своей побѣдѣ. Замѣчаніе это, конечно, не справедливо, хотя нельзя отрицать и того, что Норманны несомнѣнно до-

роднми поддержкою въ нравственномъ смыслѣ, которую могъ оказать имъ папскій авторитетъ. Левъ IX снялъ съ прощенныхъ враговъ церковное отлученіе; съ почетомъ отвели они его опять въ Римъ и даже впослѣдствіи сдѣлались его вассалами. Но все таки, въ глубинѣ своего сердца, папа не простилъ враговъ и продолжалъ свою прежнюю политику, добиваясь изгнанія ихъ изъ Италіи. Чѣмъ болѣе медлилъ западный Императоръ, тѣмъ болѣе стремился папа къ соединенію съ Востокомъ, которому, однако не суждено было совершиться никогда.

Поводомъ къ окончательному и полному разрыву церквей послужило слѣдующее обстоятельство: одинъ изъ епископовъ Восточной церкви, Василій Охридскій, съ согласія друга своего, Константинопольскаго патріарха Михаила Керулларія, написалъ рѣзкое обличительное письмо противъ западной церкви; ея нѣкоторыхъ обрядовъ и ея представителей. Папа не могъ перенести этого и написалъ отвѣтъ*); примѣру его послѣдовалъ и приближенный кардиналъ его Фридрихъ. Началась рѣзкая полемика съ обѣихъ сторонъ. Но вдругъ произошелъ переворотъ: Константинопольскій патріархъ сталъ писать въ болѣе мягкомъ тонѣ - папа отвѣчалъ тѣмъ же.

---

*) Чтобы имѣть возможность сдѣлать это, папа въ 50 лѣтъ началъ даже учиться греческому языку.

Онъ говорилъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы достичь полнаго согласія между императорами Востока и Запада для того, чтобы оба они были какъ бы двумя руками святой церкви и помогли ей изгнать изъ Италіи Норманновъ, этотъ позоръ христіанства. Но кромѣ того, Левъ IX не покидалъ и другихъ притязаній своихъ и высказывалъ надежду на то, что императоръ возвратитъ ему всѣ прежде дарованныя права.*)

Интереснымъ является тотъ фактъ, что въ этой же перепискѣ представители обѣихъ церквей обмѣнялись любопытными упреками. Патріархъ, посредствомъ друга своего Василія Охридскаго выставлялъ на видъ невоздержную жизнь римскаго духовенства; папа, со своей стороны, упрекалъ Имперію въ томъ, что на престолѣ ея сидятъ евнухи и женщины. Послѣднее замѣчаніе является особенно характернымъ, ибо доказываетъ полную несправедливость извѣстнаго преданія о паписсѣ Іоаннѣ, ибо иначе упрекъ этотъ являлся бы вполнѣ неумѣстнымъ въ устахъ папы. Ваттенбахъ замѣчаетъ, что для этого лица, которое онъ считаетъ безспорно миѳическимъ, нѣтъ даже хро-

---

*) Намекъ на извѣстное „вѣно Константина" (Donatio Constantini) подложный документъ, на основаніи котораго папы изъявляли притязаніе на владѣніе всей Италіей и оспаривали.

нологическаго промежутка между папами, куда бы можно было помѣстить его, и что это есть очевидно позднѣйшая легенда (XIII в.) составленная съ цѣлью отмстить наслѣдникамъ св. Петра за вышеприведенный упрекъ Имперіи.

И такъ, между двумя сторонами начинается болѣе мирное настроеніе. Въ этомъ направленіи переговоры ведутся преимущественно черезъ Аргира; наконецъ, изъ Рима въ Византію отправлено было посольство, въ лицѣ двухъ человѣкъ, выбранныхъ, впрочемъ, крайне неудачно, ибо они были изъ числа участниковъ минувшей полемики. Принятые Константиномъ Мономахомъ весьма благосклонно, они совершили рѣзкій, ничѣмъ не оправдываемый поступокъ, послѣ котораго всякій путь къ примиренію церквей былъ закрытъ. Они явились въ соборъ св. Софіи и положили на главный престолъ отлученіе отъ церкви Михаила Керулларія, патріарха Константинопольскаго, противодѣйствовавшаго соединенію церквей. Даже и послѣ этого, впрочемъ, императоръ хотѣлъ заиньть дѣло; но раздраженіе достигло высшей степени. Михаилъ отвѣчалъ анаѳемой папѣ и попытки сближенія прекратились надолго. Очевидно впрочемъ, что все это было только удобнымъ поводомъ; корень раздора лежалъ глубже, даже въ самой противоположности міровъ Греко-Славянскаго и Романо-Герман

скаго.

Вскорѣ папа Левъ IX умеръ, не осуществивъ задуманныхъ плановъ. Затѣмъ руководящее значеніе при Римскомъ дворѣ получаетъ Гильдебрандтъ, расчитывавшій на совершенно иныя средства въ дѣлѣ примиренія.

Гроза, собравшаяся было надъ Норманнами въ 1053 году, прошла и они снова могли начать свои завоеванія. Тогда то являются два новыя лица, пріобрѣтшіе особую славу среди Норманновъ — Ричардъ, сдѣлавшійся наслѣдникомъ Аверсы и Робертъ Гвискаръ.

Робертъ дольше другихъ долженъ былъ ждать своей судьбы. Онъ позже явился въ Италію, принеся съ собою свой мечъ и себя — едва ли что больше. Сводные братья его, Дрогонъ и Гумфридъ долго смотрѣли на него съ предубѣжденіемъ и долгое время участь и судьба его были весьма печальны. Аматъ съ любовью останавливается на немъ и говоритъ, что въ то время, когда другіе имѣли бурги, деньги и все, чего желали, онъ не владѣлъ и пядью земли. Однако онъ имѣлъ крѣпкую руку, громовой голосъ, бестрепетное сердце, изобрѣтательность на выдумки и хитрости. По наружности это былъ блондинъ съ голубыми глазами и суровымъ въ нихъ выраженіемъ. Счастье, повидимому, улыбнулось ему, когда Пандульфъ Капуанскій принялъ его къ себѣ на службу (1047) въ минуту опасности

и даже обѣщалъ свою дочь. Но обѣщаніе это не было исполнено; Робертъ проклялъ весь домъ Пандульфа и еще настоятельнѣе сталъ просить у Дрогона хотя куска земли или маленькаго замка. Но у брата не было для него ничего подходящаго въ Апуліи; наконецъ-то на самой границѣ Калабріи открыли обнаженную скалу, которую и дали ему. „Rocca di San Marco", - назвалъ ее Робертъ и выстроилъ на ней деревянное укрѣпленіе. Затѣмъ ему предоставлена была Калабрія, на сколько онъ успѣетъ ее покорить.

Но у Роберта не было ни денегъ, ни людей, чтобы дѣлать завоеванія. Изъ своего бурга онъ смотрѣлъ на открытыя поля богатые города, многочисленныя села, видѣлъ стада, которыя паслись на тучныхъ пажитяхъ и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ свою бѣдность. Онъ думалъ: къ чему служитъ благородное происхожденіе и рыцарское званіе? Прежде всего нужно жить. Наконецъ онъ рѣшился на ночныя экспедиціи; онъ выходилъ не только какъ воръ, но именно какъ воръ на добычу скота и угонялъ изъ стада ту или другую скотину. Такъ въ Rocca di San Marco по временамъ было, по крайней мѣрѣ, мясо; питьемъ служила вода изъ ближайшаго источника. Скоро Робертъ опять явился къ Дрогону и жаловался на свое отчаянное положеніе.

„Его наружность всего лучше доказывала, что онъ имѣлъ на то полное основа-

ніе; его впалые глаза смотрѣли такъ страшно, что Дрогонъ и всѣ присутствовавшіе съ ужасомъ отвернули свой взоръ." Онъ достигъ того, что ему дали, по-крайней мѣрѣ, больше людей. Теперь онъ уже могъ грабить по рыцарски, т. е. открытою силою, а не ночью тайкомъ. Онъ сталъ угонять съ сосѣднихъ луговъ при дневномъ уже свѣтѣ и цѣлыя стада скота и потомъ продавалъ ихъ; захватывалъ на поляхъ рабочихъ и заставлялъ ихъ выкупаться за хлѣбъ и вино. Но все таки въ замкѣ жизнь была не веселая и Робертъ прибѣгнулъ для поправленія своего положенія къ продѣлкѣ, которая дѣлала мало чести рыцарю и въ которой онъ послѣ раскаявался.

Невдалекѣ отъ Rocca di San Marco находилось небольшое владѣніе Бизиньяно (Bisignano), сеньоръ котораго, Петръ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, находился въ большой дружбѣ съ Робертомъ такъ что даже называлъ его сыномъ, а Робертъ его отцомъ. Однажды они съѣхались вмѣстѣ; при встрѣчѣ съ Петромъ, Робертъ сошелъ съ лошади, обнялъ его, изъявляя при этомъ знаки живѣйшей привязанности; между тѣмъ, люди Роберта окружили эту группу и Петръ, въ объятіяхъ своего названнаго сына, попалъ къ нему же въ плѣнъ. Робертъ объяснилъ, что только затруднительное положеніе заставило его поступить такимъ образомъ,

что Петръ, какъ названный отецъ, долженъ помочь ему, словомъ, за выкупъ послѣдняго назначено было 20.000 бизанѳовъ; (византійскихъ золотыхъ монетъ) которая онъ и выплатилъ Роберту. Поступокъ этотъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ видѣ; о немъ между прочимъ съ большими преувеличеніями разсказываетъ Анна Комнина, сестра императора Алексѣя; она говоритъ даже, что несчастному Петру вырывали одинъ здоровый зубъ за другимъ, чтобы ускорить внесеніе выкупной суммы. Но какъ бы то ни было, а самый фактъ этого, далеко не рыцарскаго поступка несомнѣнно существовалъ, ибо его передаетъ даже Аматъ, лицо, искренне расположенное къ Роберту.

Случилось въ это время Роберту опять посѣтить своего брата въ Апуліи. Здѣсь, одинъ изъ рыцарей и родственниковъ его - Жираръ (Girard) обратился къ нему со слѣдующими словами: „Ты, умная (хитрая) голова - (Guiscard), что ты шатаешься по свѣту? Возьми мою тетку; тогда я пойду съ тобой покорять Калабрію; 200 рыцарей будутъ намъ помогать." Роберту не особенно нравилась предлагаемая ему невѣста, но, разсчитавъ всю выгоду предложенія, онъ женился на ней.

Дѣйствительно, дѣло стало подвигаться впередъ съ гораздо большимъ ус-

Изд. Абрамчика

пѣхомъ; ихъ владѣнія въ Калабріи расширились. По смерти Дрогона Гумфридъ сдѣлался графомъ (1051г.), благодаря между прочимъ поддержкѣ Ричарда, графа Аверсы и Роберта. При Civitate они подверглись осмѣянію, выставляя свое знамя, полученное отъ императора. Теперь они увидали, что слѣдовало расчитывать только на себя. Съ каждымъ днемъ возрастала сила Норманнская, постоянно увеличивались ряды ихъ. Перешли сюда и другіе братья, между прочимъ Роджеръ, начавшій свою карьеру въ Калабріи.

Въ 1057 году, по смерти Гумфрида, Робертъ былъ уже избранъ графомъ Апуліи. Князь Салернскій долженъ былъ утвердить его и даже обязался вскорѣ платить дань своему вассалу.

Наконецъ Робертъ получаетъ инвеституру отъ папы и теперь, когда дѣла его окончательно поправились, развелся съ нелюбимой женой и вступилъ во второй бракъ съ сестрою Гизульфа Салернскаго, знаменитой Сигельгайтой, которая является помощницею мужа своего въ политическихъ и даже военныхъ дѣлахъ. „Три добродѣтели, по Амату, были у мужа и у жены: „изъ богатыхъ онъ былъ богатѣйшій, изъ благочестивыхъ набожнѣйшій, между рыцарей рыцарственнѣйшій, а его дама отличалась знатностью происхожденія, красотою лица и разумностью." Объ ней съ недоброжелательствомъ и даже извѣстною долею ревности

говоритъ уже упомянутый выше исторікъ, Анна Комнина.

Женившись на Сигельгайтѣ, Робертъ Гвискаръ, очевидно, сталъ думать и о присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Салернской области, наслѣдницей которой являлась его супруга. Соперниками его въ этомъ случаѣ могли явиться только князья Аверсы, овладѣвшіе уже богатою Капуей; но въ данномъ случаѣ, не чувствуя себя достаточно сильными, чтобы бороться съ Робертомъ, они оставили свои притязанія.

Устроивъ такимъ образомъ свое положеніе, Робертъ сталъ помышлять и о другихъ предпріятіяхъ, важныхъ для всего христіанскаго міра. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ получилъ отъ папы утвержденіе во всѣхъ своихъ земельныхъ владѣніяхъ, и теперь, когда дѣлами римской куріи сталъ руководить Гильдебрантъ, союзъ съ Норманнами и добрыя отношенія, нарушенныя Львомъ IX, возобновились. Григорій VII узрѣлъ въ нихъ орудіе, весьма удобное для своихъ цѣлей и пользовался ими въ особенности во время проведенія своихъ реформъ и борьбы съ Генрихомъ IV.

Робертъ получилъ отъ папы въ ленъ Апулію, Калабрію и Сицилію; такимъ образомъ, папская власть освящала это новое государство, направляя его силы снова противъ Грековъ и Сарацинъ, владѣтелей Сициліи. И вотъ то предпрі-

янiе, въ которомъ потерпѣлъ неудачу греческiй полководецъ Манiакъ съ своимъ шеститысячнымъ отрядомъ, въ которомъ, какъ извѣстно, находился и Гаральдъ Смѣлый и старшiе братья Отвилли, предпрiятiе это беретъ теперь на себя Робертъ Гвискаръ. Нужно было исторгнуть этотъ благодатный островъ, хранившiй столько христiанскихъ преданiй, изъ рукъ Сарацинъ. Внутренняя борьба Сицилiйскаго эмирата съ династiею Эмировъ все еще продолжалась и это въ особенности служило побудительной причиной начать именно въ это время нападенiе.

Въ 1061 г. Робертъ отправилъ сначала своего младшаго брата Роджера, а затѣмъ и самъ явился въ южной оконечности Италiи. Реджiо было уже въ ихъ рукахъ и имъ нужно было только переправиться черезъ Мессинскiй проливъ, что бы быть на непрiятельской землѣ. Весьма характернымъ является тотъ фактъ, что Робертъ, предъ этой переправой обратился къ дружинѣ своей со словами, которыя должны были особенно воодушевить ихъ къ предстоящей борьбѣ, где это была борьба съ невѣрными; словомъ, это было нѣчто въ родѣ той рѣчи, съ которою новообращенный католикъ Хлодовикъ Франкскiй обратился къ своимъ воинамъ, ведя ихъ въ походъ противъ арiанъ Вест-Готовъ.

На двухъ корабляхъ Робертъ и Роджеръ выѣхали для предварительнаго об

зора Мессины и положенія арабскаго флота. Сарацинскія суда нагнали бы на нихъ, но Робертъ и Роджеръ счастливо избѣжали опасности, высмотрѣли все, что нужно и дали знать товарищамъ. 270 рыцарей сѣли ночью на суда и успѣли высадиться въ Мессинѣ; съ разсвѣтомъ они сѣли на коней и двинулись впередъ. Удача сопровождала начало ихъ предпріятія; прежде всего имъ попался большой караванъ съ верблюдами и лошаками, везшій значительную сумму денегъ изъ Палермо, столицы эмирата. Казна эта попалась въ руки Норманновъ. Нападеніе на городъ было сдѣлано съ сухаго пути; старшины города, устрашенные первымъ успѣхомъ нападающихъ, рѣшились сдаться безъ сопротивленія. Мессина была въ рукахъ Роберта и теперь, имѣя уже одинъ важный опорный пунктъ, онъ могъ призвать къ себѣ подмогу изъ соотечественниковъ своихъ. Явилась тысяча всадниковъ съ оруженосцами и тысяча пѣхотинцевъ — горсть храбрыхъ воиновъ, неустрашимо шедшая на добычу цѣлой страны. Робертъ и Роджеръ двинулись къ Палермо, но, очевидно, что этихъ двухъ соединенныхъ городовъ — старо-христіанскаго и ново-мусульманскаго они не могли взять и благоразумно удалились, направивъ путь свой къ такъ называемому замку св. Іоанна (Castel san Giovanno). Здѣсь успѣхи Норманнскаго оружія были

на время остановлены ссорою братьевъ, причиною которой было то же, что въ прежнее время заставляло самого Роберта негодовать на старшихъ братьевъ своихъ, Вильгельма и Дрогона.

Въ это время пріѣхала изъ Нормандіи одна знатная дѣвица - Юдифь Grentesmenil; Роджеръ былъ знакомъ съ нею еще на родинѣ и тамъ искалъ ея руки; здѣсь онъ возобновилъ свое предложеніе и свадьба съ великимъ торжествомъ была отпразднована въ Сициліи. Но Роджеру хотѣлось окружить свою молодую жену возможною пышностью и блескомъ и онъ сталъ просить Роберта отдать ему во владѣніе часть Калабріи. Братъ предлагалъ ему сколько угодно денегъ, но отказалъ въ землѣ. Дѣло дошло даже до междоусобной войны, результатомъ которой было то, что старшій братъ долженъ былъ уступить брату просимый участокъ земли. Эта то ссора и была причиною замедленія Сицилійскихъ дѣлъ.

Въ 1065 Робертъ Гвискаръ во второй разъ является въ Сициліи и на этотъ разъ направляется прямо къ Палермо, столицѣ острова; осада города, впрочемъ продолжалась недолго и безуспѣшно; Норманны вскорѣ отступили, ибо поняли, что безъ флота невозможно взять его.

Между тѣмъ Греки-Византійцы, пользуясь занятіемъ Норманновъ въ Сициліи, сдѣлали попытку взять обратно Апулію и Калабрію. Благодаря начав-

шемуся тамъ анти-Норманнскому движенію, они успѣли даже воротить городъ Отранто и богатый торговый городъ Бари, въ которомъ также произошло возмущеніе. Воротившись однако Робертъ взялъ обратно Отранто (хроника опять упоминаетъ здѣсь присутствіе русскихъ. Вскорѣ осажденъ былъ и Бари, защищавшійся очень долго. Только въ 1071 г. Робертъ взялъ его и съ этого знаменитаго момента мы можемъ считать Норманновъ полными и окончательно утвердившимися покорителями прежде подчиненныхъ грекамъ областей. Покоренный послѣ всего Бари, хотя и числился раньше въ союзѣ Норманнскихъ городовъ, но постоянно можно было ожидать, что онъ перейдетъ на сторону Грековъ. Теперь онъ былъ вполнѣ завоеванъ, устроена была Норманнская цитадель, возвышавшаяся надъ всѣмъ городомъ и посаженъ былъ, какъ правитель города, Норманнскій баронъ. Подчинивъ Бари, этотъ богатый, многолюдный городъ, соперничавшій съ Венеціей и Отранто, Робертъ получилъ въ свое владѣніе и морскія силы въ образѣ торговаго флота Бари. Флотъ этотъ содѣйствовалъ благопріятному окончанію Сицилійскихъ дѣлъ. Въ томъ же 1071 г. Робертъ на южно-итальянскихъ корабляхъ появился опять въ Сициліи и осадилъ Палермо. Долго продолжалась эта осада, во время которой въ лагерѣ мира при-

сутствыми и Сигельгайта. Нашъ хроникеръ, Аматъ Монтекассинскій, подробно описывая эту осаду, особенно удивляется терпѣнію этой замѣчательной женщины, съ которымъ она переносила всѣ лишенія. Довольно любопытнымъ является при этомъ замѣчаніе его, что она должна была во все время осады пить простую воду, тогда какъ дома привыкла пить только чистое вино; для Роберта, прибавляетъ онъ, это не составляло большаго лишенія, ибо въ отечествѣ его нѣтъ виноградной лозы.

Въ 1072 году Палермо былъ взятъ; Робертъ отправился въ церковь и, увидѣвъ что христіанскіе храмы въ сравненіи съ мечетями сарацинъ представлялись бѣдными и неустроенными, сталъ содѣйствовать обращенію мечетей въ храмы и пожертвовалъ значительныя средства на украшеніе ихъ.

И въ Сициліи теперь можно было считать дѣло рѣшеннымъ. Робертъ Гвискаръ скоро удалился отсюда, но предъ отъѣздомъ своимъ созвалъ феодальныхъ бароновъ и порѣшилъ, съ совѣта ихъ, отдать Рожеру Сицилію. Рожеръ, давъ ленную присягу, сдѣлался такимъ образомъ герцогомъ, duxомъ Сициліи (впослѣдствіи королемъ). За взятіемъ Сициліи еще не все было окончено; но мало по малу въ 1091 г. было взято послѣднее южное укрѣпленіе на островѣ.

Такимъ образомъ кончился этотъ

Сицилійскій походъ, имѣвшій громадное значеніе, что здѣсь Норманно-французскіе завоеватели пришли въ столкновеніе съ Сарацинской культурой и образованностью. Эмиры, подчинившіеся Роджеру*) сохранили все же свои обычаи, свой языкъ и свою религію; даже грамоты Роджера, писанныя къ Сарацинамъ, дошли до насъ на арабскомъ языкѣ, тогда какъ грамоты, относящіеся къ другимъ жителямъ острова и его подданнымъ, - на греческомъ. Западная культура Норманнскихъ завоевателей пришла такимъ образомъ въ столкновеніе съ культурой Арабовъ, причемъ послѣдняя оказалась выше первой. Арабскіе ученые являются при дворѣ Норманно-христіанскихъ государей, арабская литература и искусства процвѣтали тамъ и пережили даже самихъ Норманновъ, такъ мы встрѣчаемся съ ними при дворѣ Фридриха II, этого знаменитаго изъ Гогенштауфеновъ, къ которому по наслѣдству перешли эти владѣнія.

Съ другой стороны, моментъ завоеванія Сициліи и утвержденія въ ней Норманновъ является важною эпохою для Грековъ,

---

*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что названіе „королевства обѣихъ Сицилій" первымъ королемъ котораго былъ Роджеръ Второй, произошло слѣдующимъ образомъ: когда Греки потеряли о-въ Сицилію, то, желая сохранить хотя имя, они назвали Сициліей клочокъ земли въ Калабріи, доставшійся Роджеру. Получивъ въ 1072 году и настоя-

ию Робертъ Гвискаръ, желая поддержать мирныя сношенія съ папой, заботился о распространеніи здѣсь латинскаго обряда. Впрочемъ, несмотря на преслѣдованія, греческій языкъ удержался здѣсь; можно сказать даже, что онъ не былъ забытъ и до эпохи Возрожденія.

Вообще, завоеваніе Сициліи весьма важно по послѣдствіямъ своимъ для всей западно-европейской исторіи. Сближеніе съ арабской культурой повело и къ перенесенію этой культуры на Западъ и въ Италію; знаменитая медицинская школа въ Салерно образовалась не безъ арабскаго вліянія; если впослѣдствіи, при дворѣ Роджера, являлись знаменитые арабскіе путешественники, то это только благодаря завоеванію. Наконецъ, покореніе Сициліи представляется до извѣстной степени введеніемъ крестовыхъ походовъ, ибо Норманны являются здѣсь въ силу религіозныхъ интересовъ и дѣйствуютъ подъ знаменіемъ креста: перенесеніе этой борьбы на Востокъ является уже весьма естественнымъ.

Послѣ 1072 года, когда рѣшена была судьба Апуліи и Сициліи, въ умахъ Роберта и Роджера могли возникнуть и болѣе обширные планы, направленные на Византію, которая въ это время находилась въ опасности отъ двойнаго движенія вар-

---

щую Сицилію, то онъ сдѣлался сначала герцогомъ, а потомъ и королемъ „обѣихъ Сицилій".

варскихъ ордъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Императоръ Византійскій Михаилъ Дука, находясь въ затруднительномъ положеніи, искалъ опоры на Западѣ; такъ, мы знаемъ, что Григорій VII лично собирался въ походъ на востокъ и призывалъ съ собою итальянскихъ владѣтелей и даже Норманновъ, надѣясь, что этотъ походъ окончится торжествомъ католической церкви. Цѣлью его была защита восточной имперіи отъ Турокъ-Сельджуковъ и Печенѣговъ; но движеніе это не состоялось по причинамъ, которыя также будутъ указаны въ свое время.

Вслѣдствіе того, что нашествія Турокъ становятся все болѣе и болѣе страшными, Византія отказалась даже отъ притязаній на южную Италію. Михаилъ Дука вступилъ въ переговоры съ Робертомъ Гвискаромъ и, чтобы скрѣпить добрыя отношенія, малолѣтняя дочь Норманнскаго владѣтеля, Елена, была сосватана за наслѣдника Византійскаго престола, сына Михаила Дуки. Она была еще ребенкомъ, но тѣмъ не менѣе ее заранѣе отправили въ Византію, чтобы дать ей греческое воспитаніе и образованіе, пріучить къ языку и обычаямъ и сдѣлать впослѣдствіи императрицею. Фактъ этотъ весьма важенъ, ибо онъ означаетъ, что Византійскій императоръ признавалъ фамилію Норманнскихъ завоевателей законными владѣтелями Апуліи и Калаб-

ріи. Елена, дѣйствительно, воспитывалась въ Византіи; но вскорѣ тамъ произошелъ переворотъ: Михаилъ Дука свергнутъ былъ съ престола и постриженъ; ясно, что предполагаемый бракъ не могъ состояться — Елена отослана была новымъ императоромъ въ Италію къ отцу. Это-то и подало поводъ Роберту Гвискару обратиться къ плану, по всей вѣроятности, давно уже созрѣвшему въ умѣ его. Онъ захотѣлъ отомстить за дочь и возстановить права предполагаемого зятя; онъ говорилъ, что пока не будетъ возстановленъ законный императоръ, онъ не заключитъ мира съ наслѣдникомъ его. Собираясь въ походъ, Робертъ просилъ благословенія и папы Григорія VII; здѣсь то произошло особенно тѣсное сближеніе между папою и Норманнскимъ владѣтелемъ. Знаменитый Отшельникъ мечталъ о Византійской коронѣ и самъ хотѣлъ потомъ продолжать борьбу съ Турками-Сельджуками въ Азіи.

Таковы были планы Роберта въ 1080 г. Знаменитый походъ былъ предпринятъ въ то самое время, когда папѣ Григорію VII грозила опасность со стороны Генриха IV, съ которымъ онъ началъ борьбу за инвеституру.

И такъ, положеніе вещей представляется въ слѣдующемъ видѣ: папа въ тѣсномъ союзѣ съ Норманнами; оружіе Роберта Гвискара направлено на Ви-

зантію. Теперешній Византійскій императоръ, Алексѣй, первый изъ династіи Комниновъ, въ виду угрожающей съ двухъ сторонъ опасности, ищетъ союза на западѣ — у Генриха IV, которому въ свою очередь обѣщаетъ помощь противъ Григорія VII и Норманновъ.

Такимъ образомъ, въ теченіи этого періода, съ 1018–1071 г. рѣшенъ былъ вопросъ о томъ, кто будетъ господствовать на южно-итальянскихъ земляхъ; съ одной стороны вытѣснена была отсюда Византія, которой нанесенъ значительный ударъ; съ другой — поражены вполнѣ и подчинены Норманнской власти Сарацины въ Сициліи.

Разсмотримъ теперь положеніе самой Византіи въ разбираемую нами эпоху; познакомимся съ обстоятельствами, которыя были причиною слабости ея и обусловили ту роль, которую она играла въ крестовыхъ походахъ.

Восточная Римская или Византійская имперія того времени должна была бороться съ напливомъ двухъ турецкихъ ордъ — мусульманской, Турко-Сельджукской съ одной стороны и языческой — Печенѣжской и Половецкой съ другой. Въ Азіи наваги пріобрѣли новую энергію вслѣдствіе подкрѣпленія и прилива новой силы — Турецкихъ кочевниковъ, ворвавшихся живою струею въ ослабѣвавшій мусульманскій міръ. Ихъ движеніе особенно

важно для Византіи, ибо оно является одновременнымъ съ движеніемъ другихъ Тюркскихъ ордъ въ самой Европѣ, со стороны Черноморскихъ южно-русскихъ степей. Извѣстно, что орды этихъ кочевниковъ, Печенѣговъ и Кумановъ или Половцевъ угрожали постоянно, при началѣ русской исторіи, Кіеву и другимъ городамъ древней Руси; имена ихъ постоянно встрѣчаются на страницахъ первоначальныхъ русскихъ лѣтописей. Былъ одинъ моментъ, что они получили, такъ сказать, всемірное значеніе въ исторіи и сдѣлали рѣшительное вторженіе въ ходъ ея, хотя, впрочемъ, это значеніе не надолго сохранилось за ними.*)

Печенѣги и Половцы позади ихъ, составляли громадную массу народа. Мы можемъ, пожалуй, не вѣрить показаніямъ Византійскихъ писателей, гдѣ количество варваровъ, способныхъ носить оружіе, исчисляется въ 600.000 человѣкъ; но во всякомъ случаѣ это была грозная сила, болѣе грозная, чѣмъ то можно предположить по первоначальной русской лѣтописи. По всей вѣроятности, ихъ не особенно привлекало завоеваніе небогатыхъ русскихъ областей и они отдѣлялись для него небольшими толпами, тогда какъ главная масса, подвигаясь къ Дунаю, осталась и расположилась

*) См. по вопросу о Печенѣгахъ статьи проф. В. Г. Васильевскаго „Византія и Печенѣги". Ж. М. Н. Пр. 1871 г.

кочевать въ областяхъ теперешней Румыніи, Молдавіи и Бессарабіи. Сначала Византійская политика, въ особенности кабинетная мудрость ученаго педанта Константина Багрянороднаго. Если Византія находится въ дружбѣ съ Печенѣжскою ордою, то, объясняетъ Константинъ Порфирогенитъ своему сыну, никто изъ ея враговъ не осмѣлится даже пошевелиться. Русскіе совсѣмъ не могутъ предпринять никакого похода внѣ своихъ границъ, если они не находятся въ мирѣ съ Печенѣгами; безъ позволенія Печенѣговъ они не могутъ приходить въ Константинополь ни для торговли, ни съ войною. Венгры, столько разъ испытавшіе пораженіе отъ Печенѣговъ, продолжаютъ питать къ нимъ слѣпую почтительную боязнь. Итакъ, если византійскій императоръ будетъ находиться въ мирѣ съ Печенѣгами, то ни Русскіе, ни Венгры не страшны для него - они даже не посмѣютъ просить слишкомъ большихъ подарковъ отъ Грековъ за свое мирное поведеніе. Иначе имъ можно погрозить Печенѣгами. Тоже самое и въ отношеніи Болгарскаго царства. Если Византійскій императоръ хочетъ быть страшнымъ для Болгаръ, онъ легко достигнетъ этого посредствомъ Печенѣговъ.

Дѣйствительно, все это было такъ до того времени, пока не произошли знаменитыя событія на югѣ Дуная. Извѣстный намъ уже Византійскій им-

ператоръ Василій II, прозванный Болгаробойцею, разрушилъ болгарское царство Самуила и опустошилъ эту богатую, нѣкогда цвѣтущую страну. Въ X и XI вѣкахъ Болгарія представляла изъ себя чисто славянскую державу, обширное государство на югѣ Дуная, почти въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ послѣ минувшей турецкой войны Россія хотѣла возстановить Болгарію (по Сан-Стефанскому договору.) Болгаре имѣли свою письменность, свою литературу, блестящій расцвѣтъ которой представляетъ время царя Симеона. Это была грозная сила, съ которою Византіи приходилось считаться и которую, по мнѣнію ея, несомнѣнно надо было уничтожить. Василію II, энергичному, суровому, непреклонному воину, послѣ долголѣтней и кровопролитной борьбы, удалось разрѣшить эту задачу: держава Самуила Болгарскаго была ниспровергнута, поля этой благодатной страны обезлюдѣли до того, что пришлось, какъ увидимъ ниже, заселять ихъ варварами кочевниками. Сохранился памятникъ, изображающій Василія II послѣ этихъ побѣдъ — это Псалтырь XI в. по обычаю Византійскому украшенная прекрасно сдѣланными миніатюрами. На первомъ листѣ изображенъ Василій II, съ крестомъ въ рукахъ, попирающій ногами Болгаръ. Съ высоты его благословляетъ Спаситель. Изображеніе

это является характеристическимъ показателемъ Византійскихъ воззрѣній: Спаситель, благословляющій Греческаго императора, стоящаго въ гордой, надменной позѣ и попирающаго ногами подобныхъ ему христіанъ-Болгаръ.

Побѣда надъ Болгарскою державою была полная и рѣшительная; но вслѣдствіе этого Византія очутилась теперь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дикими кочующими ордами Половцевъ и Печенѣговъ; пока свободная Болгарія заслоняла Византійскую державу отъ напирающаго варварскаго міра, все шло хорошо; когда отношенія измѣнились, когда плотина была не только прорвана, но и разрушена — Византія оказалась столь же мало способною удерживать волны турецкаго наводненія въ Европѣ, какъ и въ Азіи.

Вскорѣ, вслѣдствіе внутреннихъ смятеній въ средѣ самихъ кочевниковъ, два изъ тринадцати Печенѣжскихъ колѣнъ отдѣлились и вступили въ борьбу съ остальными одиннадцатью. Разбитые въ этой неравной борьбѣ, они долго блуждали въ горахъ и наконецъ предложили свои услуги Имперіи. Услуги эти были приняты и эти два колѣна, числомъ около 20 т. человѣкъ, составили первое варварское поселеніе въ предѣлахъ Византійской монархіи.

Очевидно, что и географическій харак-

Изд. Давыдова

теръ самой мѣстности за Дунаемъ и богатства страны привлекали ихъ больше, чѣмъ открытыя ихъ нападеніямъ, но бѣдныя русскія области, чѣмъ и объясняется быстрое исчезновеніе ихъ изъ предѣловъ Кіевской Руси. Нѣкоторые Византійскіе писатели сохранили намъ описанія характера, нравовъ, обычаевъ Печенѣговъ и Половцевъ. Вотъ какъ описываетъ печенѣжскіе набѣги на Византійскія провинціи знаменитый церковный писатель XI вѣка, Ѳеофилактъ Болгарскій:

„Ихъ набѣгъ — ударъ молніи, ихъ отступленіе тяжело и легко въ одно и то же время: тяжело — отъ множества добычи, легко — отъ быстроты бѣгства. Нападая, они всегда предупреждаютъ молву, а отступая, не даютъ преслѣдующимъ возможности о нихъ услышать. А главное, они опустошаютъ чужую страну, а своей не имѣютъ; если бы кто былъ сильнѣе Дарія Истаспа, если бы онъ навелъ мостъ на Истрѣ и сталъ искать Скиѳовъ*) — все одно, онъ безумно погнался бы за недостижимымъ. Они спрячутся въ скалахъ, прикроются густотою лѣса, а онъ будетъ блуждать по горамъ и рощамъ, которыхъ дикая суровость уступаетъ только дикой натурѣ преслѣдуе-

---

*) Византійскіе писатели безъ различія прилагаютъ это имя ко всѣмъ племенамъ, явившимся въ мѣстахъ, гдѣ прежде были Скиѳы. (Срв. тоже у Анны Комниной).

мысль; онъ будетъ зрителемъ той великой скиѳской пустыни, которая не осталась неизвѣстною и для пословицы. Если, вопреки природѣ вещей, онъ будетъ упорствовать, то и самъ погибнетъ, не столько заслуживъ сожалѣніе своимъ несчастьемъ, сколько осужденіе своимъ безрассудствомъ; а Скиѳы успѣютъ доказать, что они дѣти скалъ и дубовъ, будутъ наносить удары, сами имъ не подвергаясь, такъ что, по моему, если вѣрить миѳамъ, тотъ Гигесъ, который металъ стрѣлы изъ мрака, самъ не доступный имъ, былъ никто иной, какъ Скиѳъ. Жизнь мирная, для нихъ несчастіе, верхъ благополучія - когда они имѣютъ удобный случай для войны или когда насмѣются надъ мирнымъ договоромъ. Самое худшее то, что они своимъ множествомъ превосходятъ весеннихъ пчелъ, и никто еще не зналъ, сколькими ли тысячами или десятками тысячъ они считаются: число ихъ безчисленно.*)

Другой писатель XII в., Евстаѳій Солунскій, съ тою же напыщенностью и красотою слога, съ тѣми же антитезами, говоритъ о „Скиѳахъ своего времени:

„Это народъ, не имѣющій прочнаго постояннаго пребыванія, не знающій осѣдлой жизни, и потому не гражданственный. Всякою землею онъ стремится за-

---

*) Изъ рѣчи Ѳеофилакта Болгарскаго къ императору Ал. Комнину. (Migne. Cursus completus patrologiae. Seria Graeca t. 126, p. 287-306.)

владѣть, но ни одной не можетъ засе-
лить и посему — это народъ многоблуж-
дающій. Это летучіе люди, а потому
ихъ нельзя поймать. Они не имѣютъ
ни городовъ, ни селъ, оттого за ними
слѣдуетъ звѣрство. Не таковы даже кор-
шуны, плотоядный родъ и всѣмъ нена-
вистный; таковы развѣ грифы, кото-
рыхъ благодѣтельная природа удали-
ла въ мѣста необитаемыя, точно так-
же, какъ и Скиѳовъ. Волки обычаи воспи-
тали такихъ людей: дерзкій и прожор-
ливый, волкъ легко обращается въ бѣг-
ство, когда появится что-нибудь стра-
шное. Точно таковъ и народъ Скиѳскій;
если онъ встрѣтитъ мужественное соп-
ротивленіе, онъ озирается назадъ и об-
ращается въ бѣгство. Въ одно и то же
время онъ близокъ и уже далеко от-
ступилъ. Его еще не успѣли увидѣть,
а онъ уже скрылся изъ глазъ.*)

Въ обѣихъ характеристикахъ, въ сущности, конечно, правдивыхъ, не мало Византійской риторики. Не лишнее, поэтому, познакомиться съ болѣе точными замѣчаніями о бытѣ этихъ народовъ менѣе притязательнаго въ этомъ отношеніи еврейскаго путешественника Рабби Петахіи. Онъ видѣлъ Половцевъ во время своего путешествія изъ Регенсбурга въ Азію чрезъ Польшу, Кіевскую Русь, Крымъ

---

*) Изъ рѣчи Евстафія къ Исааку Ангелу. (Eustathii opuscula, ed. Tafel, p. 44.)

и т. д. около 1170 года. Въ сущности, бытъ этихъ кочевниковъ самъ по себѣ не заслуживалъ, конечно, особеннаго вниманія, но въ данное время они сдѣлались столь страшны своими набѣгами, что имя ихъ (Pincenates - Печенѣги), было на устахъ даже всего латинскаго запада Европы. То, что говоритъ Равви Петахія о Половцахъ (жителяхъ страны Кедаръ, во многомъ относится и къ Печенѣгамъ, единоплеменнымъ съ ними.

„Они (Половцы), не имѣютъ кораблей, но сшиваютъ вмѣстѣ десять растянутыхъ лошадиныхъ кожъ и веревку, которая прикрѣпляется по краямъ кругомъ; они садятся на кожи, помѣщая тутъ же свои телѣги и весь багажъ. Потомъ они привязываютъ веревку на краю кожъ къ хвостамъ своихъ лошадей, которыхъ пускаютъ вплавь, и такимъ образомъ, переправляются на другой берегъ." Византійскій писатель Никита Хоніатъ, который также говоритъ объ этомъ способѣ скиѳской переправы, замѣчаетъ, что кожаные мѣшки, наполненные соломою, были всегда такъ хорошо сшиты, что въ нихъ не проникала ни малѣйшая капля воды.

„Хлѣба не употребляютъ въ пищу въ землѣ Кедаръ, но ѣдятъ рисъ и просо, сваренные въ молокѣ, а также молоко и сыръ. Они кладутъ, сверхъ того, куски мяса подъ сѣдло лошади, на которой ѣдутъ и потомъ гонятъ ее, пока она не вспотѣетъ.

Мясо дѣлается теплымъ и они ѣдятъ его." „Печенѣги и Куманы, это народъ нечистый, который употребляетъ почти сырое мясо вмѣсто пищи и кобылье молоко вмѣсто питья, который ѣстъ кошекъ и всякую нечистоту"-говорятъ западные источники, почти съ такимъ же чувствомъ брезгливости и отвращенія, какое выражается на страницахъ русской первоначальной лѣтописи.

„Въ землѣ Кедаръ можно путешествовать только подъ охраною (under escort). Вотъ способъ, которымъ сыны Кедара заключаютъ взаимное обязательство вѣрности. Путешественникъ прокалываетъ иглою свой палецъ и приглашаетъ предполагаемаго спутника сосать кровь изъ раненаго пальца. Онъ дѣлается такимъ образомъ какъ бы одной плоти и крови со своимъ спутникомъ. Есть еще другой способъ вражь клятву. Мѣдный сосудъ, имѣющій форму человѣческаго лица, наполняется молокомъ; путешественникъ и его спутникъ пьютъ изъ него и послѣ этого никогда не бываютъ измѣны.

„Куманы не имѣютъ общаго властителя (king), но только князей и благородныя фамиліи. Они живутъ въ палаткахъ, чрезвычайно дальнозорки, обладая прекрасными глазами, потому что они не ѣдятъ соли и употребляютъ извѣстныя растенія. Они-отличные стрѣлки изъ лука и убиваютъ птицу

на лету. Они замѣчають и узнають предметы болье, чѣмъ на одинъ день разстоянія."

И такъ, два колѣна Печенѣговъ, въ количествѣ 20 т. человѣкъ, перешли за Дунай; императоръ Константинъ Мономахъ приказалъ правителю придунайскихъ городовъ открыть Печенѣгамъ свободный доступъ въ предѣлы имперіи, снабдить ихъ съѣстными припасами, а самого предводителя ихъ, Кегена, отправить съ почетомъ въ столицу. Печенѣжскій князь былъ принятъ благосклонно при пышномъ и церемоніальномъ дворѣ Мономаха. Обласканный императоромъ, грубый и неопрятный обитатель войлочныхъ кибитокъ получилъ благородный и славный нѣкогда титулъ римскаго патриція, также мало идущій къ нему, какъ мало шло названіе Римлянъ народу, въ число друзей и союзниковъ котораго, по старой формулѣ, онъ былъ вп[и]санъ. Новый патриціи далъ обѣщаніе отказаться отъ привольной кочевой жизни, принять христіанскую вѣру и склонить къ тому же своихъ сослуживцевъ, подвластныхъ ему. Печенѣгамъ между тѣмъ были отведены земли въ Придунайской Болгаріи; поселенные здѣсь, они должны были оберегать и защищать границы имперіи отъ нападеній своихъ соплеменниковъ и невсегда дружныхъ съ Византіей князей русскихъ. Три крѣпости на берегахъ Дуная от-

даны были въ руки печенѣжскихъ поселенцовъ. Принятые съ такимъ довѣріемъ, степные дикари не отказались исполнить благочестивое желаніе византійскаго императора и съ большою готовностью послѣдовали примѣру своего хана. Греческій монахъ Евфимій, прибывшій на Дунай вмѣстѣ съ Кегеномъ, безъ труда обратилъ въ христіанство, или по крайней мѣрѣ, окрестилъ въ дунайской водѣ цѣлыя тысячи Печенѣговъ. Успѣхъ этотъ можно оцѣнить по достоинству только тогда, когда сравнимъ его съ трудами католическаго миссіонера Бруно, называвшаго Печенѣговъ самыми упорными и жестокими изъ всѣхъ язычниковъ и успѣвшаго, въ теченіи пятимѣсячной проповѣди, обратить въ христіанство не болье тридцати человѣкъ.

Первое поселеніе варваровъ вызвало новое движеніе со стороны ихъ. Новая враждебная орда подвинулась изъ-за Дуная съ цѣлью отмстить соплеменникамъ и съ цѣлью грабежа. Суровою зимою 1048 года, когда въ Арменіи и Грузіи совершалось Турецко-Сельджукское движеніе, 800.000ая армія варваровъ переправилась въ предѣлы имперіи. Начались страшныя сцены грабежа и разбоя, но вскорѣ послѣдовало и наказаніе: Невоздержное употребленіе плодовъ, молодаго вина и славянскихъ національныхъ медовыхъ напитковъ, приготовляемыхъ Болгара-

ми, понравились Печенѣгамъ и, употребляемые въ несоразмѣрномъ количествѣ, произвели гибельное дѣйствие. Открылись повальныя болѣзни, производившія ежедневныя опустошенія въ печенѣжскихъ массахъ; остальное довершено было византійскимъ оружіемъ; тѣмъ не менѣе, впрочемъ, остальная масса, сдавшаяся въ плѣнъ, была поселена въ Болгаріи, все еще опустѣлой и нуждавшейся въ новыхъ силахъ. Около Срѣдца, (нын. Софіи) Ниша и т. д. отведены были имъ поселенія; съ цѣлью пріучить ихъ къ земледѣлію, имъ роздали даже косы, серпы и т. п. орудія, надѣясь, что впослѣдствіи можно будетъ собирать съ нихъ дань. Кромѣ того, поселеніе и готовность въ распоряженіи византійскаго правительства такой массы конниковъ считалась весьма выгоднымъ по отношенію къ наступающей массѣ Турокъ Сельджуковъ. Служба Печенѣговъ дѣйствительно скоро понадобилась. Сельджукскій султанъ Тогрилъ-бег (Тогрулъбегъ) грозилъ новымъ нападеніемъ византійскимъ владѣніямъ въ Малой Азіи. По этому поводу пятнадцать тысячъ печенѣжскихъ конниковъ были отправлены къ греческой арміи, стоявшей на армянской границѣ. Отпуская Печенѣговъ, Константинъ Мономахъ надѣлилъ ихъ щедрыми подарками, богатымъ оружіемъ и статными конями. Въ Скутари Печенѣги сѣли на лошадей и вспомнили свою привольную жизнь въ степяхъ Черноморья.

Конь, открытое пространство, война и грабежъ, все это они опять имѣли предъ собою. Но ощущение приволья смущалось мыслью о необходимости подчиняться чужимъ требованіямъ, воспоминаніемъ о братьяхъ, оставшихся въ далекой Болгаріи. Недовѣріе къ Византійскимъ властямъ и проводникамъ, смутныя опасенія о дальнемъ пути въ неизвѣстныя страны усилили пробудившуюся тревогу. Она разрѣшилась въ неожиданномъ, произвольномъ, инстинктивномъ порывѣ. Въ печенѣжскомъ отрядѣ произошло волненіе, послѣдовала остановка, вслѣдъ затѣмъ самъ собою составился коментъ (вѣче), результатомъ котораго было возвращеніе ихъ къ родичамъ, въ Болгарію.

Съ этого времени въ теченіи долгихъ лѣтъ Печенѣги дѣлаются постоянною грозою Имперіи, на которую почти ежегодно производятъ опустошительные набѣги. Преемники Константина Мономаха старались оттѣснить ихъ за Дунай и возстановить вновь на южномъ берегу его Византійское господство, но усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Слѣдомъ за Печенѣгами надвигается на имперію новая волна варваровъ — Узы или Огузы (Днѣпъ) извѣстные въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Торковъ.

Къ 1047–8 году относится первое столкновеніе Византійской военной си

лы съ полчищами Тогрулбека въ Армении, въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, которыя служили театромъ послѣдней Восточной войны.

Необходимо замѣтить, что успѣхи Сельджукидовъ въ Арменіи отчасти были обусловлены неразумною политикою самого императора Константина Мономаха, проведшаго двѣ такія мѣры, которыя нанесли ему существенный ущербъ.

На основании старыхъ документовъ, найденныхъ въ архивахъ Константинополя, онъ предъявилъ притязанія на часть Арменіи и это было первымъ ложнымъ шагомъ его политики по отношенію къ Востоку. Извѣстно, что въ то время Арменія и Грузія были раздѣлены на нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ владѣній изъ которыхъ одни стояли въ подчиненіи сассанидской державѣ, другія склонялись на сторону христіанской Византійской имперіи. Одинъ изъ такихъ независимыхъ Армянскихъ князей, Багратидъ Гагикъ, владѣлъ небольшою областью съ городомъ Ани*) (между Карсомъ и Эриванью), считавшемся столицею независимой Арменіи. На этотъ то городъ Константинъ Мономахъ и предъявилъ свои притязанія, на основаніи того, что онъ будто бы былъ обѣщанъ

*) Въ настоящее время развалины. Описаніе ихъ и исторію города см. у Броссе „Les ruines d'Ani".

еще Василію II Болгаробойцу, явившемуся сюда съ отрядомъ. Дѣйствительно, Василій II присоединилъ къ Имперіи Васпураканское царство, но это, очевидно, не возводило еще притязанія на Ани въ степень законнаго требованія. Тѣмъ не менѣе Константинъ Мономахъ упорно стоялъ на своемъ и, когда владѣтель Ани съ такимъ же упорствомъ продолжалъ доказывать противное, его обманомъ заманили въ Константинополь и оттуда отправили въ ссылку, предварительно расположивъ въ пользу Имперіи враговъ его. Такимъ образомъ, путемъ вѣроломства и обмана императоръ достигъ своей цѣли - Ани былъ присоединенъ къ Византіи. Но теперь Византіи нужно было защищать и это новое владѣніе свое отъ напора мусульманскихъ силъ, оживленныхъ приливомъ Турецкаго племени. На содѣйствіе же мѣстнаго населенія трудно было расчитывать, что, возмущенное вѣроломнымъ присоединеніемъ, оно далеко не сочувственно относилось къ Византіи.

Второю причиною, обусловившею успѣхи Турецкаго завоеванія, было распутное мотовство Константина IX въ соединеніи съ его набожнымъ благочестіемъ. Постройка великолѣпныхъ храмовъ, щедрыя дотаціи Софійскому клиру и наряду съ этимъ постройка не менѣе великолѣпнаго дворца для любовницы его Склерены требовали громадныхъ средствъ, а го-

сударственные доходы уменьшались вслѣдствіе смутнаго времени. Тогда императоръ изобрѣлъ слѣдующую мѣру по отношенію къ своимъ восточнымъ провинціямъ:

Уже давно въ Грузіи (Георгіи, Иверіи) и Арменіи, въ областяхъ, признававшихъ верховную власть Византіи, существовалъ обычай, что вмѣсто поземельныхъ и другихъ повинностей, не легкихъ самихъ по себѣ, а еще болѣе тяжелыхъ вслѣдствіе Византійской системы сбора, они несли повинности натуральныя, т.е. ставили опредѣленное, довольно значительное количество вооруженныхъ людей. Константинъ Мономахъ нашелъ нужнымъ, въ видахъ пополненія пустѣющей государственной казны, замѣнить эту натуральную повинность денежною. Мѣстное ополченіе было распущено, правительство стало требовать уплаты денежныхъ податей и съ этою цѣлью въ провинціи отправленъ былъ даже отличавшійся своею жестокостью и жадностью правитель. Пятидесяти тысячъ превосходнаго ополченія, которое стало бы защищать свою родину со всѣмъ упорствомъ патріотическаго одушевленія, не существовало по винѣ византійскаго правительства.

Эти-то двѣ предварительныя мѣры, предшествовавшія турецкому движенію, приготовили до извѣстной степени успѣхи Турокъ.

Поводомъ къ столкновенію между Византійскими войсками и арміею Сельджукидовъ послужило то обстоятельство, что одинъ изъ вождей, отправленныхъ Тогрилбеемъ, хотѣлъ пройти чрезъ вновь присоединенную къ Византіи провинцію Васпураканъ; ему непозволили сдѣлать это - результатомъ было военное столкновеніе. Въ это время отрядъ Турокъ - Сельджуковъ пробрался въ Арменію и осадилъ важный городъ Арзенъ; городъ этотъ славился своею многолюдностью (до 800 т. жителей), цвѣтущимъ состояніемъ своей торговли и своимъ значеніемъ. Въ немъ можно было встрѣтить купцовъ изъ Сиріи, Византіи, Египта; онъ терпѣлъ только одинъ недостатокъ, состоявшій въ томъ, что онъ былъ плохо защищенъ. Осажденный Турками Сельджуками, послѣ шестидневнаго упорнаго сопротивленія онъ все-таки долженъ былъ сдаться. Турецкій вождь Ибрагимъ приказалъ зажечь его и только благодаря этому овладѣлъ городомъ; часть жителей спаслась, но 140 т. погибло въ пламени. Этимъ варварскимъ разрушеніемъ беззащитнаго города ознаменовали новые повелители свой первый успѣхъ. Спасшіеся жители поселились въ сосѣдствѣ и основали новый городъ - Эрзерумъ (Арзенъ-эрумъ - Арзенъ римскій).

Но Турки еще не основались прочно въ Арменіи. Армянскій князь Орбеліани, при помощи правителей Ани и Арзена

одержалъ надъ ними побѣду и въ Сентябрѣ 1048 года они удалились.

Эти-то событія въ Арменіи и заставили Константина Мономаха привлечь къ службѣ вновь поселенныхъ въ предѣлахъ имперіи Печенѣговъ. Намъ уже извѣстны результаты, къ которымъ привела отправка Печенѣжскаго отряда, вооруженнаго и обмундированнаго на средства Византійскаго государственнаго казначейства - дикіе сыны степей предпочли соединиться съ братьями своими и сдѣлаться вновь врагами пріютившей ихъ имперіи.

На нѣкоторое время заключено было перемиріе и Византія отдохнула отъ страха по крайней мѣрѣ со стороны Сельджукидовъ; Константинъ Мономахъ обѣщалъ даже возобновить существовавшую въ Константинополѣ, но закрытую мусульманскую мечеть. Но въ 1053 году перемиріе было нарушено; самъ Тогрилбегъ, лично предводительствуя войсками Турокъ, направилъ свои враждебныя дѣйствія противъ крѣпости у верховьевъ Дуная; направленныя противъ него войска имперіи потерпѣли неудачу.

Въ 1059 году на престолъ Византіи восходитъ <u>Константинъ X Дука</u>, наслѣдникъ родоначальника знаменитой династіи Комниновъ, Исаака, передавшаго престолъ не брату своему, но другу - Константину X-му. Наступательное движеніе Турокъ вновь возобно-

вляется, особенно съ того момента, когда одинъ недовольный Грузинскій владѣтель указалъ имъ путь къ Армянскимъ городамъ Карсу и Лори. Константинъ Дука, заботившійся гораздо болѣе о финансовой части государственнаго управленія, обращалъ мало вниманія на дѣйствія Турокъ и расширенія ихъ военныхъ операцій; онъ не двинулся даже и тогда, когда они подошли къ Евфрату, къ собственно Византійской границѣ. Знаменитая Эдесса, за которую и раньше происходила борьба съ Сарацинами, подверглась Турецкому нападенію. Движеніе въ Азіи продолжалось и пріобрѣло еще болѣе сильную энергію, когда войскомъ сталъ предводительствовать племянникъ Тогрилбея – Албпъ-Арсланъ изъ простыхъ правителей возвысившійся до званія султана. Опираясь на Суннитовъ, новый повелитель Турокъ встрѣчалъ всеобщее сочувствіе. Онъ успѣлъ подчинить своей власти Сирію и Палестину, гдѣ были уже упомянутые выше Хамданиды. Султанъ этотъ открываетъ новую эру борьбы съ Византіей и является основателемъ того жестокаго способа веденія войны, примѣръ котораго мы видимъ въ разрушеніи и истребленіи города Арзена. Избіеніе мужскаго населенія, уводъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабежъ и сожженіе городовъ и селъ – таковы были характеристическіе признаки ихъ набѣговъ.

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

Нѣкогда цвѣтущія, роскошныя мѣстности Грузіи были разрушены и опустошены; потерянныя для культуры, они представляли изъ себя въ теченіе долгихъ вѣковъ безплодныя, разоренныя пустыни.

Въ 1064 г. гроза направилась противъ Ани, недавно присоединеннаго къ Византіи; упорное сопротивленіе, оказанное жителями города, не привело ни къ чему; онъ долженъ былъ все таки сдаться и подвергся участи другихъ покоренныхъ городовъ. Землетрясеніе, довершившее дѣло завоевателей, окончательно стерло съ лица земли этотъ городъ, какъ населенное мѣсто и теперь отъ него сохранились одни лишь развалины.

Успѣхи Турецкаго оружія въ Арменіи повели къ тому, что жители ея массами начали выселяться въ малоазіатскія области Византійской имперіи; правительство само отводило имъ даже мѣста поселенія, по преимуществу въ Киликіи, гдѣ и возникло то Армянское царство, которое имѣло такое огромное значеніе въ эпоху перваго крестоваго похода — Малая Арменія, существующая и до сихъ поръ. Кромѣ того, предполагаютъ, что Армяне появились около этого же времени въ Кіевѣ, а также въ Польскихъ и Румынскихъ областяхъ, но это, впрочемъ, не можетъ быть признано несомнѣннымъ историческимъ фактомъ.

Всеобщее разореніе христіанскихъ областей продолжалось. Алпъ-Арсланъ перенесъ свои дѣйствія на Евфратъ, по направленію къ Кесаріи Каппадокійской и разорилъ ее.
1064 годъ и съ другой стороны является роковымъ годомъ для имперіи. Къ этому году относится переселеніе въ предѣлы Византійской монархіи родственнаго Сельджукамъ племени Узовъ (Торковъ русскихъ лѣтописей). Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ они явились на Дунаѣ. Это было цѣлое переселеніе; племя, въ числѣ 600 т. со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны. На челнокахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ, на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ соломой, Узы переплыли на Византійскій берегъ. Болгары и Греки, которые хотѣли удержать ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро наводнила она болѣе отдаленныя области имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на югозападъ; Солунская область и самая Эллада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ Х, услыхавъ о страшномъ событіи, совсѣмъ потерялъ голову; казалось совершеннымъ безуміемъ пытаться противопоставить военную силу

имперіи этимъ миріадамъ свирѣпыхъ хищниковъ, изъ коихъ каждый почти родился на лошади и выросъ съ лукомъ и копьемъ въ рукахъ. Самыя сокровища казны императорской, столько разъ спасавшія Византію, казались недостаточными въ виду необозримой массы враговъ. Только понуждаемый народнымъ ропотомъ, обвиняющимъ его въ скупости, императоръ отправилъ посольство къ предводителю Узовъ; щедрыми подарками и еще болье щедрыми обѣщаніями онъ старался склонить ихъ къ мирнымъ чувствамъ и убѣждалъ воротиться опять за Дунай. Нѣсколько знатныхъ Узовъ, привлеченныхъ щедростью императора и богатствомъ его казны, явились, по приглашенію императора, въ Константинополь и были здѣсь приняты съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Но все это мало помогло. Въ опустошенной еще Печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ, они стремились все впередъ. Македонія и Өракія пострадали подобно Солунской области: набѣги кочевниковъ доходили почти до стѣнъ Константинополя. Горесть и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Въ Византіи объявленъ былъ всенародный постъ и покаяніе, чтобы умилостивить раз-

гнѣванное правосудіе Божіе; крестные ходы въ столицѣ повторялись ежедневно, самъ императоръ принималъ въ нихъ участіе и плакалъ въ видѣ сокрушенной души. Не смотря на это сочувствіе къ народному бѣдствію, положеніе Константина Дуки во дворцѣ Влахернскомъ сдѣлалось невыносимымъ. Византійцы привыкли смотрѣть на бѣдствія общественныя, какъ на казнь Божію за грѣхи правителей; образованный и умный историкъ этого времени (Атталіота) отмѣчаетъ именно здѣсь это воззрѣніе и выражаетъ ему нѣкоторое сочувствіе. Константинъ Дука, непопулярный за суровость во взысканіи всѣхъ податныхъ недоимокъ, сдѣлался предметомъ саркастическихъ насмѣшекъ у толпы, перешедшей отъ религіознаго умиленія къ дерзкимъ демонстраціямъ. Скрываясь отъ народнаго негодованія, императоръ оставилъ столицу и съ небольшой свитой остановился въ своемъ загородномъ имѣніи.

Между тѣмъ опасность уменьшалась уже сама собою; обычное слѣдствіе варварской неумѣренности и невоздержности — въ многолюдныхъ улусахъ уже свирѣпствовали повальныя болѣзни. За изобиліемъ, вызвавшимъ излишества, послѣдовалъ недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ, затѣмъ голодъ и эпидемія, какъ это уже было съ Печенѣгами. Необозримое число пришельцевъ быстро сократилось подъ ударами

этихъ бичей. Остальные, разбитые физически и морально, легко сдавались въ плѣнъ Болгарамъ и Печенѣгамъ или были раздавлены подъ колесами телѣгъ и копытами лошадей.

Императоръ съ торжествомъ вернулся въ столицу, но избавленіе отъ страшнаго врага справедливо приписывалось одному Богу, потому что храбрость войска или умѣнье его вождей нисколько въ томъ не участвовали. Въ народѣ говорили о чудѣ; разсказывали, что въ тотъ самый день, когда въ Константинополѣ совершался крестный ходъ, отрядъ Узовъ былъ прогнанъ невидимою силою, воздушнымъ войскомъ, которое метало свои стрѣлы и не оставило ни одного врага неуязвленнымъ.

Тѣмъ не менѣе, количество уцѣлѣвшихъ отъ этихъ видимыхъ и невидимыхъ казней Узовъ было еще весьма значительно. Часть ихъ поступила на службу Византійскаго императора, получивъ въ надѣлъ казенныя земли въ Македоніи; другая часть, перебравшись вовремя обратно за Дунай, разсѣялась тамъ и, по всей вѣроятности, встрѣчается и въ южной Руси въ подчиненіи русскимъ удѣльнымъ князьямъ.

*) "Въ 1067 году шестидесятилѣтній Константинъ Дука окончилъ свое-

---

*) Нижеслѣдующій отрывокъ заимствованъ нами изъ [illegible]

безславное правленіе. Уже въ довольно зрѣлыхъ годахъ онъ вступилъ во второй бракъ съ молодою, прекрасною и отлично образованною Евдокіею Макремболитиссою, отъ которой имѣлъ шесть сыновей. Чтобы упрочить за тремя изъ нихъ, Михаиломъ, Андроникомъ и Константиномъ, престолъ имперіи, онъ короновалъ ихъ заранѣе. При своей кончинѣ онъ передалъ правленіе и опеку надъ

мецкаго сочиненія Герцберга: Hertzberg: „Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches", помѣщеннаго въ извѣстномъ сборникѣ Онкена „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen". Авторъ этого труда, занимавшійся и прежде древнею исторіею Греціи и средневѣковою исторіею Византіи (по этому отдѣлу существуетъ его капитальное сочиненіе: „Geschichte Griechenland's im Mittelalter".) задумалъ теперь написать исторію средневѣковой Византіи, не какъ греческой земли, а какъ Восточной Римской имперіи. Это второе понятіе существенно разнится отъ перваго и, очевидно, болѣе обширно, ибо въ составѣ имперіи входило много народностей — Армянская, Италіянская, Болгарская, Славянская; такимъ образомъ, излагая исторію Имперіи, имѣвшей притязанія на универсальность, исключительно греческая точка зрѣнія была бы невозможна и неумѣстна. И авторъ, дѣйстви

нями Евдокіи, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы она дала письменное, въ руки патріарха Іоанна Ксифилина отданное обѣщаніе, никогда вновь не выходить замужъ. Одновременно съ этимъ синклитъ (государственный совѣтъ въ свою очередь принесъ клятву не признавать иного государя, кромѣ сыновей Дуки. Впрочемъ, всѣ эти предосторожности императора, какъ увидимъ ниже, не привели ни къ чему.

Регентша Евдокія съ рвеніемъ предалась дѣламъ правленія, но вскорѣ увидала, что силы ея оказываются недостаточными въ виду угрожающей съ одной стороны опасности Турецкаго нашествія и съ другой - внутреннихъ раздоровъ и интригъ среди приближенныхъ къ трону вельможъ. Население столицы желало также втораго брака правительницы; нако-

---

тельно, руководствуется этой второй, болѣе обширной точкой зрѣнія, хотя не достаточно оцѣниваетъ значеніе имперіи и понимаетъ дѣло менѣе широко и глубоко, чѣмъ бы слѣдовало. Впрочемъ, какъ общедоступное и толковое руководство по исторіи Восточной имперіи оно имѣетъ существенное значеніе въ исторической литературѣ. До сихъ поръ вышло въ свѣтъ два выпуска съ приложеніемъ художественныхъ снимковъ (рисунки въ книгахъ, узоры матерій, капители колоннъ и т. п. Второй выпускъ оканчивается эпохою Комниновъ.

нецъ, колебанія красивой женщины, которая, несмотря на свой почти сорокалѣтній возрастъ, обладала живымъ и страстнымъ темпераментомъ, разрѣшились благодаря чисто романическому случаю.

При Константинѣ X еще въ Тріадицѣ былъ правителемъ одинъ каппадокійскій рыцарь, тридцатилѣтній Романъ Діогенъ, отличавшійся великолѣпнымъ тѣлосложеніемъ, бурною храбростью, неразумною страстностью и горячимъ честолюбіемъ. Вскорѣ послѣ того, какъ правленіе перешло въ руки Евдокіи, онъ составилъ заговоръ противъ новаго порядка вещей и, какъ измѣнникъ, приведенъ былъ въ столицу. Но здѣсь правительница, увидавъ его, влюбилась въ него такъ страстно, что подарила ему полное прощеніе. Въ столицѣ думали еще, что это было сдѣлано съ цѣлью сохранить для Каппадокіи храбраго вождя противъ Турокъ, когда внезапно всѣ поражены были нежданною вѣстью. Евдокія съ женскою хитростью выманила у патріарха Ксифилина свое письменное обѣщаніе; она увѣрила его, что хочетъ отдать свою руку и престолъ одному изъ близкихъ родственниковъ патріарха, и когда этотъ послѣдній не только отдалъ ей бумагу, но уговорилъ и синклитъ признать мужа ея императоромъ, тогда она объявила всенародно, что выборъ ея палъ на Романа Діогена.

Въ тяжелую минуту вступалъ

на царство новый императоръ, изъ темницы непосредственно перешедшій на ступени трона, окруженнаго явными и тайными врагами его. Сыновья жены смотрѣли на него съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ. Дядя малолѣтняго императора, братъ умершаго Константина, Іоаннъ Дука, самъ имѣвшій двухъ взрослыхъ сыновей, былъ врагомъ его, Ioч но также, какъ естественнымъ врагомъ являлся и обманутый патріархъ Ксифилинъ; но больше всего злобы питалъ противъ него Михаилъ Пселлъ, воспитатель малолѣтняго Михаила VII Дуки.

Тяжелое положеніе во дворцѣ и столицѣ заставило новаго императора искать выхода изъ него въ походѣ противъ Турокъ, разорявшихъ византійскія области на Востокѣ и уже подвигавшихся къ р. Галису (Halys), къ самому сердцу Малой Азіи. Три похода предпринималъ Романъ Діогенъ; и послѣдній изъ нихъ окончился рѣшительной неудачей. Столкновеніе произошло около озера Вана, при Манцикертѣ. Вновь встрѣчаемъ мы въ числѣ Византійскаго войска Печенѣговъ, но на ряду съ ними и новый элементъ — Франковъ, рыцарей-искателей приключеній (между прочимъ Hervé и Bailleul); во время самаго разгара битвы, печенѣжскій отрядъ перешелъ на сторону враговъ. Но не этотъ фактъ окончательно рѣшилъ ходъ сраженія: Романъ Діогенъ былъ раненъ, попался въ плѣнъ и это было

главною причиною пораженія Византій скаго войска. Императоръ долженъ былъ подвергнуться униженію — на спину его бы ла возложена пята побѣдителя; впрочемъ, кромѣ исполненія этого унизительнаго обряда, султанъ отнесся къ Роману бла госклонно, заботился о его леченіи и даже заключилъ съ нимъ довольно выгодный для имперіи мирный договоръ.

Но этимъ не окончились еще превратности жизни несчастнаго императора. Возвращаясь изъ плѣна, онъ былъ встрѣченъ врагами своими; во время его отсутствія, въ столицѣ произошелъ переворотъ, въ которомъ участвовали и патріархъ, и Михаилъ Пселлъ. На престолъ возведенъ былъ Михаилъ VII Парапинакъ; противъ свергнутаго Романа Діогена высланы были дѣти Іоанна Дуки; онъ былъ схваченъ и жестоко ослѣпленъ, такъ что не перенесъ операціи и умеръ.*)

Попытки его остановить Турецкое движеніе оказались безуспѣшными. Мстителемъ за его смерть провозгласилъ себя Альпъ-Арсланъ, воспользовавшійся этимъ случаемъ, чтобы продолжать свои наступательныя дѣйствія, первымъ изъ которыхъ было завоеваніе Каппадокіи.

Такимъ образомъ, съ 1071 года на

---

*) Между прочимъ, воспитатель Михаила VII писалъ къ ослѣпленному и свергнутому императору замѣчательное письмо, которое будетъ приведено нами ниже.

престолъ имперіи мы видимъ Михаила VII Дуку, прозваннаго Парапинакомъ (1071-1078.), неспособнаго ученика великаго Пселла, въ лицѣ котораго мы имѣемъ главнаго и лучшаго представителя Византійской учености и Византійскаго образованія въ XI вѣкѣ. Его біографія, по этому заслуживала бы особаго вниманія; ее можно найти въ статьѣ A. Rambo: „Michel Psellos, philosophe et homme d'état du XI siècle," помѣщенной въ журналѣ Revue Historique за 1877 годъ.

Константинъ, въ монашествѣ — Михаилъ Пселлъ родился въ Константинополѣ въ 1018 г. Отецъ его происходилъ изъ семейства „патриціевъ и консуловъ", но, не обладая значительными матеріальными средствами, занимался мелкою торговлей. Большое вліяніе на жизнь и судьбу Пселла имѣла его мать, которую самъ онъ называетъ „не помощницею отца, но вождемъ, которому принадлежала иниціатива во всѣхъ важныхъ дѣлахъ". Благодаря ей, Пселлъ могъ продолжать ученье, вмѣсто того, чтобы заняться какимъ либо ремесломъ, какъ того хотѣли остальные родственники его. Но матеріальные недостатки все таки сдѣлали свое и, окончивъ школьное образованіе, Пселлъ не имѣлъ средствъ идти далѣе; высшія учебныя заведенія той эпохи находились въ та-

комъ упадкѣ, что профессора принуждены были жить уроками; на гонораріи имъ не хватало средствъ у матери Михаила, имѣвшей, кромѣ него, еще дочь, для которой надо было копить приданое. Шестнадцати лѣтъ, Пселлъ изъ крайности долженъ былъ взять мѣсто клерка при одномъ высокопоставленномъ лицѣ, отправлявшимся въ провинцію на должность судьи. Впрочемъ, онъ пробылъ тамъ недолго; родители его, потерявъ свою дочь, призвали его обратно, ибо матеріальныя преграды къ образованію, со смертью этой послѣдней не существовали болѣе. Уроки профессоровъ могли быть оплачиваемы и мы вновь видимъ Пселла прилежно и неустанно занимающагося наукою. Окончивъ курсъ философіи и пожелавъ изучить право, Пселлъ, не имѣя средствъ платить профессорамъ, условился со студентомъ Іоанномъ Ксифилиномъ (будущимъ патріархомъ), изучившимъ право и желавшимъ знать философію. По окончаніи этого взаимнаго обученія, Пселлъ сначала выступаетъ какъ краснорѣчивый и остроумный адвокатъ и наконецъ поступаетъ и на государственную службу.

Своему школьному товарищу, Константину Ликудису обязанъ былъ Пселлъ сначала назначеніемъ на должность судьи, а наконецъ и прикомандированіемъ ко дворцу въ качествѣ помощни-

ла государственнаго секретаря; своей собственной ловкости, искусству къ придворной интригѣ и рекомендаціи того же Ликудиса обязанъ онъ былъ досрочениемъ званія министра при Константинѣ Мономахѣ.

„Едва только вступивъ на престолъ, онъ сдѣлалъ меня министромъ, далъ мнѣ высокое положеніе, не скрылъ отъ меня ничего, ни своихъ оффиціальныхъ мѣропріятій, ни тайныхъ своихъ продуктовъ.....“ говоритъ самъ Пселлъ объ императорѣ.

Между тѣмъ реформаціонная партія, главой которой былъ Ликудисъ, проводила съ успѣхомъ идею административной реорганизаціи. До сихъ поръ, при раздачѣ государственныхъ должностей, обращалось преимущественное вниманіе на благородство происхожденія; новая партія добилась того, чтобы только строгіе экзамены открывали доступъ къ высшимъ ступенямъ административной іерархіи: съ этого времени имперія принадлежала ученымъ. Пселлъ одинъ изъ первыхъ воспользовался проведенной съ помощью его реформой. Онъ былъ назначенъ вестархомъ или великимъ канцлеромъ и первымъ секретаремъ или министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Что касается науки, то образованные совѣтники Константина Мономаха побудили его вновь открыть университетъ

столицы; императорскіе министры, впрочемъ, сами не пренебрегали каѳедрой и Пселлъ сдѣлался профессоромъ философіи, принявъ оффиціальный титулъ консула философовъ (ὕπατος τῶν φιλοσόφων), который соотвѣтствуетъ титулу ректора или декана современныхъ университетовъ.

На каѳедрѣ Пселлъ комментировалъ Демосѳена и Лисіаса, Аристофана и Менандра, говорилъ не только о Греціи, но и о древнемъ Египтѣ и Халдеѣ; въ настоящее время однимъ греческимъ ученымъ изданъ текстъ четырехъ изъ его „гомеровскихъ аллегорій"; ему первому принадлежитъ честь вывести изъ забвенія Платона, котораго онъ называетъ „величайшимъ изъ философовъ, провозвѣстникомъ христіанства".

Но просвѣщенное министерство Константина Мономаха вскорѣ распадается; всѣ трое изъ его друзей и сподвижниковъ постригаются въ монахи, удалившись отъ государственныхъ дѣлъ. Пселлъ еще нѣкоторое время находится при дворѣ, но вскорѣ, побуждаемый письмами Ксифилина и постигшей его самого тяжкой болѣзнью, удаляется точно также на гору Олимпъ и постригается въ монахи.

Но праздная и созерцательная жизнь монастыря не создана была для живой и подвижной натуры нашего ученаго философа. Постъ и воздержаніе были

слишкомъ тяжелы для его слабаго здоровья. Наконецъ, тоска по своей семьѣ, по городѣ, по самой почвѣ Константинополя, начала овладѣвать имъ и онъ сбросилъ монашескую одежду и возвратился въ Византію.

Далѣе, мы встрѣчаемъ Михаила Пселла послѣдовательно въ роли повѣреннаго и, такъ сказать, адвоката новаго императора Михаила VI предъ возмутившимся Исаакомъ Комнинымъ, въ роли предсѣдателя сената и министра этого Комнина, сдѣлавшагося императоромъ и наконецъ министромъ преемника его, Константина X Дуки, учителемъ и воспитателемъ сына и наслѣдника его Михаила.

Для своего питомца, будущаго императора, Пселлъ составлялъ свои знаменитые учебники по философіи и риторикѣ, даже по юриспруденціи, излагая начала Римскаго права въ стихахъ для облегченія своего ученика, даже по естественнымъ наукамъ: послѣднимъ посвящено сочиненіе, написанное въ вопросахъ и отвѣтахъ; въ немъ разрѣшаются вопросы, относящіеся къ строенію неба и вселенной, къ физіологіи человѣческаго тѣла, къ явленіямъ природы, каковы землетрясенія, вѣтры, бури и затмѣнія солнечныя и лунныя. Кстати можно замѣтить, что во всемъ этомъ весьма мало самостоятельнаго и новаго, а преобладаютъ заимствованія

изъ древне-классическихъ писателей. Но вездѣ таковъ вообще характеръ и таково значеніе Византійской литературы и науки. Византійцы удачно названы библіотекарями человѣчества. Какъ библіотекари они копили для другихъ, для будущихъ временъ драгоцѣнное наслѣдство древности; они не были представителями оригинальной мысли и оригинальнаго творчества. Собственно науку они, можетъ быть, еще менье подвинули впередъ, чѣмъ арабы; въ медицинскихъ трактатахъ, принадлежащихъ младшимъ современникамъ Пселла, находятъ даже заимствованія изъ арабскихъ источниковъ. По видимому, ближе и доступнѣе было для Византійцевъ живое содержаніе древне-языческой философіи; но и здѣсь давно господствовало совершенное омертвѣніе и схоластика. Пселлу, какъ уже сказано выше, принадлежитъ заслуга воскресить и ввести въ честь Платона; но весьма характеристично, что даже изученіе этого философа, которому христіанство такъ много обязано, показалось опаснымъ для духовенства и Пселлъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе, даже почти гоненіе.

Вообще Византійская литература и образованіе имѣли мало жизненности, не имѣя опоры и корней ни въ народѣ, ни въ достаточно многочисленномъ свѣтскомъ обществѣ.

Лит. Фомина, Гороховая, 17.

Все держалось Константинополемъ, покровительствомъ двора и придворныхъ круговъ. Кромѣ духовенства писатели выходятъ изъ рядовъ придворной и служебной аристократіи. Самый органъ литературы - Византійскій языкъ - созданіе чисто искусственное; слова, цѣлыя фразы и обороты, равно какъ манера и стиль - заимствованныя и пріобрѣтенныя школьнымъ изученіемъ. Народъ не говоритъ тѣмъ языкомъ, которымъ пишетъ Пселлъ*) и другіе, оторванные отъ почвы, не Греческіе, но греко-Византійскіе ученые XI вѣка. Они дорожатъ наслѣдіемъ, полученнымъ отъ древности, быть можетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе у нихъ своего, самобытнаго. Изъ соединенія древне-классическаго преданія съ возрѣніями и культурой христіанской получается какая-то пестрая окраска, которая служитъ характернымъ признакомъ Византійской образованности. Нѣтъ болѣе ста-

*) Какъ образецъ этого языка и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ весьма характерное доказательство изворотливаго ума Пселла и его хитрой политики, приводимъ знаменитое письмо, адрессованное имъ несчастному императору Роману Діогену, нѣсколько времени спустя по его ослѣпленіи. Припомнимъ при этомъ, что Пселлъ, какъ учитель и воспитатель Михаила VII, былъ участникомъ переворота,

Изд. М. Рабкина.

раго эллинскаго духа, нѣтъ литерату-
ра, выросшей подъ вліяніемъ демократи-
ческой свободы древнихъ республикъ. Здѣсь
доживаютъ традиціи Римской Импе-

низвергнутаго съ престола Романа Діоге-
на:

„Благороднѣйшій и лучшій изъ
людей," пишетъ нашъ ловкій философъ-
политикъ; „не знаю, долженъ ли я сожа-
лѣть въ тебѣ несчастнаго смертнаго или
прославлять мученика. Если я буду раз-
сматривать постигшія тебя несчастья,
количество которыхъ превышаетъ мѣ-
ру вѣроятія, то я долженъ назвать
тебя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ;
если я помыслю о невинности твоей ду-
ши, направленной къ добру, я долженъ
причислить тебя къ мученикамъ.....
(затѣмъ слѣдуетъ философское размы-
шленіе о земномъ свѣтѣ, котораго
лишенъ Діогенъ и о вѣчномъ свѣтѣ,
приготовленномъ для него.) Клянусь же-
вѣ всѣмъ, что есть святаго, предъ Богомъ,
любящимъ правду, что душа императо-
ра невинна въ твоемъ несчастьи, невинна
въ томъ, что произошло. Онъ былъ впол-
нѣ увѣренъ, что тебѣ не будетъ сдѣлано
никакого зла, когда все это случилось.
Когда онъ узналъ объ этомъ, онъ почув-
ствовалъ горькую печаль; онъ испускалъ
громкіе стоны, рыдалъ, билъ себя въ грудь,
пролилъ ручьи слезъ, молилъ землю по-
глотить его. Ты можешь вѣрить тому,

ріи последнихъ временъ въ связи съ восточнымъ деспотизмомъ.

Византійскіе ученые, стоящіе гораздо выше западныхъ по образованію и просвѣщенію, обладаютъ тѣмъ не менѣе въ гораздо слабѣйшей степени этими началами личной свободы, тѣмъ, такъ сказать, чувствомъ собственнаго достоинства, которое такъ характеризуетъ романо-германскій западъ. Отраженіе всего этого мы видимъ въ панегирикахъ, которые между прочимъ, писалъ и Пселлъ. Языкъ его, обыкновенно цвѣтистый и напыщенно-искусственный, заходитъ здѣсь за предѣлы воз-

---

что я пишу; слова эти не продиктованы мнѣ; это правда, ясная, какъ Божій день. По крайней мѣрѣ, ты имѣешь утѣшеніе, что государь твой любитъ тебя, что онъ самый почтительный изъ сыновей; онъ плакалъ о тебѣ, онъ будетъ утѣшать, поддерживать, обнимать тебя, почитать тебя, какъ отца.

Что касается до меня, то я хотѣлъ бы написать это письмо слезами и кровью; такъ какъ это было невозможно, то я написалъ его, какъ могъ, плача и сожалѣя о томъ, что, несмотря на мое желаніе и старанія, я не могъ предупредить твое несчастье."

(Сава. Bibliotheca Graeca Medii Aevi, t V, p. 316; франц. переводъ Рамбо въ упомянутой статьѣ).

морнаго. Такъ, одинъ изъ панегириковъ Константину Мономаху прямо начинается словами: „Царь-солнце"…. и ораторъ проводитъ параллель между солнцемъ и Константиномъ, причемъ всѣ преимущества остаются на сторонѣ послѣдняго.

Впослѣдствіи, впрочемъ (въ мемуарахъ Пселла) Константинъ, оставаясь солнцемъ, уже не „наполняетъ, въ апогеѣ своего теченія, всю землю своими лучами", но „затемненное тучами, бросаетъ лишь слабый свѣтъ на зрителей"…

Но воспитатель молодаго императора, воспитатель, подобнаго которому нельзя было найти на всемъ Западѣ, полигисторъ, ораторъ и философъ, въ извѣстной мѣрѣ провозвѣстникъ эпохи Возрожденія и идей XVIII вѣка, не образовалъ въ ученикѣ своемъ достойнаго себѣ послѣдователя. Неспособный ученикъ своего знаменитаго учителя, Михаилъ VII Дука оказался неумѣлымъ правителемъ и перешелъ въ исторію съ унизительнымъ прозваніемъ <u>Парапинака</u>, напоминающимъ одинъ изъ его поступковъ, несовмѣстныхъ ни съ достоинствомъ императора, ни съ умѣньемъ правителя.*)

*) Прозваніе это, происходящее отъ слова обмѣривать, обвѣшивать, онъ получилъ послѣ того, какъ, скупивъ въ урожайный годъ большое количество хлѣба, въ голодный велѣлъ продавать его изъ государственныхъ скла-

Вообще, тяжесть внутренняго управленія, система сбора податей, отличавшаяся правильностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыносимымъ гнетомъ ложившаяся на народъ, вслѣдствіе вымогательства чиновниковъ, покровительство этимъ взяткамъ даже на ступеняхъ трона - все это возбудило среди населенія, задушеннаго поборами, рядъ возстаній. Питомцу Византійской кабинетной мудрости приходилось не легко на своемъ императорскомъ престолѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ внѣшними врагами и колеблемомъ внутренними смутами.

По отношенію къ внѣшнимъ врагамъ, Михаилъ VII, впрочемъ, постарался обезпечить себя путемъ мирныхъ договоровъ. Такъ, извѣстно уже, что онъ искалъ союза Роберта Гвискара и, для скрѣпленія этого союза, просилъ руки малолѣтней дочери его для Константина, своего сына и наслѣдника. Со стороны гордой Византійской державы, фактъ этотъ означалъ признаніе тѣхъ потерь, которыя понесла она; бывшій искатель приключеній, съ горстью людей явившійся изъ Нормандіи, угонявшій нѣкогда стада чужаго скота для своего пропитанія, долженъ былъ сдѣлаться родственникомъ перваго монарха въ мірѣ. Намъ извѣстно уже, чѣмъ окончились

довъ не только по увеличенной цѣнѣ, но и по неправильной мѣрѣ.

эти мирные переговоры и какъ рушился предполагаемый союзъ.*)

Съ сѣвера имперіи вновь грозила опасность отъ кочевниковъ, подходившихъ даже къ самой Византіи. Михаилъ VII обратился за помощью опять на Западъ, къ Григорію VII, съ 1073 года занимавшему папскій престолъ. Предлагая вмѣстѣ съ своею дружбою проэктъ соединенія церквей, императоръ настолько расположилъ папу въ свою пользу, что послѣдній намѣренъ былъ лично идти на помощь Византіи и грамотами приглашалъ къ содѣйствію западно-христіанскихъ, по преимуществу французскихъ государей. Язычники, о которыхъ говорится въ этихъ грамотахъ и противъ которыхъ собирался идти Григорій VII съ христіанскимъ ополченіемъ, есть Половцы и Мусульмане, гдѣ на Западѣ одинаково разумѣли подъ именемъ „поганыхъ" („paдani" и дѣйствительно язычниковъ и послѣдователей Магомета. Византія, впрочемъ, прилагала это имя по преи-

---

*) Существуютъ два письма, сочиненія Пселла, недавно найденныя и изданныя на греческомъ языкѣ. Въ нихъ, отъ лица Михаила VII высказывается предложеніе союза какому-то государю равной вѣры и одного обряда съ императоромъ. Ученые признали въ этомъ государѣ Роберта Гвискара, но вѣрнѣе предположить здѣсь

муществу къ варварамъ Печенѣгамъ и Половцамъ.

Что касается враговъ, грозившихъ съ Востока, Турокъ Сельджукидовъ, то по отношенію къ нимъ политика Византіи,- сообразно съ характеромъ правителя - была малодушна и унизительна. Преемникъ Алпъ-Арслана, Мелекъ-шахъ передалъ власть надъ войсками Малой Азіи султану Сулейману, съ правомъ владѣть вновь завоеванными землями на правахъ вассала. Новый султанъ особенно интересенъ для насъ той мѣрою, которую онъ принялъ противъ извѣстнаго уже намъ сословія властелей, крупныхъ землевладѣльцевъ, возвысившихся надъ старою общиною и совершенно подавившихъ ее. Властели, какъ извѣстно, обрабатывали свои земли посредствомъ париковъ, людей, не имѣвшихъ земельной собственности. Сулейманъ объявилъ, что всѣ крестьяне-землевладѣльцы, которые признаютъ его власть и согласятся платить поголовную подать, будутъ признаны собственниками. Такимъ образомъ, онъ не

одного изъ русскихъ князей, а именно Всеволода; извѣстно, что Робертъ Гвискаръ не только не былъ одного обряда съ греческою церковью, но старался уничтожить этотъ обрядъ въ своихъ южно-италiанскихъ владѣніяхъ.

признавалъ аристократію властелей и прямо обратился къ низшему сословію, признавая за нимъ право на полное владѣніе землею. Значеніе этого факта, конечно, будетъ понятно, если мы припомнимъ, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложилось властельское сословіе на крестьянское населеніе страны. Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей (XIIв.) прямо говоритъ, что жители Малой Азіи перешли на Турецкую сторону, спасаясь отъ Византійскаго управленія. Такимъ образомъ новые завоеватели, являясь разрушителями въ области Арменіи, здѣсь представляются болѣе гуманными и умными политиками.

Но не только съ одними Турками-Сельджуками приходилось Михаилу VII имѣть дѣло въ Малой Азіи. Знаменитый Норманскій искатель приключеній, Урсель Баллейль (Ursel Balleil) съ горстью удальцовъ утвердился въ Малой Азіи, велъ тамъ почти самостоятельную политику и едва не основалъ среди греческаго населенія Норманнскаго государства. Противъ него отправленъ былъ человѣкъ, особенно выдѣлявшійся среди массы интригановъ, окружавшихъ престолъ Михаила VII, дядя его по отцу, кесарь Іоаннъ Дука, умный и хитрый политикъ, но не отличавшійся талантами полководца. Вмѣсто побѣды онъ

попалъ въ плѣнъ къ Урселю, который предложилъ ему корону Византіи и свою помощь. Іоаннъ Дука согласился и такимъ образомъ является претендентомъ на престолъ имперіи; и онъ заразился тою „болѣзнью пурпура", которою страдали столь многіе въ Византіи того смутнаго времени. Въ виду этого новаго осложненія государственныхъ дѣлъ, императоръ и его совѣтъ рѣшили привлечь къ помощи Турокъ; 1074 годъ, годъ союза съ ними, является роковымъ годомъ для Византіи и христіанства вообще. Договоръ, заключенный между двумя сторонами, не вполнѣ ясенъ для насъ, ибо не дошелъ въ подлинникѣ; извѣстно однако, что за Сулейманомъ признаны были всѣ греческія малоазіатскія владѣнія, которыя онъ взялъ, подъ условіемъ ленной зависимости отъ Византіи. Основавшіеся здѣсь Турки Сельджуки образовали государство Румъ и это было начало прочному утвержденію ихъ въ самомъ сердцѣ Малой Азіи, откуда до сихъ поръ Византія черпала главныя силы свои, ибо здѣсь была наиболѣе сплошная масса греческаго населенія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что новые завоеватели, благодаря трусливой и низкой политикѣ имперіи, стоятъ уже въ виду Босфора и Дарда-

немъ.

Турецкія вспомогательныя войска взяли въ плѣнъ Урселя и его императора (кесаря Іоанна); заплативъ выкупъ, назначенный Турками, Михаилъ VII получилъ въ свои руки своего дядю. Противъ обычая и ожиданія онъ не ослѣпилъ его, а только заставилъ постричься въ монахи.

Слабость императора и жадность его министровъ поощряли къ возстанію могущественную аристократію. Явились сразу два претендента на императорскій престолъ*), оба принадлежавшіе къ знатнымъ аристократическимъ фамиліямъ. Это были Никифоръ Вріенній и Никифоръ Вотаніатъ.

Никифоръ Вріенній собралъ армію, состоявшую изъ Ѳракійскихъ Болгаръ, Македонскихъ Славянъ, Итальянцевъ, Франковъ, Узовъ или Половцевъ и Грековъ. Съ этимъ войскомъ онъ явился подъ стѣнами Константинополя. Населеніе не было на его сторонѣ; позволивъ своимъ войскамъ грабить и сжечь предмѣстья, онъ оконча-

*) Извѣстно, что въ Византіи не было династической послѣдовательности, но, благодаря старому Римскому преданію, престолъ считался избирательнымъ. Отсюда эти частыя революціи, ибо каждый честолюбецъ считалъ себя въ правѣ домогаться престола.

тельно раздразнилъ противъ себя жителей столицы, защищаемой крѣпкими стѣнами. Вріенній принужденъ былъ снять осаду; онъ удалился подъ тѣмъ предлогомъ, что нападеніе Печенѣговъ на открытую Ѳракію потребовало его присутствія на сѣверѣ.

Дѣйствія другого Никифора были успѣшнѣе, но за то еще болѣе вредны для общаго блага имперіи. Находясь съ войскомъ въ Азіи, онъ вступилъ въ союзъ съ Сулейманомъ, подтвердивъ договоръ, заключенный Михаиломъ и отдавъ во власть Турокъ еще нѣкоторую часть христіанскаго населенія. Жители Никеи приняли его, какъ освободителя; прежде чѣмъ онъ достигъ Босфора, къ нему пришло извѣстіе о низложеніи Михаила Дуки Парапинака. Общее востаніе сената, духовенства и народа заставило этого императора удалиться въ монастырь Студійскій.

Никифоръ Вотаніатъ царствовалъ три года (1078-1081) и въ эти три года было четыре востанія, не считая возстанія Алексѣя Комнина, которымъ онъ былъ низвергнутъ.

Что касается внутренняго управленія имперіей, то при Никифорѣ Вотаніатѣ оно стояло на самой низкой степени. Ко всему этому прибавилась опасность со стороны Норманновъ. Робертъ Гвискаръ, узнавъ, что

дочь его не будетъ женою Константина Дуки и уже заключена въ монастырь, сталъ грозить императору войною. Интересенъ тотъ фактъ, что въ это время появился въ южной Италіи самозванецъ, носившій имя Михаила VII и благосклонно принятый Робертомъ, который заявилъ, что намѣренъ возстановить его на престолъ имперіи. Папа Григорій VII далъ ему на это свое благословеніе. Анна Комнина справедливо замѣчаетъ здѣсь, что едва ли знаменитый Норманнъ особенно заботился о возстановленіи правъ этого самозваннаго императора; вѣрнѣе, что онъ лично для себя мечталъ о покореніи Византіи и коронѣ императорской. Какъ бы то ни было, онъ сталъ собираться въ походъ, имѣя въ данный моментъ несравненно больше средствъ и возможности къ этому, где корабли города Бари могли перевезти его по ту сторону Адріатическаго моря.

Въ это время, когда Византія находилась опять въ видѣ двухъ грозныхъ непріятельскихъ силъ - Турко-Сельджукской и Норманнской - произошелъ знаменитый династическій переворотъ, возведшій на престолъ Алексѣя Комнина, переворотъ, имѣвшій важныя и неисчислимыя послѣдствія и для Востока и для За-

пада Европы.

Прибавимъ, что Никифоръ Ботаніатъ, путемъ узурпаціи достигшій трона, счелъ возможнымъ предложить свою руку женѣ низвергнутаго имъ Михаила VII, грузинкѣ Маріи, отличавшейся, по словамъ Анны Комниной, необыкновенной красотою. Согласившись сдѣлаться женою врага своего перваго мужа, она, по всей вѣроятности, желала обезпечить престолъ сыну своему Константину и регентство для себя; но расчетъ ея оказался ошибочнымъ, ибо Никифоръ назначилъ преемникомъ племянника своего Синадена. Императрица, встревоженная участью, которая ее ожидала, старалась упрочить свое положеніе родственными связями съ вліятельною и игравшею въ то время при Византійскомъ дворѣ важную роль фамиліею Комниновъ. Но предоставимъ знаменитой писательницѣ этого дома, дочери Алексѣя Комнина, Аннѣ*), самой повести рѣчь о томъ, какимъ образомъ отцу ея удалось упрочить эти родственныя связи и достичь престола имперіи.

---

*) „Алексіада" Анны Комниной, представляетъ собою важный и интересный источникъ для изученія данной эпохи, хотя онъ не всегда отличается достаточнымъ безпристрастіемъ, въ особенности по

Вотъ какъ начинаетъ она свою повѣсть: „И такъ, кто желаетъ знать, откуда происходилъ и какого рода былъ самодержецъ Алексѣй, того мы отсылаемъ къ сочиненіямъ моего Кесаря" (т. е. Никифора Вріеннія, мужа Анны, писавшаго, подобно ей, исторію монарховъ Византійскихъ, начиная отъ Романа IV Діогена до Никифора Вотаніата: Анна, по собственнымъ словамъ ея, является его продолжательницею).

„Мануилъ, старшій братъ Исаака, Алексѣя и другихъ сыновей дѣда моего Іоанна Комнина, по опредѣленію царствовавшаго предъ тѣмъ Романа Діогена, самовластно управлялъ всею Азіею; а на долю Исаака выпало быть дуксомъ Антіохіи. Оба они много воевали и сражались и одержали много побѣдъ надъ непріятелемъ. Послѣ этихъ вождей, царствовавшій тогда Михаилъ Дука самовластнымъ военачальникомъ избралъ отца моего Алексѣя и послалъ его противъ Урзелія (Ursel Balleil). Потомъ царь Никифоръ, видя воинскія способности моего отца и слыша, какъ онъ геройствовалъ, когда

отношенію къ людямъ Запада, которымъ она особенно не симпатизируетъ; но зато о своемъ отцѣ она разсказываетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, руководствуясь тѣмъ, что слышала отъ него самого, его современниковъ и содѣятелей. Часть ея „Алексіады" существуетъ и

былъ на Востокѣ съ братомъ своимъ Исаакомъ, и не по лѣтамъ участвовалъ въ различныхъ битвахъ, равнымъ образомъ какъ онъ, уничтоживъ Урзелія, принялъ его въ особенную любовь и любилъ не меньше Исаака-слыша все это, - Никифоръ обоихъ братьевъ прижималъ къ груди, весело смотрѣлъ на нихъ, а иногда удостоивалъ ихъ и своего стола....... Но это не нравилось ненавистникамъ ихъ и еще больше усиливало пламенѣвшую въ нихъ ненависть. Они-то тихомолкомъ - про себя -, ворчали на Комниныхъ, то тайно, а иногда и явно говорили царю либо сами, либо черезъ другихъ и, пользуясь всѣми средствами, всячески старались погубить ихъ.

„Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Комнины сочли за нужное привлечь на свою сторону женскую половину двора, чтобы чрезъ нее снискать себѣ расположенie царицы. Они были люди вкрадчивые, способные, какими бы то ни было средствами, смягчить и каменное сердце. Исаакъ скоро успѣлъ въ этомъ, такъ какъ, отличаясь словомъ и дѣломъ и во многомъ походя на моего отца, былъ принятъ въ родство

въ русскомъ переводѣ, въ числѣ Византiйскихъ историковъ, переведенныхъ съ греческаго при С.П.Бургской Духовной Академiи Наукъ,

съ царицей, чрезъ вступленіе въ бракъ съ ея племянницею. Устроивъ же хорошо собственныя свои дѣла, онъ самъ потомъ заботится и о братѣ и, сколько тотъ помогалъ ему вступить въ бракъ, столько и этотъ старался теперь, чтобы братъ былъ близокъ къ царицѣ. Говорятъ, что Орестъ и Пиладъ, бывъ друзьями, такъ взаимно себя любили, что во время сраженія никоторый не обращалъ вниманія на противустоявшихъ себѣ враговъ, а только защищалъ отъ нихъ друга и спѣшилъ подставить грудь подъ направленное на него копье. То же можно было видѣть и въ этихъ. Надлежало ли отклонить опасности, оба брата старались предупредить другъ друга; требовалось ли, чтобы одинъ получилъ отличія, почести, вообще выгоды, это дѣло считалъ собственнымъ и другой; тоже и наоборотъ. Такъ любили они другъ друга. Когда промыслъ Божій устроилъ такимъ образомъ дѣла Исаака, служащіе на женской половинѣ двора стали по Исаакову внушенію побуждать царицу къ усыновленію Алексѣя. Царица послушалась и, когда въ одинъ праздничный день оба брата находились въ царскихъ покояхъ, усыновила Алексѣя по установленному древле обряду*). Это впослѣдствіи избавляло ве-

*) Обрядъ усыновленія совершался въ церкви

ликаго Доместика западныхъ войскъ отъ большихъ безпокойствъ. Съ того времени оба они часто хаживали въ царскій дворецъ воздать царствующимъ особамъ надлежащія почести и, побывъ тамъ немного, удалялись къ царицѣ. Такія отношенія разжигали противъ нихъ еще большую ненависть. Комнины знали это отъ многихъ и, боясь, какъ бы не попасть въ сѣти враговъ и не остаться безпомощными, стали изыскивать способы для приведенія себя, при содѣйствіи Божіемъ, въ безопасное состояніе. Послѣ многократныхъ совѣтовъ съ матерью и по разсмотрѣніи различныхъ средствъ, они остановились на одной возможной для человѣка надеждѣ спасенія. Эта надежда состояла въ томъ, чтобы, воспользовавшись благовиднымъ предлогомъ, подойти къ царицѣ и высказать ей свою тайну; впрочемъ, задуманное дѣло хранили строго и отнюдь никому не открывали его, опасаясь какъ бы, подобно рыбакамъ, не испугать добычи прежде времени. Сперва они задумали было бѣжать, но боялись объявить о томъ царицѣ; чтобы

Игоранiе Адоглина.

предъ священникомъ и сопровождаемъ былъ нарочно для этого составленными молитвами. При этомъ усыновляющій держалъ въ рукѣ горящую свѣчу и покрывалъ усыновляемаго своимъ плащемъ.

Ист. Сред. вѣковъ. Отдѣлъ II. Листъ 18.

она, по своей заботливости какъ о царѣ, такъ и объ этихъ людяхъ, не пересказала всего царю. Поэтому, оставивъ свой замыселъ, они обратились къ другому, ибо были способны пользоваться обстоятельствами......"

Далѣе, Анна разсказываетъ объ уже извѣстномъ намъ намѣреніи императора передать престолъ своему племяннику и о безпокойствѣ царицы за себя и за Константина, ея сына отъ перваго брака:

„Она (царица Марія) была огорчена и никому не открывала своего огорченія, но это не утаилось отъ Комниновъ. Нашедши удобный случай, котораго искали, они рѣшились подойти къ ней. Держать же бесѣду съ нею мать*) приказала Исааку въ присутствіи брата его Алексѣя. Когда Комнины пришли къ царицѣ, Исаакъ сказалъ ей: „госпожа! мы видимъ тебя вовсе не такою, какою ты была незадолго прежде; тебя озабочиваютъ и мучатъ тяжкія мысли. Неужели тебѣ недостаетъ человѣка, на котораго ты могла бы положиться и открыть ему тайну?" Но царица не хотѣла тогда же все казаться предъ ними, а только, глубоко вздохнувъ, сказала: „зачѣмъ спрашивать людей, живущихъ на чужой сторонѣ? и этого уже довольно, чтобы быть имъ печальными, а у меня, увы, что и чѣмъ смѣняется и чего еще пови-

димому, должна я ожидать въ скорости!" Послѣ сего они отступили назадъ и не сказали больше ни слова; но, опустивъ глаза въ землю и сложивъ руки, немного постояли въ задумчивости и потомъ сдѣлавъ обычный поклонъ, съ тревожнымъ чувствомъ удалились домой. Однакоже черезъ нѣсколько времени Комнины опять пришли говорить съ царицею и замѣтивъ, что она смотритъ на нихъ веселѣе, чѣмъ прежде, оба подошли къ ней и сказали: „ты наша госпожа, а мы преданнѣйшие твои слуги, за твою царственность (Величество) готовые потерпѣть все. Да не смущаетъ тебя никакая мысль и да не волнуетъ твоей души сомнѣніемъ!" Этими словами высказавъ ей свою вѣрность, и изгладивъ въ ней всякое къ себѣ подозрѣніе, они выразумѣли тайну. Какъ люди <u>острые и проницательные</u>, они способны были и въ немногихъ словахъ человѣка схватить глубоко сокрытую и пока еще затаенную мысль - и тотчасъ, принявъ ея сторону, вызвались быть открыто преданными ей, обѣщались усердно исполнять все, къ чему она призоветъ ихъ, показали готовность по апостольски сорадоваться ей радующейся и соболѣзновать скорбящей, только бы она удостоила считать ихъ однородцами и друзьями, происходящими отъ у-

да же, откуда сама и прибавили вдно-тотчасъ же открывать имъ, что враги будутъ доносить на нихъ ей или царю, чтобы въ противномъ случаѣ не попасть въ сѣти вражескія неожиданно. Объ этомъ просили они и ободряли ее надеждою, что съ Богомъ усердно подадутъ ей возможную помощь, такъ что, по ихъ старанію, сынъ ея не лишится царства. Такую свою рѣшимость они пожелали даже утвердить клятвою.......
Съ той поры они веселые бесѣдовали съ царемъ и оба, а особенно одинъ изъ нихъ, Алексѣй, умѣли ловко прикрывать маскою тайную свою мысль и созрѣвавшее въ глубинѣ души намѣреніе........."

Между тѣмъ завистники и враги Комниновъ не теряли случая повредить имъ; узнавъ, что двое временщиковъ - рабовъ намѣрены погубить ихъ, братья рѣшили ходить во дворецъ не вмѣстѣ, а порознь; „Это дѣлалось", съ восхищеніемъ говоритъ Анна, „съ тою мудро придуманною, паламидовскою цѣлью, что если.... одного изъ нихъ схватятъ, то другой убѣжитъ."

Но замыслы рабовъ не удались и, какъ это видно изъ дальнѣйшаго разсказа Анны, братья Комнины продолжали пользоваться одинаково былъ расположеніемъ какъ импера-

тора, такъ и императрица.

Видя, что предположенныя средства не ведутъ къ цѣли, помянутые рабы рѣшились на новое предпріятіе: они придумали ночью „призвать Комниныхъ безъ царскаго приказанія, низложить ихъ и, подъ предлогомъ измышленной вины, выколоть имъ глаза. Однакожъ это не скрылось отъ Комниныхъ: послѣ долгихъ розысканій, они узнали о приближающейся опасности и, находя, что единственною надеждою спасенія остается имъ отложеніе, прибѣгли къ этой мѣрѣ........"

Алексѣй, пользуясь своимъ званіемъ великаго Доместика и приказаніемъ императора вооружить часть войскъ, началъ стягивать ихъ къ столицѣ; кромѣ того, рѣшившись поднять знамя возстанія, онъ искалъ случая обезпечить себя союзниками. „Узнавъ, что войско приблизилось къ границамъ Ѳракіи, Алексѣй ночью отправился къ Пакуріану и разсказалъ ему всѣ-какъ рабы злобствуютъ и ненавидятъ ихъ, какъ задумали и уже собрались выколоть имъ глаза и прибавилъ, что этого не должно терпѣть рабски, но слѣдуетъ дѣйствовать мужественно и, если бы понадобилось, лучше погибнуть. Пакуріанъ сказалъ: „Если завтра рано утромъ ты выйдешь отсюда, то и я послѣдую за тобою и буду защищать

тебя, а какъ скоро отложишь свое намѣреніе, знай, что я самъ, нисколько не медля, пойду къ царю и расскажу ему о тебѣ и твоихъ сподвижникахъ". Алексѣй отвѣчалъ: „Вижу твое попеченіе о моемъ спасеніи и замѣчая, конечно, въ этомъ дѣло Божіе, не отказываюсь отъ твоего совѣта; но для безопасности нужно намъ напередъ обязать другъ друга клятвою." Итакъ, они клятвенно условились между собою въ томъ, что если Богъ возведетъ Алексѣя на царскій престолъ, онъ дастъ Пакуріану санъ доместика, которымъ облеченъ теперь самъ. Окончивъ дѣло съ Пакуріаномъ и вышедши отъ него, пошелъ онъ къ другому человѣку, Умпертопулу, которому тоже объявилъ свое намѣреніе и, представивъ причину предположеннаго бѣгства, пригласилъ его къ содѣйствію. Умпертопулъ тотчасъ далъ согласіе: „во мнѣ, сказалъ онъ, ты имѣешь человѣка, готоваго благодушно подвергаться за тебя опасности". Эти люди были расположены къ Алексѣю сколько по другимъ причинамъ, столько же и потому, что мужествомъ и благоразуміемъ онъ превосходилъ всѣхъ. Кромѣ того, Алексѣй былъ щедродателенъ и рука его, больше чѣмъ чья другая, простиралась для раздачи подарковъ, хотя онъ и не обладалъ большимъ богатствомъ

ибо онъ не принадлежалъ къ числу людей хищныхъ и жаждавшихъ богащенія. Но щедрость обыкновенно опредѣляется не по величинѣ даваемой суммы, а по душевному расположенію дающаго.....

„Итакъ, упомянутые люди, издавна зная, что Алексѣй украшается всѣми этими добродѣтелями, были довольны его намѣреніемъ провозгласить себя царемъ и желали ему успѣха. Взявъ клятву и отъ Уберто пула, Алексѣй поспѣшно отправился къ себѣ и обо всемъ сообщилъ своимъ домашнимъ. Была ночь Сырнаго воскресенья (Февраля 13, 1081 г.), когда мой отецъ задумалъ это, а рано на слѣдующее утро онъ вышелъ со своими изъ города. По сему случаю народъ, одобряя его рѣшительность и благоразуміе, сплелъ ему пѣсенку изъ самыхъ его дѣлъ. Эта пѣсенка сложена была на простомъ нарѣчіи, но превосходно выражала смыслъ предпріятія и позволяла угадывать какъ замыслъ его, такъ и устроенныя противъ него козни. Вотъ подлинныя ея слова: „въ сырную субботу ты понялъ „это, любезный Алексѣй, а на другой „день поутру отлетѣлъ: прекрасно, мой „соколъ!" На языкѣ общеупотребительномъ она имѣетъ тотъ смыслъ: въ сырную субботу чудно открылась твоя проницательность, Алексѣй, и на дру-

гой день послѣ Воскресенья ты, какъ высокопарящій соколъ, улетѣлъ отъ злоумышлявшихъ противъ тебя варваровъ"........

Далѣе, Анна подробно разсказываетъ о томъ, какимъ образомъ мать Комниныхъ, Анна Далиссина, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими женщинами семейства Комниныхъ и Дукъ, предвидя угрожавшую имъ опасность, укрылись въ храмъ святителя Николая, прозываемый Просфигіономъ (прибѣжищемъ). Тамъ, у алтаря, оставались онѣ до тѣхъ поръ, пока Никифоръ Вотаніатъ, уже знавшій о приготовленіяхъ Алексѣя и Исаака, не прислалъ имъ креста, какъ залога спасенія и полной безопасности. Особенно характернымъ во всемъ этомъ является тотъ фактъ, что Анна Далиссина ни подъ какимъ видомъ не соглашалась принять отъ императорскаго посланнаго небольшой нагрудный крестъ, а требовала большаго и согласилась отнять свои руки отъ алтаря и выйти изъ храма лишь получивъ желаемое: ....."я домогаюсь защиты отъ самого царя," говорила она. "Не этотъ, даваемый тобою, <u>малой величины крестикъ</u>, могу я принять, а такой, который имѣлъ бы <u>приличную</u> величину". (Ан. Комн. II, 98.)

Между тѣмъ братья Комнины, удалившись изъ Константинополя,

стали стягивать войска къ оракійскому селенію Чорлу (Цурулу), и оттуда нашли нужнымъ извѣстить обо всемъ случившемся кесаря Іоанна Дуку. Любопытны слова, которыя приказано было передать кесарю: „мы изготовили, сказано было, очень хорошее блюдо и не безъ приправы; если ты хочешь принять участіе въ нашемъ пирѣ, поспѣшай, какъ можно скорѣе, раздѣлить его съ нами." Кесарь воскликнулъ сначала: „бѣда мнѣ!" но потомъ, не медля долго, вскочилъ на коня и присоединился къ Комнинымъ. Вмѣстѣ съ нимъ присталъ къ партіи Алексѣя и Георгій Палеологъ, принадлежавшій къ богатой властельской фамиліи Византіи. По дорогѣ къ Алексѣю, Кесарь Іоаннъ встрѣтилъ отрядъ Турокъ и предложивъ имъ много денегъ и обѣщаніе оказать всякія услуги, уговорилъ присоединиться къ возставшимъ. Кромѣ того, обманомъ онъ отобралъ по дорогѣ же у встрѣтившагося съ нимъ Византійца весь сборъ податей (въ золотой монетѣ) который послѣдній долженъ былъ доставить въ царскую казну. Такимъ образомъ, съ мѣшкомъ золота и вспомогательнымъ отрядомъ, явился онъ къ Комнинымъ. „Эти, какъ выражается Анна, завидѣвъ его издалека и сильно обрадовавшись новой добычѣ, особенно мой отецъ Алексѣй, отъ радости не зналъ, что и дѣлать."....

По предложенію и настоянію Кесаря, они направились по дорогѣ, ведущей въ столицу. На другой день, занявъ Ѳракійское селеніе Схизы, они стали тамъ лагеремъ и здѣсь-то провозглашенъ былъ императоромъ младшій изъ Комниновъ, Алексѣй.

Но предоставимъ рѣчь самой Аннѣ:

„Вниманіе всѣхъ было напряжено, говоритъ она, всѣ ожидали, что будетъ и провозглашеннымъ на царство желали видѣть того, кого чаяли. Большая часть расположена была вручить власть Алексѣю, однакожъ и державшіеся стороны Исаака, не падали духомъ, но по возможности тянули къ себѣ всѣхъ. Казалось, дѣло было несогласимое, когда одни желали того, а другіе другаго кормчаго на кораблѣ имперіи. Выступили на сцену тогда и близкіе къ Алексѣю по родству - упомянутый выше кесарь Іоаннъ Дука, мужъ искусный въ совѣтахъ и распорядительный въ дѣлахъ, котораго и я застала въ живыхъ и немного видѣла, внуки его Михаилъ и Іоаннъ, равно какъ и зять ихъ по сестрѣ, Георгій Палеологъ. Эти люди находились при Комнинахъ, хлопотали, мысли каждаго направляли въ пользу своего предпріятія, напрягали, какъ говорится, всѣ силы и искусно пустили въ ходъ всѣ пріемы дѣла, чтобы провозглашенъ былъ Алексѣй. Поэтому всѣ стали переходить

на ихъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ число приверженцевъ Исааковыхъ уменьшалось: ибо гдѣ былъ кесарь Іоаннъ, тамъ прекословіе казалось ни отъ кого невозможнымъ; потому что никто не могъ съ нимъ равняться ни силою ума, ни величественностію тѣла, ни видомъ, приличнымъ властителю. Чего не дѣлали Дуки? Чего не говорили они? Какого блага не обѣщали и вышнимъ чинамъ, и рядовымъ въ войскѣ, если Алексѣй взойдетъ на царскій престолъ? Они говорили: „(Алексѣй) наградитъ васъ величайшими дарами и почестями, кого какъ слѣдуетъ, а не какъ случится, что дѣлаютъ вожди невѣжественные и неопытные...... онъ сражался съ вами..... не щадилъ для спасенія васъ ни своего тѣла, ни членовъ, ни самой жизни...... знакомъ съ тягостями битвъ и хорошо знаетъ всѣхъ васъ вообще и каждаго порознь..... высоко цѣнитъ онъ храбрыхъ воиновъ. Вотъ что говорили Дуки. Между тѣмъ Алексѣй показывалъ великое уваженіе къ Исааку и во всемъ отдавалъ ему первенство — частію по братской къ нему любви, а еще болѣе (надобно признаться) потому, что къ Алексѣю стекалось все войско и спѣшило ввѣрить ему царство, тогда какъ къ сторонѣ Исаака не присоединялось изъ него нисколько. И такъ, имѣя въ своихъ рукахъ власть и силу и видя, что дѣло идетъ

согласно съ его надеждами, Алексѣй утѣшалъ брата мечтою царства: не теряя самъ ничего, если всѣмъ войскомъ будетъ возведенъ на высшую степень государственнаго величія, онъ ласкалъ брата словами и дѣлалъ видъ, будто готовъ уступить ему державу. Между тѣмъ время шло; вокругъ палатки вождя собралось все войско, настали минуты всеобщаго ожиданія и каждый желалъ, чтобы исполнились его надежды. Наконецъ Исаакъ всталъ съ своего мѣста и, взявъ красныя туфли, старался надѣть ихъ на ноги брата; когда же этотъ многократно отказывался, тотъ примолвилъ: „позволь, Богъ хочетъ возвратить нашему роду престолъ черезъ тебя." И припомнилъ слова, изреченныя ему нѣкогда кѣмъ-то, когда оба брата возвращались домой изъ царскихъ палатъ. Съ ними встрѣтился какой то мужъ, съ виду похожій на священника, съ обнаженною головою, сѣдыми волосами и косматою бородою. Подходя къ нимъ, онъ ухватился за ногу Алексѣя и, бывъ пѣшимъ, притянулъ къ себѣ всадника, а потомъ изрекъ ему на ухо слова изъ Давидова псалма: „наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды" и къ сему прибавилъ: „самодержецъ Алексѣй!" Сказавъ это какбы пророчески, онъ изчезъ.

Теперь-то, видя, что предреченіе

упомянутаго старца и то, что выражено имъ на словахъ, оправдывается самимъ дѣломъ, Исаакъ сталъ еще болѣе настаивать и убѣждать Алексѣя надѣть багряные туфли—тѣмъ болѣе, что къ нему же направлялось и пламенное желаніе всего войска.

И такъ, начались поздравленія прежде всего со стороны Дукъ, а потомъ и со стороны другихъ."..... (Ан. Комн. II, 106-109.)

Едва только провозглашенъ былъ новый императоръ, какъ пришло извѣстіе что у него есть соперникъ а вскорѣ прибыли и послы отъ этого соперника, Никифора Мелиссина, также провозгласившаго себя императоромъ. Въ письмѣ къ Алексѣю, онъ предлагалъ ему мирный дѣлежъ имперіи, прося оставить ему Востокъ, а Алексѣю взять Западъ*). Послѣ совѣта и переговоровъ съ приверженцами своими, императоръ отвергъ это предложеніе и сказалъ посламъ, что можетъ дать Мелиссину санъ Кесаря и важнѣйшій городъ въ Өессаліи, но болѣе ничего. Послы, хотя и недовольные этимъ, просили все же скрѣпить обѣщаніе грамотою съ красною подписью царя и золотою печатью, на что Алексѣй и согласился.

*) Грамоту Мелиссина къ Алексѣю см. у Анны Комниной, II, 110.

Между тѣмъ войско Алексѣя дви галось по направленію къ столицѣ. Дойдя до мѣстечка Арети, Комнины остановились здѣсь и отрядили людей сдѣлать нападеніе на городскія стѣны, не посредствомъ осадныхъ орудій, ибо и время не позволяло этого, а соединенными силами щитоносцевъ, стрѣлковъ, копьеносцевъ и латниковъ. Но войску новаго императора, составленному, по словамъ дочери его „изъ разнаго рода людей, чужестранцевъ и туземцевъ" не удалось взять города, да и самимъ Комнинымъ это взятіе представлялось весьма труднымъ.

. . . . „И такъ, надѣвъ новыя башмаки", продолжаетъ Анна (II, 114) „Алексѣй видѣлъ, что городъ взять трудно и, подозрѣвая войско въ непостоянствѣ, ухватился за иную мысль - вознамѣрился ласками и обѣщаніями склонить на свою сторону нѣкоторыхъ охранителей городскихъ стѣнъ и, вывѣдавъ ихъ образъ мыслей, взять такимъ способомъ городъ. Продумавъ объ этомъ цѣлую ночь, рано утромъ входитъ онъ въ палатку Кесаря и, сообщивъ ему свой планъ, проситъ его въ тоже время отправиться вмѣстѣ съ нимъ для осмотра стѣнъ, зубцовъ и сторожеваго войска (которое было изъ разныхъ областей, и для разузнанія, какъ можно взять городъ. Кесарь не-

охотно принималъ это приглашеніе так какъ недавно еще надѣлъ на себя монашеское платье и понимая, что стоящіе около стѣнъ и между зубцами будутъ надъ нимъ смѣяться, естественно отказывался отъ намѣренія подходить близко къ стѣнамъ. Такъ дѣйствительно и случилось: когда онъ принужденъ былъ слѣдовать за Алексѣемъ, тогда смотрѣвшіе на него со стѣнъ не задумывались поносить его именемъ аввы (аббатъ, монахъ, отецъ) съ какой то оскорбительной прибавкой. Но Кесарь, надвинувъ свой кукуль (монашескій головной уборъ) и внутренно кипя гнѣвомъ, не думалъ ни о чемъ и только держалъ въ умѣ предлежащую цѣль..... И такъ онъ сталъ спрашивать, что за люди охраняютъ тѣ или другія башни и узнавъ, что вотъ здѣсь поставлены такъ называемые Безсмертные (это былъ особенно отличный отрядъ римскаго войска), тамъ Варяги, въ другомъ мѣстѣ Немцы, убѣждалъ Алексѣя не нападать ни на Варяговъ, ни на Безсмертныхъ; ибо послѣдніе какъ туземные подданные царя, необходимо были къ нему весьма расположены и лучше отдали бы за него жизнь, чѣмъ согласились бы замыслить противъ него что либо злое; а первые, носящіе мечи на плечахъ (Ва-

ряги) вѣрность къ самодержцамъ и охраненіе ихъ тѣмъ наслѣдуютъ по преданію отъ отцовъ, какъ какой залогъ или жребій, и потому ненарушимо сохранять преданность Вотаніату и не потерпять даже одного слова о предательствѣ. Но если онъ поиспытаетъ Нѣмцовъ, то вѣроятно недалекъ будетъ отъ цѣли и найдетъ возможность пройти чрезъ охраняемую ими башню. Алексѣй послушался Кесаря и слова его принялъ, какъ божественное изреченіе. Черезъ одного посланнаго онъ усердно просилъ вождя Нѣмцовъ спуститься внизъ: тотъ спустился сверху, многое говорилъ и слушалъ и вскорѣ заключилъ условіе о сдачѣ города. Воинъ возвратился и принесъ это извѣстіе Алексѣю. Услышавъ о такой неожиданной новости, Алексѣй сильно обрадовался и приказалъ своему войску быть готовымъ и садиться на коней....."

Такимъ образомъ, благодаря предательству нѣмецкаго военачальника Гильпракта, въ пятый день Пасхи (1-го Апрѣля 1081 г.) 6589 года, въ четвертый индиктъ мѣсяца Апрѣля взятъ былъ Константинополь. Императоръ Никифоръ Вотаніатъ, по обычаю всѣхъ византійскихъ сверженныхъ царей, принялъ монашескій санъ; онъ, впрочемъ, впослѣдствіи отзывался безъ особенной горечи о своемъ положеніи: „по-

мить меня только воздержаніе отъ мяса, говорилъ онъ, а о прочемъ мало заботясь". (Ан. Комн. III, 129.)

Дѣла новаго императора въ столицѣ обстояли, между тѣмъ, далеко неблагополучно. Войско его, состоявшее, какъ извѣстно, изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, жаждало добычи и, овладѣвъ городомъ, подобно бурному потоку разлилось по улицамъ его и въ теченіи нѣсколькихъ дней безъ устали грабило и разоряло столицу Константина. Анна Комнина, говорящая объ этомъ фактѣ гораздо сдержаннѣе, чѣмъ бы слѣдовало, все-таки не можетъ удержаться отъ выраженія своего неодобренія и даже негодованія: ..."все воополченіе", говоритъ она, "зная, что столица издавна изобилуетъ всякаго рода сокровищами и постоянно наполняется ими съ суши и съ моря...... разсѣявшись повсюду - по главнымъ улицамъ, перекресткамъ и переулкамъ, не щадило ни домовъ, ни церквей, ни даже самыхъ олтарей, но выносило оттуда богатую добычу, и только удерживалось отъ убійствъ, а все прочее совершало дерзко и безстыдно. Всего же безстыднѣе было то, что подобныя дѣла позволяли себѣ и туземцы, какъ будто бы они, забывъ себя, перемѣнили свои нравы къ

худшему и, не краснѣя, совершали то же самое, что варвары". (Ан. Комн. II, 120.). Впослѣдствіи, впрочемъ, Алексѣй самъ просилъ наложенія на него церковнаго наказанія за это неуваженіе его войска къ святынѣ и съ покорностью перенеся его, только тогда счелъ себя примиреннымъ съ церковью.*)

Вообще, положеніе молодаго императора представляется намъ весьма труднымъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ, также какъ и внутреннихъ отношеній. Повсюду государству угрожали страшные враги. Остановить Турецкій наплывъ было уже невозможно; овладѣвъ Никеей и основавъ уже извѣстный намъ султанатъ Румъ, Сельджуки стояли въ виду Босфора и Алексѣй, съ высоты башенъ своего дворца и св. Софіи могъ видѣть на противоположномъ берегу тѣ горы, на которыхъ расположились Турки.

Съ другой стороны, Робертъ Гвискаръ, какъ уже извѣстно, послалъ

---

*) Анна (III, 149) говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ...... „принявъ эпитеміи, они (Алексѣй и родственники) охотно соблюдали ихъ .... Самодержецъ .... дѣлалъ еще больше: подъ царскую багряницу надѣвалъ рубище и носилъ его сорокъ дней и ночей. По ночамъ онъ ложился на голую землю, подкладывая подъ голову камень и, по всей вѣроятности, плакалъ"....

свое войско въ Эпиръ, подъ предлогомъ возстановленія на престолъ самозванаго императора Михаила VII. Внутри Имперію постоянно держали въ страхѣ Печенѣги, Узы и Половцы.

Такимъ образомъ, только въ Европѣ оставалась небольшая область, средствами которой безпрепятственно могъ располагать императоръ. Кромѣ того, благодаря безумной расточительности Никифора Вотаніата, государственная казна была совершенно истощена.*)

Не легко было бороться со всѣми этими затрудненіями и Алексѣй Комнинъ является геніальнымъ политикомъ и правителемъ, ибо мы увидимъ, что онъ успѣшно преодолѣваетъ ихъ въ первые десять лѣтъ своего царствованія.

Прежде всего ему пришлось имѣть дѣло съ Робертомъ Гвискаромъ. Норманскій баронъ выслалъ сначала въ Грецію своего сына, Боэмунда, (будущаго героя 1-го крестоваго похода) который взялъ у Византіи Корфу, а вслѣдъ за нимъ, съ войскомъ въ 15т. человѣкъ, высадился въ Эпирѣ, около древняго Диррахія (Дураццо, Драчъ),

---

*) Сама Анна, говоря о началѣ царствованія своего отца, замѣчаетъ: „Царь Алексѣй замѣчалъ, что царство его находится какъ бы въ предсмертной агоніи." (III, 164.

главнаго опорнаго пункта имперіи. При отсутствіи организованной армии и скудости казны императорской, Алексѣю трудно было справиться одному съ наступающимъ врагомъ и мы видимъ, что онъ обращается за помощью на Западъ, къ Венеціи и германскому императору Генриху IV.

Венеція уже давно была самостоятельною республикою и хотя номинально зависѣла отъ имперіи, но дорожила этою зависимостью только въ видахъ своей торговли. Ліутпрандъ Кремонскій, итальянскій писатель X-го вѣка, ѣздившій посломъ въ Константинополь, разсказываетъ, что видѣлъ тамъ множество Венеціанскихъ купцовъ; онъ рисуетъ сцены таможеннаго осмотра вывозимыхъ изъ Византіи товаровъ, по преимущеcтву шелковыхъ тканей (паволокъ) и т.п. Еще императоръ Василій II покровительствовалъ Венеціанской торговлѣ, хотя запрещалъ купцамъ вывозить изъ Византіи оружіе и строительные матеріалы, гдѣ они торговали этими предметами съ невѣрными.

И такъ, обширная торговля Венеціанской республики простиралась и на Малую Азію; купцы ѣздили и въ Египетъ и въ южную Италію, причемъ торговый флотъ ихъ являлся нерѣдко соперникомъ флота уже

извѣстнаго намъ южно-италіанскаго города Бари.

Не смотря на то, что Греція по самому географическому положенію своему должна была быть мореходной державой, но флотъ ея давно уже былъ въ упадкѣ. Сильный торговый флотъ Венеціи долженъ былъ теперь, по просьбѣ императора, помочь Византіи противъ Роберта Гвискара, не допустивъ его высадиться на берегъ Греціи.

Хотя Венеціанцы и не успѣли помѣшать высадкѣ Норманновъ въ Эпирѣ, но тѣмъ не менѣе они воспользовались удобнымъ случаемъ и въ морской битвѣ уничтожили флотъ города Бари, какъ извѣстно, послужившій Роберту для перевозки его военныхъ силъ въ Грецію.

Норманнскій владѣтель со своими рыцарями очутился въ весьма затруднительномъ положеніи, отрѣзанный отъ своихъ владѣній и не имѣя возможности получать подкрѣпленія морскимъ путемъ изъ Италіи; тѣмъ не менѣе, Робертъ, какъ человѣкъ воинственный, считалъ нужнымъ не отказываться отъ войны, но упорно продолжать ее; (Ан. IV, 187.) онъ остался осаждать Драчъ.*) Въ 1081 г. когда городъ находился въ крайности, на помощь ему явился самъ

---

*) Осада эта подробно описана у Анны. (IV, 180 и слѣд.)

императоръ Алексѣй, съ войскомъ доволь но пестраго состава. Здѣсь были и Варяги - Англо Саксы съ острова Британiи, тѣ самые Англо-Саксы, національное государство которыхъ было уничтожено въ 1066 году. Послѣ побѣды Вильгельма Завоевателя настало тяжелое время для Англо-Саксовъ, гдѣ Норманны стояли вооруженною силою и притѣсняли побѣжденныхъ. Вслѣдствіе этого многіе Англо-Саксы искали себѣ убѣжища даже на далекомъ Востокѣ.
Въ войскѣ императора были и Славяне (изъ приморской Сербіи, теперешней Черногоріи), были Богомилы или Манихеи, какъ называетъ ихъ Анна Комнина и друг. Въ той самой мѣстности, которая нѣкогда была ознаменована борьбою Помпея и Цезаря, произошло и столкновеніе между Робертомъ Гвискаромъ и Алексѣемъ Комнинымъ. Въ этой битвѣ Варяги сражались съ Норманнами, съ врагами своей родины, тѣми же топорами (сѣкирами), которыми они нѣкогда боролись при Гастингсѣ. Но, не смотря на всю ихъ храбрость, дѣло рѣшилось не въ пользу Алексѣя. Побѣда вполнѣ была на сторонѣ Норманновъ; самъ императоръ едва не попался въ плѣнъ и спасся только благодаря собственной ловкости и быстротѣ коня. Робертъ Гвискаръ продолжалъ осаду Драча и въ 1082 г. городъ наконецъ былъ

сданъ, благодаря измѣнѣ одного Венеціанца, игравшаго тамъ важную роль. Норманны вошли въ городъ, открывавшій имъ и дальше доступъ въ Имперію.

Но императоръ не подумалъ распространить наказаніе за измѣну одного Венеціанца на всѣхъ его соотечественниковъ. Въ 1082 же году изданъ былъ извѣстный хрисовулъ, дозволявшій Венеціанцамъ безпошлинную торговлю во всѣхъ областяхъ и городахъ имперіи. Этотъ хрисовулъ сразу возвелъ Венецію на степень первенствующаго торговаго города, какимъ до этого времени былъ Амальфи, обладавшій множествомъ торговыхъ факторій и даже имѣвшій свои церкви на Аѳонѣ. Но съ 1082 года первенство уже принадлежитъ Венеціи и Амальфи, какъ торговой центръ, отходитъ на второй планъ. Венеціанскіе купцы утверждаются по ту сторону Золотаго Рога, тамъ, гдѣ теперь Пера или Галата*); они получили право устроить здѣсь свои лавки, заняли мѣсто для выгрузки товаровъ, построили собственную церковь; Алексѣй Комнинъ отправилъ даже подарки св. Марку въ Венецію.

Фактъ этотъ является особенно

---

*) до сихъ поръ, какъ извѣстно, мѣсто Европейской купеческой колоніи въ Константинополѣ.

важнымъ потому, что съ этихъ поръ въ Византійской имперіи пріобрѣтаетъ важное значеніе политика западная. Между прочимъ, императора Алексѣя упрекали именно за эту политику, говоря, что онъ жертвовалъ иностранцамъ интересами своихъ подданныхъ. Упрекъ этотъ совершенно справедливъ, въ особенности примѣнительно къ последующимъ императорамъ изъ династіи Комниновъ. Противно національной политикѣ было и то, что Венеціанцы торговали безпошлинно по всей Имперіи, тогда какъ природные подданные должны были платить десятинные и другіе сборы. Венеція въ лицѣ ея купцовъ образовала въ Византіи какъ бы государство въ государствѣ; въ XI вѣкѣ колонія ея еще пополнилась новымъ наплывомъ изъ Италіи и разрослась на столько, что, въ случаѣ надобности, они могли бы защищаться отъ вооруженныхъ даже силъ Имперіи.*)

Конкуррентами Венеціи въ дѣлѣ Восточной торговли вскорѣ являются Генуэзцы и Пизанцы, которые пріобрѣтаютъ особое значеніе во время крестовыхъ походовъ; торговля ихъ распространяется даже до береговъ Черного моря, гдѣ они утверждаются на доль-

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. у Heyd: "Geschichte des Levanthandels."

ко крѣпко, что даже ведутъ борьбу съ Венеціанцами. Словомъ, всѣ эти важные по своему культурно-историческому значенію факты ведутъ свое начало отъ знаменитаго хрисовула 1082, вызваннаго Норманнскою грозою и открывшаго Западной торговлѣ такой свободный доступъ въ предѣлы Востока, что это даже послужило не въ пользу послѣдняго.

И такъ, въ началѣ 1082 года Робертомъ Гвискаромъ взятъ былъ Драчъ.*) Войска императора разбиты были въ прахъ и при бѣдности казны ему трудно было собрать новое: Норманнамъ открылось обширное поле для дальнѣйшихъ дѣйствій. И дѣйствительно они сдѣлали попытку движенія по направленію къ Славянскимъ властямъ, къ Охридскому озеру, съ намѣреніемъ овладѣть Солунью. Первыя дѣйствія Роберта, бывшаго искателя приключеній, были успѣшны: казалось, они отнимутъ всякую почву у императора гордой Восточной имперіи и овладѣютъ желаемымъ городомъ. Тогда Алексѣй Комнинъ собравъ послѣднія силы и средства, успѣлъ возбудить возстаніе въ южной Италіи, въ тылу своего врага,

---

*) Между прочимъ интересенъ фактъ, что въ сраженіи при Драчѣ участвовала и жена Роберта, знаменитая Сигельгаита

среди остатковъ тамошняго греческаго населенія. Это населеніе, въ прежнее время, какъ извѣстно, весьма тяготившееся византійскимъ управленіемъ съ его налогами и цѣлою арміею сборщиковъ податей, попавъ подъ норманнское феодальное иго, увидѣло, что настали еще болѣе тяжелыя времена. Побѣдители настроили себѣ замковъ, изъ разбойниковъ превратились въ бароновъ и сдѣлали крѣпостными не только полусвободныхъ прежде людей, но даже и греческое духовенство. И такъ, послѣ утвержденія Норманновъ, воспоминаніе о Византіи сдѣлалось скорѣе хорошимъ, чѣмъ дурнымъ въ южной Италіи и эмиссары, посланные императоромъ для возбужденія возстанія, сдѣлали свое дѣло: возстаніе дѣйствительно вспыхнуло.

Съ другой стороны, въ 1082 году Алексѣй Комнинъ особенно сблизился съ императоромъ Генрихомъ IV, естественнымъ врагомъ Роберта Гвискара, союзника папы Григорія VII, съ которымъ императоръ Германскій возобновилъ борьбу

или Гаита, какъ называетъ ее Анна Комнина. Послѣдняя нѣсколько иронически относится къ женѣ славнаго Норманнскаго вождя, называя ее „второю Палладою, но не Афиною". (Анна Комн. IV, 6, 202.)

на̊ жизнь и смерть за инвеституру. Богатые подарки *) вмѣстѣ съ значительной суммой денегъ и лестнымъ посланіемъ были отправлены въ 1083г. „императору Аллемановъ" Алексѣемъ Комниннымъ; въ посланіи заключалось просьба о помощи противъ Роберта-Гвискара. Императоръ дѣйствительно предпринялъ походъ въ Италію, но направилъ свои дѣйствія главнымъ образомъ противъ папы и только слегка коснулся Апуліи и Калабріи. Безвыходное положеніе папы, осажденнаго врагомъ въ Римѣ и принужденнаго запереться въ крѣпости Ангела, на другой сторонѣ Тибра, побудило Григорія VII вызвать на помощь Роберта. Такимъ образомъ послѣдній, въ виду возстанія и необходимости его присутствія на полуос-

---

....: „Въ настоящее время мы въ знакъ уваженія посылаемъ твоему благородству золотой, украшенный жемчугомъ, грудной крестъ, раззолоченый ковчежецъ, скрывающій внутри частицы святыхъ, которыхъ имена можно узнать по приложенной къ каждой частицѣ бумажкѣ, сардониковую чашу и хрустальный стаканъ, звѣздовидную, обвитую золотомъ съ киру и нѣсколько бальзаму"......
Денегъ отправлено было сто сорокъ четыре тысячи серебряныхъ монетъ и еще обѣщано 216 тысячъ. (Анна, III, 10, 169. 171.)

ровъ, долженъ былъ уйти, не взявъ Солуни.

Прибывъ въ Италію, онъ прежде всего усмирилъ возстаніе и затѣмъ направился на помощь папѣ. Войско его было такъ велико (6 тыс. рыцарей и 10 тыс. другаго войска), что Генрихъ IV не могъ принять борьбы. Робертъ вошелъ въ Римъ и, встрѣтивъ тамъ сопротивленіе, строго наказалъ жителей и разграбилъ городъ, который, такимъ образомъ, пострадалъ отъ своихъ, подобно Византіи.

Удалившись въ Италію, Робертъ оставилъ на театрѣ войны въ Греціи сына своего Боэмунда; послѣдній на время сократилъ районъ своихъ военныхъ дѣйствій и сосредоточилъ ихъ въ Эпирѣ (нынѣшней Янинѣ) чтобъ укрѣпиться здѣсь болѣе твердымъ образомъ. Въ 1083 году опять появился здѣсь императоръ и потерпѣлъ два сильныя пораженія отъ Боэмунда. Снова дорога была открыта и сынъ Роберта направился по пути отца своего къ Солуни. Но долгая осада крѣпости Ларисса, а наконецъ и побѣда, одержанная Алексѣемъ Комниномъ, остановили успѣхи Норманновъ. Не помогло дѣлу и личное присутствіе Роберта, возвратившагося изъ Италіи; впрочемъ, чрезъ два года онъ умеръ на островѣ Корфу (1085 г.), гдѣ еще и теперь память о немъ осталась въ названіи порта (porto

Guiscardo). Между сыновьями его - Боэмундомъ и Рожеромъ, началась борьба за наслѣдство, такъ что не только нельзя было думать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, но даже Дирразій возвращенъ былъ Византіи.

Но съ 1085-1091 годъ Алексѣй Комнинъ долженъ былъ вести еще борьбу съ Печенѣгами и Половцами, которые снова стояли грозною силою предъ лицемъ имперіи. Какъ извѣстно, они давно уже хозяйничали на югѣ отъ Дуная; теперь они грозили Филиппополю, Адріанополю и даже самой столицѣ. Между прочимъ замѣтимъ, что движеніе Печенѣговъ находилось въ связи съ походомъ Роберта Гвискара. Выше уже было сказано, что составъ арміи императора отличался необычайной пестротой; между прочимъ въ него входили и Павликіане, Манихеи, живущіе по преимуществу около Филиппополя*) и отличившіеся тѣмъ, что въ рѣшительную минуту оставили императора и ушли домой съ поля сраженія. По окончаніи борьбы съ Робертомъ Гвискаромъ, императоръ хотѣлъ наказать этихъ сектантовъ и дѣйствительно, изъ среды ихъ пострадали многія семьи, имѣнья которыхъ были конфискованы, мужья и отцы заключены въ темницу и т. д. Это произвело раздраженіе въ средѣ Богомиловъ, которые возмутились и нашли себѣ за-

щитниковъ въ лицѣ Печенѣговъ. Весьма любопытнымъ въ этомъ дѣлѣ является тотъ фактъ, что язычники здѣсь представляются, какъ защитники религіозной свободы и что это случается уже не въ первый разъ. Вмѣшательство въ дѣла Павликіанъ повело къ новому движенію Печенѣжской орды на Имперію.

Печенѣги извѣстны намъ уже давно. Въ 1048 году ордою въ 800.000 человѣкъ они перешли Дунай и отчасти съ согласія Византійскаго правительства, отчасти насиліемъ утвердились на пространствѣ между этою рѣкою и Балканами. Вскорѣ они изъ-за Балканскихъ странъ сдѣлались постоянною грозою Македоніи и Өракіи, грабили область Адріанопольскую, угрожали столицѣ. Византійское правительство думало воспользоваться силами кочевыхъ наѣздниковъ для борьбы въ Малой Азіи съ Турками Сельджуками; но не одинъ разъ случалось, что въ самую рѣшительную минуту Печенѣги измѣняли, переходили къ своимъ единоплеменникамъ: историки Византійскіе сохранили намъ ясныя указанія на то, что, встрѣчаясь въ поляхъ Малой Азіи, въ рядахъ арміи Романа Діогена и Султана Алп-Арслана, Печенѣги и Турки легко приходили къ сознанію своего кровнаго родства и понимали другъ друга. Алексѣй Комнинъ, въ пер-

вый періодъ своего царствованія, не имѣлъ враговъ болѣе страшныхъ и опасныхъ, чѣмъ Печенѣги. Цѣлыя двѣ книги (изъ двѣнадцати) въ сочиненіи его дочери посвящены почти исключительно описанію борьбы съ этими новыми Скиѳами. Такъ называетъ ихъ постоянно Анна Комнина; и можетъ быть, въ этомъ слишкомъ общемъ и старомъ наименованіи, скрывающемъ настоящую историческую дѣйствительность XI вѣка лежитъ причина того, что новые изслѣдователи проходятъ мимо важнаго факта*) - даже когда нуждаются въ немъ для объясненія того или другаго темнаго вопроса. Лѣтомъ 1088 года Алексѣй Комнинъ потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ Печенѣговъ между Силистріей и Шумлой и едва спасъ свою жизнь бѣгствомъ: Печенѣги уже держали узду его коня, и только сильныя мышцы и ловкость въ управленіи мечемъ спасли Алексѣя; во время бѣгства онъ спряталъ въ густой травѣ омофоръ Богородицы, служившій ему знаменемъ. Къ Печенѣгамъ спѣшили на помощь изъ за Дуная единоплеменные и единоязычные съ ними Половцы; но, опоздавъ къ битвѣ, а слѣдовательно и къ раздѣлу добычи, поссорились съ ними,

---

*) т. е. Печенѣжскихъ набѣговъ на Имперію и той опасности, кот. грозила отъ нихъ.

затъяли борьбу и тъмъ дали нъкоторый отдыхъ Византіи. Зимою 1088-1089 года прибылъ въ Константинополь графъ Фландрскій, принятый съ большимъ радушіемъ во дворцъ Влахернскомъ; онъ объщалъ Алексъю по возвращеніи домой значительную помощь для борьбы съ Печенъгами, которая должна была возобновиться. Въ 1089 году Печенъги заняли Филиппополь, разсыпались мелкими отрядами въ долинъ Марицы, захватили Кипселу (Ипсалу на югъ отъ Адріанополя и Димотики); не видя никакихъ средствъ остановить разливъ дикой орды, Алексъй, какъ съ необычайною скромностью выражается дочь его - просилъ мира у Печенъговъ. Едва наступила весна 1090 года, какъ Печенъжскія шайки появились у Харіуполя (Люле-Бургаса) и разбили отборный военный отрядъ, предводимый самимъ императоромъ. Послъ, когда императоръ перенесъ свою главную квартиру въ Чурулъ (Чорлу) Печенъги тотчасъ окружили городъ; сдълавъ удачную вылазку, Алексъй пробрался въ столицу. При началъ зимы Печенъги раскинули свои палатки на съверъ отъ Чурула, около Визы и Люле-Бургаса; но отдъльные отряды выходили на смълые поиски. Такъ, въ Февралъ 1091 г. шести-тысячная толпа появилась въ окрестностяхъ столицы, около Бюкъ-Чекмадіе

и преградила путь самому императору къ его развѣдочнымъ и наблюдательнымъ отрядамъ. Хотя онъ и опять успѣлъ высвободить себя искуснымъ и неожиданнымъ нападеніемъ на раздробленныя силы враговъ, однако это мало помогло столицѣ. Въ Мартѣ того же года Печенѣги стояли такъ близко отъ цареградскихъ стѣнъ, что жители не смѣли, въ день Феодора Тирона, посѣщать его храмъ, находившійся въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій.

Въ то же время все ближе и ближе надвигалась опасность и съ другой стороны: Турки-Сельджуки стремились подать руку своимъ единоплеменникамъ въ Европѣ. Среди нихъ появился смѣлый и предпріимчивый вождь Чаха, проживи долго плѣнникомъ въ Константинополѣ и сдѣлавшійся потомъ эмиромъ, а вмѣстѣ и пиратомъ въ греческомъ малоазіатскомъ поморьѣ, завоеванномъ Турками. Онъ понялъ, что самый жестокій ударъ Константинополю можно нанести съ моря; имѣя мѣстопребываніе въ Смирнѣ, онъ завладѣлъ приморскими городами Фокеей и Клазоменами; завелъ флотъ при помощи грековъ, покорилъ Лесбосъ и Хіосъ и завязалъ сношенія съ Печенѣгами, которые были ему хорошо извѣстны со времени пребыванія въ Константинополѣ (1090 г.)

Изд. М. Дабвина.

Ист. Сред. вѣковъ. Отдѣлъ II. Листъ 20.

какие-то Печенѣги, неизвѣстно откуда появившиеся, сообщали ему о движеніяхъ и намѣреніяхъ Византійскихъ воеводъ (Анна, VII, 367). Дѣйствія Чахи были такъ опасны уже въ 1090 году, что Алексѣй Комнинъ отправилъ въ Малую Азію присланныхъ Робертомъ пятьсотъ отборныхъ всадниковъ, хотя первоначально они предназначались для борьбы съ Печенѣгами и очень были нужны въ Европѣ. Вслѣдъ затѣмъ, зимою 1090-1091 г. въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстно, что эмиссары смѣлаго пирата появлялись въ Печенѣжскомъ становищѣ, и что между ними условлено было общее нападеніе на имперію съ моря и суши. Печенѣги должны были занять полуостровъ Галлиполи, чтобы открыть прямыя отношенія съ эмиромъ и облегчить ему высадку въ Европѣ (Анна, VIII, 394.). Весною Печенѣжская орда, оставивъ предмѣстья столицы, дѣйствительно обратилась на западъ, къ долинѣ рѣки Марицы; она шла на соединеніе съ турецкими силами, прибытіе которыхъ уже ожидалось. Когда императоръ Алексѣй, еще ничего не получившій свѣдѣнія о турецко-печенѣжскомъ планѣ дѣйствій, пробрался моремъ къ Эносу для наблюденій, и если возможно, для борьбы со врагами и находился въ самомъ тяжеломъ и тревожномъ состояніи духа,

онъ получилъ еще извѣстіе о приближеніи новой массы степныхъ наѣздниковъ: это были Половцы, пришедшіе въ количествѣ сорока тысячъ. Никто не могъ сказать, явились ли они какъ союзники на зовъ императора, или же предпочтутъ вмѣстѣ съ единоплеменниками нанести послѣдній ударъ имперіи. Однимъ словомъ, положеніе было таково, что, какъ выражается Анна, (VIII, 396) „судя по человѣчески, не было спасенія"....

Дѣйствительно, трудно было ожидать благопріятнаго исхода и Византія, истощенная еще прежнею борьбою съ Западомъ, стояла, казалось, на краю погибели. Замолкла теперь Византійская гордость, основанная на высокой степени образованія и постоянной вѣрности православной церкви. Казалось, Богъ совершенно покинулъ ихъ, вѣрнѣйшихъ сыновъ церкви, избранный (какъ они сами думали) среди всѣхъ народовъ свой. Доискиваясь причины этого гнѣва Божія, Византійцы, (что всего характерные) видѣли эту причину въ самомъ императорѣ; монахи, пользуясь своимъ громаднымъ вліяніемъ на чернь, внушили ей, что Алексѣй бралъ священные сосуды изъ церквей и тѣмъ прогнѣвилъ Бога, такъ что императоръ, въ оправданіе себя, приводилъ примѣры и царя Давида, ѣвшаго хлѣбы предложенія во время голода, и Перикла, растратившаго общественную казну.

Впрочемъ, въ дошедшей до насъ одной изъ его новеллъ, императоръ публично кается въ своихъ проступкахъ и обѣщаетъ вознаградить святыя церкви. Но Провидѣніе не умилостивлялось и въ 1091 г империя находилась въ наибольшей чѣмъ когда бы то ни было опасности.

Въ эту то тяжелую минуту и явился знаменитый документъ, столь отличный отъ всѣхъ писаній Византійской канцеляріи, что до сихъ поръ нѣкоторые ученые считаютъ его подложнымъ - посланіе императора къ Роберту Фризу, графу Фландрскому, вопль о помощи, въ которомъ слышно такое искреннее отчаяніе, что оно заставляетъ пишущаго забывать всѣ обычныя тонкости и витіеватое краснорѣчіе средневѣковой Византіи и выражаться просто, мѣстами даже въ унизительномъ для императорскаго достоинства тонѣ.

„Славному господину, графу Фландрскому Роберту и всѣмъ князьямъ цѣлаго царства, любителямъ христіанской вѣры, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ - императоръ Константинопольскій здравіе и миръ въ единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и Отцѣ Его и Святомъ Духѣ.

„О, славнѣйшій графъ и величайшій утѣшитель христіанской вѣры! Я хочу сдѣлать извѣстнымъ вашему благоразумію, что святѣйшая имперія греческихъ христіанъ сильно утѣсняется

Печенѣгами и Турками; они грабятъ ее ежедневно и отнимаютъ ея области; убійства и поруганія христіанъ, ужасы, которые при этомъ совершаются, неисчислимы и такъ страшны, что способны возмутить самый воздухъ......
Почти вся земля отъ Іерусалима до Греціи и вся Греція со своими верхними областями .... до самой Ѳракіи подверглись ихъ нападенію. Остается одинъ Константинополь, но они угрожаютъ въ самомъ скоромъ времени и его отнять отъ насъ, если не подоспѣетъ быстрая помощь латинскихъ христіанъ. Въ Пропонтидѣ.........появились уже двѣсти кораблей, которые принуждены были выстроить для своихъ угнетателей сами Греки, служащіе теперь на нихъ невольными гребцами и кормчими. Такимъ образомъ, какъ съ суши, такъ и чрезъ эту Пропонтиду, враги угрожаютъ скоро взять Константинополь. Именемъ Бога и всѣхъ греческихъ христіанъ молимъ васъ, чтобы вы поспѣшили къ намъ на помощь съ вѣрными воинами Христа, какихъ вы найдете въ странѣ своей....... Я самъ, облеченный саномъ императора, не вижу никакого исхода и не нахожу спасенія; я принужденъ постоянно бѣгать предъ лицемъ Турокъ и Печенѣговъ.........
Я лучше хочу быть подъ властью вашихъ латинянъ, чѣмъ сдѣлаться игра-

лицемъ и потѣхою язычниковъ. И такъ, прежде чѣмъ Константинополь будетъ взятъ ими, напрягите всѣ свои силы. Лучше, чтобы Константинополь достался вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся наидрагоцѣннѣйшія святыни Господни, а именно.......... и т. д. Слѣдуетъ перечисленіе этихъ святынь, а также и драгоцѣнностей, заключающихся въ храмахъ Византійскихъ, государственной казнѣ и сокровищъ частныхъ лицъ. Посланіе заключается повтореніемъ просьбы о помощи.... „дабы не погубить христіанскаго царства, а что еще важнѣе, гроба Господня, и дабы получить не осужденіе, а вѣчную награду на небеси".

Не смотря на нѣкоторыя несообразности въ формѣ выраженій, мы должны, вопреки мнѣнію другихъ ученыхъ*) считать текстъ посланія за несомнѣнно подлинный, исходящій изъ императорской канцеляріи, отъ лица самого Алексѣя, ибо изложенные въ немъ факты вполнѣ соотвѣтствуютъ единственному источнику того времени — Алексіадѣ Анны Комниной.

---

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду въ особенности французскаго изслѣдователя графа Ріана (Riant), настаивающаго на подложности документа. См. Riant, Alexii Comneni Epistola. Paris. 1879. Въ нѣкоторыхъ

и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко и вѣрно рисуютъ бѣдственное положеніе имперіи въ 1090 - 1091 годахъ.

Получивъ это посланіе, Робертъ Фризъ и другіе французскіе графы и бароны должны были несомнѣнно, обратить на него особое вниманіе. Константинополь, этотъ новый Римъ, съ его богатствами и церковными святынями, конечно, привлекалъ ихъ и, быть можетъ, письмо императора являлось гораздо болѣе важнымъ мотивомъ перваго крестового похода, чѣмъ это обыкновенно привыкли предполагать.

Но положеніе дѣлъ въ имперіи скоро измѣнилось, благодаря вмѣшательству Половцевъ. Эта сорокатысячная орда, подъ предводительствомъ своихъ двухъ хановъ, Тугортака (Тугорканъ русскихъ лѣтописей) и Маньяка (Бонякъ Шелудивый) стала на сторону Алексѣя противъ Печенѣговъ. Находчивый Римскій императоръ, въ виду безвыходности своего положенія, не пренебрегъ дружбою грубыхъ степныхъ варваровъ и воспользовался ими для спасенія имперіи отъ угрожавшей ей погибели. Такимъ образомъ, когда черезъ нѣсколько лѣтъ крестовый походъ состоялся и западные люди явились въ Константинополь, императоръ не нуждался болѣе въ ихъ помощи; отсюда и тотъ холодный, положеніяхъ сходится съ нимъ и г. Парисъ; см. Revue critique, 1879, II.

почти недружелюбной пріемъ, оказанной имъ помощникамъ, пришедшимъ не во-время и на которыхъ онъ имѣлъ достаточно причинъ смотрѣть подозрительно, тотъ пріемъ, за который справедливо упрекаютъ его многіе западные писатели и хроникеры крестовыхъ походовъ.

Мы разсмотрѣли причины крестоваго движенія, на сколько они зависѣли отъ положенія дѣлъ на востокѣ, отъ внутренняго состоянія Византійской имперіи и турецкаго халифата. Теперь, прежде чѣмъ перейти къ самымъ событіямъ этого перваго похода для освобожденія св. земли, мы необходимо должны обратиться, хотя и въ весьма краткомъ очеркѣ, къ разсмотрѣнію причинъ, обусловившихъ это движеніе въ Западной Европѣ.

Говоря объ условіяхъ, въ которыхъ лежала возможность крестоноснаго движенія, обыкновенно усматриваютъ причины его въ настроеніи умовъ западно-Европейскаго общества и имѣютъ въ виду при этомъ двѣ точки зрѣнія: это громадное движеніе, всколыхавшее, такъ сказать, всю Европу, вызвано было частью религіозно-аскетическимъ настроеніемъ массъ, частію бурнымъ, воинственнымъ, страстнымъ къ приключеніямъ духомъ тогда-

шняго, по преимуществу Норманнскаго рыцарства.

Обобщая эти причины, скажемъ, что это зависѣло отъ феодальнаго строя средневѣковаго общества и, установивъ это, постараемся объяснить, какимъ образомъ этотъ западно-европейскій феодальный строй, противоположный Восточному, государственному, является причиною крестоваго движенія.

При объясненіи происхожденія феодализма необходимо имѣть прежде всего въ виду, что начало феодальнаго строя зависѣло отъ характера землевладѣнія еще въ Римское время и отъ распаденія германской общинной марки. Мы должны разъяснить три существенные пункта:

1, Какимъ образомъ возникаетъ, еще въ началѣ среднихъ вѣковъ, преобладаніе крупнаго землевладѣнія?

2, Какимъ образомъ крупные землевладѣльцы (магнаты) подчиняютъ себѣ массу свободнаго населенія, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ?

3, а) Какимъ образомъ между наиболѣе крупными землевладѣльцами и нѣкоторыми изъ мелкихъ возникаетъ личная, вассальная связь и отсюда

3, в) какимъ образомъ возникаетъ такъ называемая феодальная іерархія, эта общественная лѣстница, всѣ ступени на которой въ то время занимаются

однимъ - дѣломъ военнымъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго пункта, мы прежде всего будемъ считать за установленный фактъ, что феодализмъ предполагаетъ необходимо крупную собственность, владѣніе землею, сосредоточенное въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Очевидно, что этотъ социальный процессъ, который къ X и XI вв. былъ уже въ полномъ развитіи, совершился не вдругъ и поэтому справедливо начинать разсмотрѣніе его съ римскаго времени. Уже въ то время начинало возникать сословіе магнатовъ, сенаторскихъ фамилій, въ рукахъ которыхъ соединялись провинціальныя земли; уже въ то время писатели имѣли право сказать: „латифундіи (крупные поземельные участки) погубили провинціи, тоже сдѣлаютъ и съ Италіей". На время этотъ порядокъ былъ нарушенъ, измѣненъ Германскими варварскими поселеніями. Извѣстно, что Германцы селились на различныхъ условіяхъ въ предѣлахъ имперіи и основывали здѣсь свои государства, признававшія римскую власть. Они не истребляли римскаго населенія, что утверждались здѣсь съ согласія имперіи и подъ охраною ея; раздѣлъ земель производимъ былъ не вездѣ одинаково; иногда Германцы оставляли себѣ 2/3 всей захваченной территоріи, иногда 1/3.

Такимъ образомъ поселились Вестъ-Готы, Бургунды, Лангобарды. Вслѣдствіе раздѣла земель, участки въ единоличномъ владѣніи, очевидно, сдѣлались меньше; вмѣсто одного хозяина, явилось два и даже три.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что и Германцы, въ свою очередь, являясь началомъ, измѣнившимъ систему римскаго землевладѣнія, не могли сохранить свой прежній общинный бытъ, ибо попали въ среду Римлянъ, гдѣ начало личной собственности было строго и правильно развито.

И такъ, Римскій соціальный строй на время измѣняется; но скажемъ Женеръ же, что это было только <u>на время</u>: нарушенный процессъ развитія крупнаго землевладѣнія вскорѣ вновь возобновился; у самихъ Германцевъ, въ началѣ общинниковъ, затѣмъ (на римской землѣ) мелкихъ единоличныхъ собственниковъ, совершается переворотъ: землевладѣльцевъ становится меньше, земли начинаютъ сосредоточиваться въ нѣсколькихъ рукахъ и опять наступаетъ періодъ крупнаго землевладѣнія. Неудивительно, что это случилось въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были римскіе порядки (у Вест-Готовъ, Бургундовъ и т.п.), но удивительно, что то же мы замѣчаемъ въ самомъ сердцѣ Германіи, откуда не двинулись даже туземные общи-

татели — въ Тюрингіи, Гессенѣ, частью въ Баваріи и т. д. Нѣмецкій ученый Инама-Штернегъ (Inama-Sternegg) въ своемъ трудѣ „Deutsche Wirtschaftsgeschichte" статистически доказалъ, что въ Австразіи замѣтно преобладало крупное землевладѣніе. Онъ объясняетъ происхожденіе его слѣдующимъ образомъ: существуетъ марка, въ которой каждый имѣетъ въ собственность усадебную землю, ежегодно получаетъ участокъ поля, а лѣсъ и выгонъ — общіе. Кромѣ того, остается много пустопорожней земли, которой распоряжается марка сотенная. Эта то земля и имѣла важное значеніе. Существовало такое постановленіе: кто своими трудами распашетъ часть этой земли, тотъ получаетъ ее въ собственность. Когда умножилось населеніе, явились предпріимчивые люди, которые воспользовались этимъ постановленіемъ: они дѣлались собственниками, становились богаче другихъ членовъ общины, получали общинныя должности, которыя имъ поручалъ король, а эти должности (какъ напр. должность графа) служили подспорьемъ для округленія ихъ владѣній.

Въ началѣ варварскихъ государствъ мы не замѣчаемъ, впрочемъ, еще никакихъ признаковъ феодальной подчиненности; вездѣ господствуетъ порядокъ государственный: во главѣ стоитъ ко-

роль, вокругъ него чиновники - графы и герцоги; всѣ одинаково преклоняются предъ королемъ, на всѣхъ лежатъ одинаково - обязательныя повинности, иногда весьма тяжелыя, какъ напр. повинность военная. Такъ, у франковъ она являлась безусловною для всѣхъ свободныхъ людей, которые должны были вооружить себя, своего коня и содержать себя во все время похода. Эта повинность, между прочимъ, нерѣдко вела къ тому, что свободные мелкіе собственники предпочитали отдавать свои земельные участки людямъ сильнымъ, чтобы, получивъ ихъ обратно въ качествѣ аренды, избавиться этимъ самымъ отъ обязательства идти на войну. Очевидно, что этимъ путемъ число мелкихъ собственниковъ уменьшалось и наоборотъ, увеличивалось число крупныхъ, скупавшихъ ихъ земли, магнатовъ. При Каролингахъ это особенно усиливается и крупные землевладѣльцы пріобрѣтаютъ такую власть и значеніе, что короли цѣлымъ рядомъ указовъ стараются воспрепятствовать продажѣ участковъ со стороны мелкихъ собственниковъ.

И такъ, въ началѣ Франкскаго государства мы еще не видимъ признаковъ феодальнаго строя, хотя нѣмецкій ученый Вайцъ *) находитъ зароды-

*) Waitz. „Deutsche Verfassungsgeschichte".

ии его уже въ Меровингскомъ періодѣ. Уже при Меровингахъ, говоритъ онъ, королевское пожалованье доставляетъ получившему его не полную, а условную собственность, обязываетъ къ особой признательности и вѣрности, и въ такого рода пожалованьяхъ землею онъ видитъ зародышъ бенефиціи или лена. Уже при Меровингахъ, по Вайцу, государственная защита становится недостаточною и слабые люди помимо государственной власти ищутъ покровительства у могущественныхъ землевладѣльцевъ (магнатовъ) и чиновниковъ и въ этомъ усматривается зародышъ вассалитета.

Впрочемъ, другіе представители этой нѣмецкой школы, Ротъ*) и Зомъ (Sohm) были послѣдовательнѣе: Меровингское государство, по мнѣнію ихъ, знало одну только связь между своими членами - связь подданства и одну только власть - государственную; королевскія пожалованья не вели вовсе къ образованію особыхъ отношеній между жалователемъ и пожалованными; вассальныхъ отношеній вовсе еще не замѣтно въ Меровингскомъ періодѣ.

Есть еще школа, имѣющая своихъ представителей какъ въ Германіи, такъ особенно внѣ ея (въ Англіи)

---

*) Roth. „Geschichte des Beneficialwesens" и „Feodalität und Unterthanenverband".

которая разбираетъ процессъ феодализаціи преимущественно съ внутренней стороны, останавливается главнымъ образомъ на выражающемся въ немъ измѣненіи экономическаго строя, отъ котораго непосредственно зависятъ измѣненія въ правѣ землевладѣнія. Маурерь,*) одинъ изъ главнѣйшихъ ея представителей, и его послѣдователи**) сосредоточиваютъ свои изслѣдованія не вокругъ понятія верховной власти, объединяющей государство, а вокругъ понятія сельской общины (марки) составляющей первоначальную клѣточку въ государствѣ. Марка, въ томъ видѣ, въ которомъ она существовала, косвенно ручалась за равносильность, свободность людей въ общинѣ, за отсутствіе могущественной аристократіи и за значеніе свободной народной массы въ войскѣ, судѣ и управленіи. Только съ разложеніемъ общиннаго союза могли возникнуть сословныя неравенства, феодальное землевладѣніе и присвоеніе государственной власти крупнѣйшими землевладѣльцами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію втораго пункта, а именно, какимъ образомъ крупные землевла-

---

*) Maurer, „Anleitung in die Geschichte der Mark, Hof, Dorf und Stadtverfassung".

**) Къ этой школѣ принадлежитъ и упомянутый выше нами Онама-Sternegg.

дѣльцы подчинили себѣ, на основаніи вассальныхъ отношеній, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ?

Выше мы уже указали, что одною изъ причинъ предоставленія мелкихъ участковъ во власть магнатовъ была военная повинность, отъ тяжести которой незначительные собственники всячески старались освободиться. Не менѣе важною причиною того же самаго факта являются виры за преступленія, которыя были весьма значительны, такъ что люди, обязанные платить ихъ, обыкновенно разорялись и принуждены были также отдавать свои участки сильнымъ людямъ, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, получая ихъ обратно отъ этихъ сильныхъ людей, но уже не какъ собственники, а какъ держальцы. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что несмотря на крупное землевладѣніе система обработки земли была мелкая; большихъ хозяйствъ, какъ въ римское время или какъ въ современной Англіи, не существовало вовсе; здѣсь господствовала мелкая культура, причемъ свободные люди, прежніе владѣльцы мелкихъ участковъ, не сгонялись съ нихъ, а продолжали обрабатывать свой же участокъ, но уже на иныхъ условіяхъ по отношенію къ магнату, которому они уже обязаны извѣстнымъ оброкомъ.

Лит. Богдина, Гороховая, 17.

И такъ, возникаетъ сильное сословіе землевладѣльцевъ, магнатовъ, которые, ко времени Кароллинговъ, уже подчинили себѣ въ экономическомъ отношеніи свободныхъ мелкихъ собственниковъ. Это подчиненіе они стремятся распространить и на область политическую; прежде всего они пріобрѣтаютъ право покровительства (Mund, Vormund, patronnage), то право, которымъ, впрочемъ, и въ древне-германское время владѣлъ господинъ дома по отношенію къ своимъ домашнимъ-семьѣ и слугамъ. Мало по малу мелкіе владѣльцы, теперь держальцы участковъ выдѣляются со своимъ господиномъ какъ бы въ отдѣльную общину; у нихъ входитъ въ обычай рѣшать свои дѣла, споры и тяжбы на судѣ у господина, не прибѣгая къ суду государственнаго чиновника, графа. Государство въ этомъ отношеніи довольно рано приходитъ на помощь магнатамъ, давая имъ такъ называемое право иммунитета.

Иммунитетъ, въ римское время и въ началѣ среднихъ вѣковъ означавшій только свободу отъ государственныхъ податей и повинностей, въ разсматриваемое нами время означаетъ уже пользованіе государственными верховными правами, переданное частнымъ лицамъ или учрежденіямъ.

Въ началѣ крупные землевладѣльцы обязаны были представлять своихъ людей на судъ графа, королевскаго уполномоченнаго и затѣмъ исполнять надъ ними его приговоръ. Иммунитетныя грамоты давали имъ право не только сбора государственныхъ повинностей въ районѣ ихъ владѣній но и право суда надъ своими людьми, помимо юрисдикціи графа. При этомъ магнаты получали отъ королей не только право низшей юрисдикціи (droit de basse justice), но средней (droit de justice moyenne) и даже высшей (droit de haute justice) т. е. безусловнаго права суда во всѣхъ случаяхъ преступленій, даже уголовныхъ.

Въ разбираемую нами эпоху владѣніе землею почти исключительно было сосредоточено въ рукахъ церквей и монастырей. И они, подобно свѣтскимъ владѣльцамъ, на основаніи иммунитетныхъ грамотъ начали представлять относительно органовъ исполнительной королевской власти нѣкотораго рода недоступные острова, маленькія фактически почти-независимыя государства, въ которыхъ настоятель монастыря былъ настоящимъ государемъ всѣхъ обитателей церковной территоріи. Преемники Карла Великаго особенно щедры были въ раздачѣ иммунитетныхъ грамотъ съ правомъ полной юрисдикціи духовнымъ учрежденіямъ. Но

такъ какъ епископамъ и аббатамъ неприлично было заниматься свѣтскими дѣлами, судебными тяжбами и полицейскими мѣрами лично, то поэтому каждая церковь должна была держать для всего этого особеннаго свѣтскаго уполномоченнаго, который первоначально назывался защитникомъ (defensor), потомъ обыкновенно адвокатомъ, (advocatus ecclesiae) фохтомъ (Vogt, Kirchenvogt), войтомъ. Въ первое время такихъ церковныхъ войтовъ давалъ церквамъ самъ король; но впослѣдствіи вездѣ назначали ихъ сами епископы и аббаты. Фохтъ представлялъ церковь въ свѣтскихъ дѣлахъ, защищалъ ея владѣнія, чинилъ судъ и расправу надъ свободными и несвободными людьми, жившими на ея владѣніяхъ, велъ подданныхъ церкви на войну, если церковь не была освобождена отъ военной повинности и если сами епископы и аббаты не предпочитали лично вести ихъ.

Церковный адвокатъ получалъ должность свою отъ епископа или аббата, но такъ какъ по каноническимъ правиламъ церковь не могла судить уголовныхъ дѣлъ, особенно такихъ, которые вели за собою смертную казнь, то адвокатъ долженъ былъ выпрашивать у короля Blutbann, т.е. право уголовной расправы, которая, по коренному юридическому понятію эпохи,

имѣла свой единственный источникъ въ королѣ. Обыкновенно церкви и монастыри избирали себѣ воиномъ кого-либо изъ знатныхъ сосѣдей, изъ больших поземельныхъ собственниковъ округа. Почти всегда воинъ получалъ отъ церкви земельный надѣлъ, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вассаломъ церкви; кромѣ того, третья доля всѣхъ денежныхъ пеней и судебныхъ доходовъ поступали въ его пользу.

Изъ иммунитета же, по мнѣнію Вайца, развилось и право сеньоровъ требовать своихъ вассаловъ на войну, къ исполненію военной повинности. Выше уже было сказано, что землевладѣльцы, получившие иммунитетъ, имѣли право судить, взимать вирныя деньги и т. п.; они же должны были и назначать штрафъ неявившимся на отправленіе воинской службы. Стоило только сеньору простить своему вассалу этотъ штрафъ и вассалъ являлся освобожденнымъ отъ повинности. Отсюда-то Вайцъ и производитъ въ тѣсномъ смыслѣ сеньоратъ, т. е. право феодальнаго владѣльца требовать исполненія военной обязанности отъ подчиненныхъ ему вассаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право предводительствовать ими на войнѣ.

Итакъ, крупные землевладѣльцы пріобрѣтаютъ право суда и право

предводительства на войнѣ, которыя распространяются не только на колоновъ, сидящихъ на ихъ земляхъ, но и на свободныхъ землевладѣльцевъ. Образовываются небольшія и большія территоріи, которыя, такъ сказать, ускользаютъ изъ подъ непосредственной власти государства и сами становятся въ нѣкоторомъ родѣ независимыми политическими тѣлами.

Но земельная зависимость мелкихъ свободныхъ собственниковъ еще не даетъ намъ точнаго понятія о томъ, что въ самомъ тѣсномъ и опредѣленномъ смыслѣ должно разумѣть подъ именемъ феодальныхъ отношеній, которыя образуются только лишь изъ комбинаціи зависимости земельной и личной. Что же такое эта личная зависимость, эта вассальность и откуда ея происхожденіе?

Нерѣдко случалось, что свободный человѣкъ, но не имѣвшій средствъ, а иногда даже нуждавшійся въ пищѣ и одеждѣ, приходилъ къ другому, сильному и богатому, по большей части землевладѣльцу и отдавалъ ему себя подъ руку, коммендировалъ себя; богатый человѣкъ тогда становился его защитникомъ и покровителемъ, бѣдный же, отдавшійся подъ руку его, дѣлался вассомъ, вассаломъ. Возникновеніе этихъ личныхъ

вассальныхъ отношеній наблюдается еще въ VIII вѣкѣ; первоначально вассалы возникаютъ изъ т.н. наз. захребетниковъ (Hintersassen): изъ среды этихъ людей, несущихъ оброкъ своему господину, выдѣляется нѣкоторая часть, которая вступаетъ въ личныя къ нему отношенія и образуетъ около него какъ бы вооруженную свиту. Въ число этой дружины, первоначально, какъ мы видимъ, состоявшей изъ людей подчиненныхъ господину, вступаютъ мало по малу и свободные, коммендирующіе ему себя люди. Они несутъ ему военную службу „насколько прилично свободному человѣку", получая взамѣнъ этого, какъ уже сказано выше, его защиту и покровительство во всѣхъ случаяхъ жизни. Вступленіе въ эти личныя отношенія обыкновенно сопровождалось извѣстнымъ обрядомъ, закрѣплялось клятвою, произносимою по точно опредѣленной формулѣ. Коммендирующій себя человѣкъ становился на одно колѣно предъ тѣмъ, кого избиралъ своимъ покровителемъ, клалъ свои руки въ его руки и произносилъ клятвенное обѣщаніе въ вѣрности. Въ свою очередь, господинъ также подъ клятвою обѣщалъ ему свою защиту и покровительство.

Но и въ этой личной зависимости, если мы будемъ разсматривать

ее отдѣльно, еще нѣтъ зачатковъ будущихъ феодальныхъ отношеній, которыя въ X в. образуются изъ комбинаціи этихъ двухъ родовъ подчиненія: личнаго и земельнаго.

До сихъ поръ оба эти рода стояли отдѣльно: но стоило только богатому и сильному землевладѣльцу дать своему вассалу землю въ видѣ бенефиціи и отношенія совершенно измѣнялись. Оставаясь подъ рукою своего сеньора, вассалъ, получая отъ него землю, становился къ нему въ новыя отношенія подчиненія. Въ этой комбинаціи мы уже приближаемся къ тому, что обыкновенно представляется подъ именемъ феодальной зависимости.

Государственная власть въ лицѣ Каролинговъ, въ началѣ боровшаяся противъ возникновенія этого новаго порядка вещей, впослѣдствіи примирилась съ нимъ, находя, что во многихъ случаяхъ онъ являлся даже весьма удобнымъ. И дѣйствительно, выгода этого для центральной власти была очевидна: зная только нѣсколькихъ сильныхъ и могущественныхъ людей, королю гораздо легче было заботиться объ нихъ и сноситься съ ними, а чрезъ нихъ уже и со всѣми тѣми, кто стоялъ подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Подобный порядокъ вещей былъ призналъ на столько удобнымъ, что короли

издали даже рядъ эдиктовъ, дѣлая рекомендацію обязательною для тѣхъ, которые еще не избрали себѣ покровителя. Кромѣ того, въ указѣ Пипина, короля Итальянскаго, отъ 816 г. говорилось, что человѣкъ, вступившій разъ въ подобныя личныя подчиненныя отношенія, не имѣлъ права разрывать ихъ безъ особенныхъ уважительныхъ на то причинъ.

Важное значеніе при этомъ получили королевскія бенефиціи или пожалованья, издавна существовавшія, но теперь, во времена Каролинговъ, получившія новый характеръ и значеніе. Безъ сомнѣнія, каждому извѣстно обычное толкованіе словъ „аллодъ" и „бенефиція" и противоположеніе одного понятія другому. Аллодомъ обыкновенно называютъ землю, полученную въ полную собственность, бенефиціей — землю, даваемую королемъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ во времена Тацита дружинники награждались копьемъ (framea) и конемъ. При наступленіи такой эпохи, когда дарованіе оружія и лошади оказалось уже недостаточнымъ вознагражденіемъ за службу, король сталъ раздавать своимъ приближеннымъ земли, подъ условіемъ службы и вѣрности. Но такое представленіе объ аллодахъ и бенефиціяхъ, издавна существующее, со-

вершенно ложно. Слово аллодъ, весьма древнее, отнюдь не обозначаетъ свободную поземельную собственность въ противоположность зависимой, но просто наслѣдственную землю въ противоположность благопріобрѣтенной, личную собственность въ противоположность родовой, фамильной.

Что касается до бенефицій, то можно допустить, что они существовали и при Меровингахъ, но обозначали совершенно не то, что обыкновенно соединяютъ съ этимъ понятіемъ. Бенефиціи дѣйствительно бывали раздаваемы королемъ приближеннымъ его или другимъ людямъ, но не во временное пользованіе за службу, а въ полную собственность. Это были именно „благодѣянія", согласно со значеніемъ латинскаго слова или настоящія пожалованья (Verleihungen). Бенефиція и впослѣдствіи ленъ дѣлались полною собственностью того, кому они были дарованы и обязательства лица, получившаго ихъ, къ королю, заключались развѣ только въ благодарности, а отнюдь не въ чемъ либо другомъ. При Каролингахъ дѣло совершенно измѣняется; земли раздаются уже условно, пожалованье ихъ сопровождается извѣстными обязательствами, налагаемыми на получавшаго бенефицію и напоминающими вассальныя отношенія; бенефиціарій преж-

уже всего обязуется быть вѣрнымъ маiордомамъ (впослѣдствiи королямъ) Франкскимъ и, въ случаѣ необходимости, приводить на помощь имъ вооруженное войско. Словомъ, Каролинги, пытаясь подчинить себѣ снова крупныхъ землевладѣльцевъ, вышедшихъ изъ подъ ихъ юрисдикцiи, начинаютъ и въ высшихъ слояхъ тогдашняго общества ту перестройку жизни на новыхъ началахъ, которая уже съ полною и неудержимою силою распространялась внизу.

При этой новой системѣ условныхъ королевскихъ пожалованiй, важное и существенное значенiе имѣетъ фактъ секуляризацiи монастырскихъ имуществъ при Карлѣ Мартелѣ и реституцiи ихъ при его преемникахъ. Извѣстно, что Карлъ Мартелъ велъ многочисленныя войны съ Сарацинами и хотя въ 732 году одержана была блистательная побѣда надъ ними, но дѣло не окончилось этимъ. Необходимость въ войскѣ и нѣкоторыя династическiя соображенiя, которыя требовали увеличенiя приверженцевъ короля, заставили Карла Мартела прибѣгнуть къ секуляризацiи монастырскихъ имуществъ; изъ духовныхъ владѣнiй они были обращены въ свѣтскiя и розданы людямъ близкимъ къ королю. Монастыри и церковь вообще владѣли въ это время огромными земельными имуществами; изъ этихъ-то

церковныхъ имуществъ и отобрана была часть Карломъ Мартелломъ для раздачи своимъ приближеннымъ. Легально, впрочемъ, онъ оставилъ право на владѣніе ими монастырямъ; только фактически они принадлежали частнымъ лицамъ. Объ этой секуляризаціи, или-какъ ее называютъ многіе-споліаціи (хищничествѣ), дошли до насъ древнія церковныя сказанія и легенды, по большей части недоброжелательно относящіяся къ этой мѣрѣ. Мѣра была дѣйствительно несправедлива и сыновья Карла Мартелла-Карломанъ и Пипинъ, предприняли реституцію монастырскихъ имѣній на цѣломъ рядѣ соборовъ, председателемъ которыхъ былъ Бонифацій, апостолъ Германіи. По постановленію этихъ соборовъ, тѣ, которые получали монастырскіе прекаріи*), обязаны были за это нести оброкъ монастырю. Такимъ

---

*) Прекаріи (precarii)-отъ слова preces-(просьба, мольба)-нѣчто въ родѣ арендныхъ участковъ, отдаваемыхъ аббатами церквей и монастырей частнымъ лицамъ. Просьба о полученіи подобнаго участка называлась charta precaria (просительная грамота), грамота утвержденія въ арендномъ владѣніи, даваемая епископомъ или аббатомъ-charta praestaria. Въ началѣ обѣ грамоты писались отдѣльно, потомъ вмѣстѣ и

способомъ образовались эти прекаріи, получившія названіе „precariae verbo regis" (по королевскому слову). Лица, получавшія ихъ, должны были платить оброкъ монастырю, признавая право его собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ нести военную службу королю. Нѣкоторые ученые, а именно-Рогъ и его послѣдователи, ведутъ начало позднѣйшихъ бенефицій - въ смыслѣ условнаго зависимаго владѣнія - отъ этой секуляризаціи церковныхъ имѣній, предпринятой Карломъ Мартелломъ и съ нѣкоторыми смягченіями удержанной его сыновьями. Съ этой же секуляризаціей земель другіе прямо соединяютъ происхожденіе церковной десятины, такъ какъ извѣстно, что Пипинъ опредѣлилъ, чтобы въ вознагражденіе духовенству уплачивалась нона (девятая часть), а Карлъ Великій положилъ платить десятину.

И такъ, бенефиціи на новыхъ основаніяхъ, прекаріи „verbo regis" — все это служитъ государямъ Каролингскаго дома средствомъ подчинить своей непосредственной власти крупныхъ и сильныхъ магнатовъ землевладѣльцевъ. Путемъ соединенія зави-

---

носили одно названіе precaria, вслѣдствіе чего и самая арендная земля получила это названіе.

симости земельной съ личной, на верху общественной лѣстницы образуется ея первая послѣ короля ступень – королевскіе, великіе вассалы (vassaux directs, grands vassaux) высшіе бароны (hauts barons), получающіе инвеституру непосредственно (sine medio) изъ рукъ короля.

И такъ, принципъ подданства, равно обязательнаго для всѣхъ членовъ государства по отношенію къ королю, мало по малу изчезаетъ и замѣняется новою государственною формою, основанной на началахъ личнаго договора, государствомъ вотчиннымъ, феодальнымъ.

Стоило теперь центральной власти нѣсколько ослабнуть, недоставало лишь одного поступательнаго шага въ извѣстномъ направленіи – и процессъ достигъ бы полнаго своего развитія. При слабыхъ преемникахъ Карла Великаго этотъ шагъ былъ сдѣланъ.

Послѣднею причиною разложенія волостнаго устройства, а чрезъ это и самой монархіи, послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ моментомъ въ развитіи феодальнаго порядка вещей былъ переходъ должности графа въ наслѣдственное право. Дѣлаясь наслѣдственною, власть графа обращалась въ земское господство (Landeshoheit) и этимъ завершалось обра-

зованіе самостоятельныхъ феодальныхъ территорій, государствъ въ государствѣ, частныхъ государствъ. Графы были въ одно время и намѣстники королевскіе, представители власти короля и вмѣстѣ съ тѣмъ его вассалы. Обыкновенно съ графскою должностью соединена была бенефиція въ самомъ графствѣ, которая называлась res или pertinentia comitatus. Вслѣдствіе этого, самая должность приняла характеръ и значеніе бенефиціи. Въ половинѣ IX в. „honor" и „beneficium" дѣлаются равнозначущими терминами. И такъ какъ въ это время всѣ бенефиціи становятся наслѣдственными, то ясно, что также должны были сдѣлаться наслѣдственными и государственныя должности графовъ, раздававшіяся въ видѣ бенефицій. Естественнымъ желаніемъ каждаго графа, какъ и всякаго другаго бенефиціанта, было передать свою должность, свое званіе, которое срослось съ бенефиціей, своему сыну и дальнѣйшему потомству. Слабая власть королевская уже не въ силахъ была воспрепятствовать этому стремленію; при томъ же короли часто сами оставляли отцовскую должность за сыномъ, который, воспитываясь при отцѣ, лучше, чѣмъ кто либо другой знакомъ былъ съ отношеніями графства, съ

потребностями управленія, былъ близокъ жителямъ графства. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе Керсійскій капитулярій Карла Лысаго, 877го года, прямо признающій должность графа наслѣдственною.

„Если умретъ какой либо графъ этого королевства, говорится въ капитуляріи, то мы желаемъ, чтобы сынъ нашъ, вмѣстѣ съ ближайшими родственниками покойнаго графа, также и другіе чиновники этого графства и епископъ, въ чьей епархіи оно находится, до тѣхъ поръ завѣдовали его управленіемъ, пока намъ не будетъ возвѣщено*) о смерти прежняго графа и мы не будемъ въ состояніи передать сыну его, находящемуся при нашемъ дворѣ, почести, ему (покойному графу) принадлежавшія. Если сынъ умершаго графа еще ребенокъ, то пусть нашъ сынъ, епископъ и мѣстныя власти точно также озаботятся объ управленіи графствомъ до тѣхъ поръ, пока мы, получивъ извѣстіе о смерти отца, не предоставимъ сыну отцовскихъ правъ."

Такимъ образомъ, переходя въ наслѣдство, должность графа дѣлалась частною собственностью. Вся власть, лежавшая въ этой должности по ко-

---

*) Капитулярій этотъ былъ обнародованъ предъ отправленіемъ короля въ италіанскій походъ.

ролевскому порученію, судебная, военная, политическая, становилась собственною его властью. Всѣ политическія права короля переходили въ частное право графа. Теряя характеръ королевскаго намѣстника и дѣлаясь въ своихъ владѣніяхъ самостоятельнымъ государемъ, графъ сохранялъ только характеръ вассала короля, оставался только лично ему подчиненнымъ. Но и это подчиненіе было уже условное, имѣло болѣе значеніе свободнаго договора, чѣмъ должностнаго подчиненія. Хотя король имѣлъ такъ называемое формальное верховенство - praedominium или dominium directum (Obereigenthum, Oberhoheit) надъ графствомъ, но до внутренняго управленія его, до подданныхъ графа ему теперь не было дѣла. Въ своемъ графствѣ и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, графъ былъ полный господинъ suo jure. Онъ не имѣлъ относительно короля другихъ обязанностей, кромѣ обязанностей, вытекающихъ изъ вассальнаго союза, изъ ленной присяги.

Подобно графской должности, сдѣлались наслѣдственными и должности герцоговъ и маркграфовъ, возникли ленныя герцогства и маркграфства, объемомъ своимъ значительно превосходившія простыя графства. То, что происходило въ высшихъ сферахъ, повторялось и въ низшихъ: долж

чности вицеграфовъ - виконтовъ - также дѣлались наслѣдственными и послужили къ образованію мелкихъ феодальныхъ территорій съ низшею степенью феодальнаго господства. Прежнія волостныя и государственныя должности - викаріи и центенаріи - частью исчезли, частью превратились въ вассаловъ графа съ наслѣдственнымъ правомъ средней юрисдикціи (justice moyenne).

Иерархія.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ земскаго господства феодальныхъ владѣльцевъ образовывалась мало по малу феодальная іерархія, т. е. взаимная ленная зависимость однихъ земель отъ другихъ и вассальное подчиненіе однихъ владѣльцевъ другимъ; каждая степень этой феодальной іерархіи захватила для себя извѣстную долю государственной власти; неограниченной власти уже не существовало ни въ чьихъ рукахъ.

Король, какъ ленный господинъ, стоялъ на вершинѣ этой феодальной іерархіи, на вершинѣ лѣстницы высшихъ и низшихъ степеней ленной зависимости.

Въ непосредственномъ отношеніи къ нему находились великіе его вассалы, высшіе бароны, получавшіе инвеституру изъ собственныхъ рукъ его.

Великіе королевскіе вассалы, ленники короля въ свою очередь имѣли своихъ вассаловъ, большихъ и малыхъ, которые въ отношеніи къ королю были уже <u>arrière-vassaux</u>, т. е. занимали третью ступень феодальной лѣстницы.

<u>Виконты</u>, прежніе центенаріи и викаріи, также <u>простые сеньоры, имѣвшіе иммунитетъ</u> (Immunitäts-herren) обращались обыкновенно въ вассаловъ герцоговъ, маркграфовъ и графовъ. Эти вассалы, получавшіе инвеституру не отъ короля, а отъ непосредственныхъ господъ своихъ, составляли классъ <u>низшихъ бароновъ</u> съ низшею степенью феодальнаго господства; большею частью они пользовались въ своихъ земляхъ только правомъ средней юрисдикціи.

Наконецъ, самые эти низшіе бароны могли имѣть и имѣли своихъ вассаловъ, <u>мелкихъ феодальныхъ собственниковъ</u>, <u>владѣльцевъ малыхъ леновъ</u>, которымъ принадлежала уже только одна низшая юрисдикція (basse justice) вотчинная полиція и вотчинный судъ (justice seigneuriale, Grundherrlichkeit, Patrimonialgerichtsbarkeit). Въ отношеніи къ королю такіе мелкіе феодальные владѣльцы находились уже въ четвертой или даже въ пятой степени ленной зависимости. Само собою разу-

мѣется, что такая отдаленная зависимость была чисто номинальная и существовала только въ теоріи, а не въ дѣйствительности; каждый вассалъ приносилъ присягу только своему непосредственному ленному господину. Даже связь между королемъ и арьеръ-вассалами была чрезвычайно слаба; собственно ему подчинены были непосредственно только его вассалы.

На основаніи вышеизложенныхъ, хотя и весьма краткихъ свѣдѣній о феодальномъ порядкѣ вещей, постараемся сдѣлать болье точное опредѣленіе понятія феодализма:

Феодализмъ есть смѣшеніе публичнаго права съ частнымъ, соединеніе правъ верховной власти со всякою поземельною собственностью.

Феодализмъ — такой порядокъ вещей, въ которомъ политическія права, права государства, дѣлаются частною наслѣдственною собственностью отдѣльныхъ лицъ вмѣстѣ съ землею, въ которомъ всѣ публичныя отношенія носятъ частный характеръ и публичное право замѣнено частнымъ.

Феодальное государство — въ которомъ нѣтъ гражданъ и подданныхъ, а только вассалы, которое основывается не на равномъ подчиненіи всѣхъ публичной власти общаго закона, а на частныхъ отношеніяхъ личной вассальной зависимости, на частныхъ

ленныхъ договорахъ, связывающихъ отдѣльныхъ лицъ съ королемъ и между собою.

Феодальное государство — въ которомъ вся масса народонаселенія находится въ частной случайной зависимости, подчиняется власти отдѣльныхъ лицъ; король стоитъ въ непосредственномъ отношеніи только къ немногимъ и эти немногіе подчиняются ему только на основаніи леннаго договора, потому что хотятъ и сколько хотятъ.

Феодальное государство — такое государство, въ которомъ всѣ поземельные собственники пользуются въ своихъ владѣніяхъ большею или меньшею суммою правъ верховной власти и всѣ связаны между собою и королемъ цѣпью взаимныхъ ленныхъ отношеній, гдѣ всѣ земли и ихъ владѣльцы зависятъ частнымъ образомъ одни отъ другихъ и образуютъ длинную лѣстницу ленной постепенности, гдѣ король только ленный господинъ, не отличающійся отъ другихъ ничѣмъ, кромѣ того, что отъ него зависятъ высшіе вассалы.

Наконецъ, феодальное государство есть такое государство, въ которомъ множество территорій, стоящихъ другъ къ другу въ іерархической постепенности, зависящихъ одна отъ другой и подчиненныхъ другъ другу.

Развитіе феодальныхъ отношеній имѣло существенное вліяніе на распаденіе монархіи Карла Великаго. Въ 814 г. онъ умеръ и тотчасъ послѣ его смерти началось новое броженіе, обособленіе разнообразныхъ частей, историческая кристаллизація, если можно такъ выразиться. Искусственное единство, имъ созданное, уступило мѣсто великому разнообразію. Вмѣсто громадной имперіи явился міръ феодальныхъ владѣльцевъ. Имперія Карла Великаго заключала въ своихъ предѣлахъ нынѣшнюю Францію, Германію, почти всю Италію, часть Испаніи. Черезъ 29 лѣтъ вмѣсто нея было уже три независимыя другъ отъ друга королевства; черезъ 45 лѣтъ послѣ этого, королевствъ было уже не три, а семь; но разложеніе на этомъ не остановилось. Въ концѣ IX вѣка въ одной Франціи было уже 29 отдѣльныхъ владѣній, другъ отъ друга независимыхъ, то враждебныхъ одно другому, то заключающихъ другъ съ другомъ союзы. Въ концѣ X вѣка этихъ независимыхъ владѣній во Франціи было 55. Верховная власть монарха, такъ высоко поставленная Карломъ Великимъ, понизилась до полнѣйшаго ничтожества. Король Франціи владѣлъ всего нѣсколькими городами, за стѣнами которыхъ онъ не былъ безопасенъ. Во областяхъ южной Франціи не

знали, кто царствуетъ на сѣверѣ и не заботились справиться объ этомъ.

Обособленіе, кристаллизація не остановилась на этомъ образованіи множества отдѣльныхъ государствъ; она проникала повсюду, все дальше и дальше, до самыхъ низшихъ слоевъ общества. Внутри каждаго государства отдѣльные слои общества, сословія и классы, замыкались въ самихъ себѣ, жили своею особенною жизнью. Все замыкалось, все какъ бы прирастало къ своему мѣсту. Возникли замки, страна покрылась тяжелыми, массивными укрѣпленіями, отъ которыхъ не могли далеко отойти ихъ обитатели. Не къ дорогамъ, не къ естественнымъ или искусственнымъ путямъ сообщенія жмутся, тѣснятся населенія, а идутъ вдаль отъ нихъ, на высокіе скалы и холмы, за искусственные рвы и валы. Укрѣпленъ замокъ феодальнаго барона, грозною крѣпостью смотритъ монастырь, высокою стѣною и башнями окруженъ торговый или промышленный городъ и его дома, за недостаткомъ пространства между стѣнами, поднимаются высоко вверху многочисленными этажами. Не ограждено только жилище крестьянина, но за то крестьянинъ и жмется къ стѣнамъ замка своего господина, за то онъ и не можетъ ручаться за завтрашній день.

Феодализмъ совершенно отдѣлилъ классъ поземельныхъ собственниковъ отъ всѣхъ остальныхъ сословій. Феодальный владѣлецъ не могъ смотрѣть иначе, какъ съ чувствомъ глубокаго презрѣнія на всякаго, кто не имѣлъ чести и счастья принадлежать къ его сословію. Средневѣковые кутюмы - обычное право - средневѣковая литература наполнены рѣзкими выраженіями этого презрѣнія. Но, отдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ сословій, разорвавъ связи съ ними, феодальный владѣлецъ по необходимости долженъ былъ замкнуться за высокими стѣнами своего замка. Покидая его на время, онъ какъ бы на себѣ уносилъ укрѣпленія, одѣвая себя и своего коня въ железную одежду, столь тяжелую, что тогдашній воинъ, сбитый съ лошади, не могъ уже пошевелиться въ ней и подняться съ земли. Феодальные замки были разсѣяны иногда далеко другъ отъ друга, сообщенія между ними были трудны и опасны, и эта замкнутость, оторванность отъ остальнаго міра не остались безъ сильнаго и полезнаго вліянія на судьбу женъ и дочерей феодальныхъ владѣльцевъ.

Въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ феодальнаго замка, выходъ изъ котораго не всегда бывалъ безопасенъ, семья, т.е. мужъ, жена и дѣти жили какъ-бы отдѣльно отъ остальнаго міра, тѣсно

и близко другъ къ другу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, выходя изъ за стѣнъ своего замка, феодальный владѣлецъ велъ иногда самую дикую, безпорядочную жизнь, отдавался влеченію худшихъ страстей своихъ, но самое его положеніе заставляло его возвращаться скоро за стѣны замка, а безпрестанныя войны и опасности держали его иногда какъ бы взаперти долгое время и онъ, волей-неволей, оставался въ замкѣ. Въ отсутствіи мужа, жена заступала его мѣсто даже въ обоpонѣ замка; нерѣдко прекрасныя жены феодальныхъ владѣльцевъ оказывались храбрыми и благоразумными воинами въ дѣлѣ защиты своего укрѣпленнаго гнѣзда.

Постройка замковъ особенно усиливается въ IX и X вв. во время Норманнскихъ нашествій. Въ ужасной анархіи послѣдующихъ вѣковъ, причины, заставлявшія общество искать подобныхъ убѣжищъ сдѣлались все болѣе и болѣе настоятельными. И не только искали въ этомъ безопасности, но кромѣ того, видѣли еще средство къ безнаказанному грабежу, возможность охранять и укрывать плоды этого грабежа. Многие изъ феодаловъ вели разбойничью жизнь; имъ необходимо было пристанище, чтобы скрыться послѣ какой-либо экспедиціи, устоять противъ мщенія противниковъ, сопротивляться

администативной власти, которая старалась поддержать хотя нѣкоторый порядокъ въ странѣ. Такова была въ сущности цѣль постройки многихъ замковъ. Особенно послѣ Карла Великаго, во время Людовика Благочестиваго и Карла Лысаго, территорія Франціи покрывается подобными притонами; они вскорѣ дѣлаются столь многочисленны и столь опасны, что Карлъ Лысый, несмотря на свою слабость, въ интересахъ нѣ(?) личной безопасности и собственнаго авторитета, счелъ нужнымъ сдѣлать попытку къ ихъ уничтоженію. Въ капитуляріи 864 г. онъ повелѣваетъ:

„Мы желаемъ и настоятельно „приказываемъ, чтобы всякій, кто въ „послѣднее время построилъ безъ раз„рѣшенія нашего замки, укрѣпленія „или изгороди (haies) совершенно разру„шилъ ихъ въ срокъ отъ нынѣшняго „дня до Августовскихъ календъ, такъ(?) „сосѣди и жители окружающихъ мѣст„ностей терпятъ отъ этого много „стѣсненій и грабительства. И если „кто либо откажется разрушить эти „постройки, то пусть графы тѣхъ „графствъ, гдѣ онѣ построены, сами раз„рушатъ ихъ. Если кто либо воспро„тивится имъ въ этомъ, пусть не„медленно увѣдомятъ насъ самихъ“....

Предвидя, что сами графы могутъ быть заинтересованы въ существованіи замковъ, онъ кончаетъ такъ:

. . . . . „И если найдутся такіе графы, „которые пренебрегутъ этимъ приказа„ніемъ, то пусть они знаютъ, что, „согласно съ капитуляріями нашими „и предшественниковъ нашихъ, мы при„зовемъ ихъ къ себѣ и замѣстимъ „должности ихъ людьми, которые захо„тятъ и смогутъ исполнять прика„занія наши."

Капитулярій этотъ, несмотря на опредѣленность и строгость его, не имѣлъ никакихъ послѣдствій, а преемники Карла Лысаго и не требовали его исполненія. При послѣднихъ Каролингахъ число замковъ увеличивается съ необыкновенной быстротой. Однако борьба между желавшими строить замки и тѣми, кто хотѣлъ помѣшать этому, не прекращалась: она продолжается все XI, XII и XIII столѣтія. Не только короли, но и вассалы ихъ жалуются на это: каждый сюзеренъ съ неудовольствіемъ видитъ новый замокъ вассала на своей землѣ, ибо вассалъ такимъ образомъ обезпечиваетъ себѣ важное средство независимости и защиты. Постройка замковъ дѣлается постояннымъ предметомъ неудоволствія и жалобъ. Около 1020 г. въ подобномъ же случаѣ, Фульбертъ, епископъ Шартрскій, пишетъ королю Роберту письмо, которое мы приведемъ вполнѣ, ибо оно даетъ ясное и живое понятіе о важно-

сти этихъ споровъ и жалобъ:

„Сенбору своему Роберту, много-милостивому королю, Фульбертъ, епископъ Шартрскій, желаетъ пребывать вѣчно въ милости Короля королей.

Мы благодаримъ вашу доброту за то, что вы недавно прислали намъ вѣстника съ новостями о Вашемъ здоровьи и съ тѣмъ, чтобы онъ увѣдомилъ Ваше Величество о нашихъ дѣлахъ, послѣ того, какъ мы дадимъ ему отчетъ въ нихъ. Мы вамъ писали съ тѣхъ поръ по поводу золъ, которыя дѣлаетъ нашей церкви Жоффруа, виконтъ Шатоденскій (Geoffroy, vicomte de Châteaudun), который достаточно показываетъ и даже болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, что онъ не имѣетъ никакого уваженія ни къ Богу, ни къ Вашей Свѣтлости, ибо онъ возобновилъ замокъ Галардонъ (Galardon) нѣкогда разрушенный Вами; и по этому случаю мы можемъ сказать: Вотъ зло, которое приходитъ съ востока на нашу церковь. Но вотъ, кромѣ того, онъ еще осмѣливается предпринять постройку другаго замка, въ Иллье (Illiers), посреди владѣній св. Маріи; на что мы можемъ также сказать съ полною справедливостью: вотъ, зло идетъ съ запада. Теперь, принужденные писать вамъ вновь по поводу этого зла, мы приносимъ жалобу вашему милосердію и

просимъ у него помощи и совѣта; ибо въ этомъ горѣ мы не получили отъ сына вашего Гуго ни помощи, ни утѣшенія. Такимъ образомъ, проникнутые глубокою горестью въ сердцѣ своемъ, мы уже высказали ее на столько, что, по нашему приказанію, колокола наши, обыкновенно возвѣщавшіе радость и веселіе наше, перестали звонить, какъ бы для того, чтобы подтвердить нашу печаль; и Божественная служба, которую до сихъ поръ, по милости Божіей, мы справляли обыкновенно съ радостью сердца и устъ, теперь отправляется жалкимъ образомъ, тихимъ голосомъ и почти молча. И такъ, преклонивъ колѣна, мы умоляемъ вашу доброту, со слезами сердца и мысли: спасите святую церковь Матери Божіей, которой пастыремъ, хотя и недостойнымъ, Вы назначили меня; помогите тѣмъ, которые ждутъ только отъ Васъ одного, послѣ Бога, ихъ утѣшенія и облегченія тѣхъ золъ, которыя ихъ одолѣваютъ. Размыслите о средствахъ избавить насъ отъ этихъ страданій и превратить горе наше въ радость. Обратитесь къ графу Одону*), прикажите ему строго, именемъ вашей королевской власти, чтобы онъ со всею искренностью далъ необходимыя приказа-

*) Жоффруа былъ вассаломъ графа Одона II Шартрскаго, послѣдній же вассаломъ короля.

нія или же разрушимъ самъ эти сооруженія, сдѣланныя по вдохновенію діавола, во имя Бога и ради вѣрности Вамъ, во славу св. Маріи и ради любви къ намъ, всегда вѣрнымъ ему. Если же ни Вы, ни онъ не положите конецъ этому злу, которое производитъ смуту во всей нашей странѣ, что останется намъ сдѣлать кромѣ того, что воспретить формально божественную службу во всей нашей епархіи и самимъ, увы, противъ нашей воли и только по крайней необходимости, удалиться въ какое либо мѣсто, гдѣ мы не въ состояніи ни видѣть нашими глазами, ни терпѣть долѣе притѣсненіе святой церкви Божіей.

„Для того, чтобы не были принуждены сдѣлать это, мы вновь умоляемъ Ваше милосердіе жалобнымъ голосомъ; гдѣ Боже избави насъ отъ необходимости удаляться отъ васъ и признаться чужому королю или императору, что Вы не хотѣли или не могли защитить супругу Христа, святую Церковь, ввѣренную заботамъ нашимъ!"

Очевидно, что постройка этихъ двухъ замковъ показалась чрезвычайно важною, гдѣ подвинула епископа на закрытіе божественной службы. Преемники Фульберта по Шартрской епархіи сдѣлали еще лучше: они укрѣпили епископскій домъ и въ свою очередь

должны были разрушить эти укрѣп-
ленія. Въ хартіи, данной епископу
Шартрскому Этьенному, графомъ
Шартра и Блуа, мы читаемъ слѣ-
дующее:

„Если кто либо изъ будущихъ
епископовъ построитъ въ упомяну-
томъ епископскомъ домѣ башню
или укрѣпленія, то эта башня и
эти укрѣпленія должны быть срыты,
но самый домъ со службами долженъ
остаться."

Жизнь въ феодальномъ замкѣ
не отличалась разнообразіемъ и удо-
вольствіями. Приведемъ мѣсто изъ
стариннаго рыцарскаго романа Га-
рін le Loherain, гдѣ превосходно изоб-
ражена эта томительная скука, ко-
торая овладѣвала иногда обита-
телями замка. Рѣчь идетъ о Бего-
нѣ, герцогѣ Гени, одномъ изъ самыхъ
могущественныхъ феодальныхъ вла-
дѣльцевъ. Вотъ какъ начинается
разсказъ: Бегонъ былъ однажды въ сво-
емъ замкѣ Беленѣ. Возлѣ него была
жена его, прекрасная Беатриса, упи-
вавшаяся его ласками; тутъ же бы-
ли два малые его сына, игравшіе
съ другими дѣтьми." Герцогъ Бегонъ
смотритъ на нихъ и вздыхаетъ. Бе-
атриса говоритъ ему: „Сильный гер-
цогъ, отчего вы печальны? Вы имѣете
въ вашихъ сундукахъ много золота
и мѣховъ, вы имѣете соколовъ, боевыхъ

коней, муловъ и иноходцевъ, и вы побѣдили враговъ вашихъ. Всѣ ваши вассалы готовы идти, чтобы служить вамъ." Бегонъ отвѣчаетъ: „Дама, все что вы сказали, правда, кромѣ одного: ни золото, ни мѣха, ни кони не составляютъ еще богатства; богатство - это родня и друзья - сердце человѣка стоитъ золота всей страны.... Вотъ уже семь лѣтъ, какъ я не видалъ моего брата. Оттого я печаленъ и боленъ. Хочу съѣздить къ нему. Къ тому же мнѣ говорили, что въ Пюеллъскомъ лѣсу есть кабанъ такой, что никто никогда не видывалъ подобнаго. Я убью его и голову отвезу къ брату". Напрасно Беатриса убѣждаетъ его не ѣздить, - напоминая, что этотъ лѣсъ во владѣніяхъ заклятаго врага его -, Бегонъ ѣдетъ и гибнетъ.

Таково наглядное указаніе на замкнутость и монотонность жизни феодальнаго владѣльца въ его замкѣ; и дѣйствительно, подобнаго полнаго обособленія одного лица отъ другаго мы не встрѣчаемъ ни въ патріархальномъ бытѣ народовъ, ни въ городахъ Греціи, сдѣлавшихся государствами, ни въ жизни племенъ, составившихъ впослѣдствіи великій Вѣчный городъ, ни даже среди мелкихъ германскихъ племенъ, занявшихъ территорію имперіи. Къ этой первой чертѣ присоединялось другая - полнѣйшая бездѣятель-

ность, отсутствіе опредѣленныхъ, обязательныхъ занятій. Владѣтель замка не обязанъ ни обрабатывать своего поля, ни охотиться для пропитанія семьи, ни заниматься общественною или политическою дѣятельностью.

И вотъ откуда это вѣчное стремленіе выйти изъ замка, эта жажда развлеченій, подвиговъ, любовь къ приключеніямъ, всегдашняя готовность идти хотя бы даже въ далекій крестовый походъ. Заключенный въ стѣнахъ своего замка, пока это было необходимо, не находя выхода накопившейся мощи и силъ, феодальный владѣлецъ шелъ искать внѣ его того, чего ему недоставало дома — общества, дѣятельности.

Двѣ характеристическія черты развиваются въ феодальную эпоху: необыкновенная, дикая энергія въ развитіи отдѣльныхъ, индивидуальныхъ характеровъ и упорство нравовъ, ихъ долгое противодѣйствіе всякой перемѣнѣ, всякому прогрессу. Ни въ какомъ другомъ обществѣ новыя идеи, новые нравы не проводились съ такимъ огромнымъ трудомъ и цивилизація въ средневѣковой Европѣ была болѣе долгою и болѣе трудною, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Укрѣпленія, рвы и башни замковъ представляли такое же препятствіе новымъ идеямъ, какъ и новымъ непріятелямъ, и цивилизація, съ такимъ же трудомъ какъ и война, должна была проникать

чрезъ нихъ и входить въ нихъ.

Эта жизнь, развившаяся подъ вліяніемъ феодализма, очевидно, имѣла важное вліяніе на то великое движеніе, которое извѣстно подъ именемъ <u>Крестовыхъ походовъ</u>. Энергическое поколѣніе феодальныхъ бароновъ, выросшее за угрюмыми стѣнами своихъ крѣпкихъ замковъ, сильное и смѣлое, но самымъ складомъ тогдашней жизни осужденное на бездѣятельность, искало выхода въ воинственныхъ приключеніяхъ внѣ своихъ владѣній: далекіе походы въ неизвѣстную, но заманчивую по разсказамъ пилигримовъ, Святую Землю въ связи съ богоугодною цѣлью освобожденія Гроба Господня и борьбы противъ невѣрныхъ отвѣчали вполнѣ и страсти къ приключеніямъ и религіозному возбужденію умовъ тогдашняго общества. Движеніе это, предвозвѣстниками котораго являются ежегодно увеличивающіяся толпы пилигримовъ, вскорѣ съ неудержимою силою подчинило себѣ весь христіанскій западъ, вошло такъ сказать, въ плоть и кровь его и, въ теченіи двухъ вѣковъ, является предъ нами, какъ знаменіе времени, какъ насущная, жизненная потребность средневѣковаго общества. „Можно подумать, говоритъ Мишо, что нѣтъ во всей вселенной другаго горо

Изд. Давыдова.

да, кромѣ Герусалима, другой облитае мой земли, кромѣ той, которая заклю чаетъ въ себѣ Гробъ Христа Спасителя"... (Michaud. Hist. d. Crois. Exposition, p. 1-2.)

Но участіе въ этомъ великомъ движеніи принимало не одно только рыцарство; мы уже сказали, что оно охватило собою весь христіанскій западъ; и дѣйствительно, ряды крестоносцевъ пополнялись людьми всѣхъ званій и состояній; масса крестьянства, людей простаго сословія съ такимъ же одушевленіемъ и рвеніемъ принимали крестъ, какъ и доблестные, высокорожденные феодальные господа ихъ. И здѣсь первоначальную причину этого факта мы должны усматривать въ новомъ, феодальномъ строѣ жизни, тяжелымъ гнетомъ ложившемся на народъ. Извѣстно, что феодализмъ, подобно колонату въ римское время, отчасти способствовалъ уничтоженію крѣпостнаго права (какъ колонатъ уничтоженію рабства), но вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленію экономическаго гнета, который все сильнѣе и сильнѣе налегалъ на ту часть населенія, которая осталась подъ оброкомъ. Благодаря центробѣжной силѣ феодализма, отдаленности и слабости центральной власти, всѣ права ея по отношенію къ низшему слою населенія отошли къ феодаламъ, которые имѣли теперь право требовать не только оброка,

но и государственной повинности, произвольно увеличивая и уменьшая ее. Мало по малу, вследствіи пониженія одной части населенія въ своемъ status и повышенія другой, образовалось одно новое соціальное положеніе — servage; впрочемъ, въ той части населенія, для которой это уравненіе сословій явилось невыгоднымъ, воспоминаніе о прежнемъ соціальномъ положеніи никогда не исчезало; они всегда помнили, что сдѣлались чужими людьми (homines potestates, hommes de potest) благодаря нѣкотораго рода насилію. Съ другой сторона, населеніе не было еще на столько забито и подавлено, чтобы лишиться всякой возможности проявить свою собственную волю. Въ этой то массѣ, естественно, началось броженіе, исканіе выхода изъ тяжелаго положенія, результатомъ котораго является стремленіе на Востокъ, за Петромъ Пустынникомъ и другими проповѣдниками походовъ.

Такимъ образомъ, новый строй жизни, основанный на феодальныхъ началахъ, является первымъ и наиболѣе важнымъ стимуломъ Крестоваго движенія. Съ другой стороны, кромѣ вышеизложенныхъ причинъ, которыя мы можемъ назвать внѣшними, причины этого неудержимаго стремленія мы должны еще искать и въ нравственной сторонѣ жизни тогдаш-

няго общества, – какъ удачно выразился Зибель*), – въ аскетическомъ ея направленіи. При этомъ, онъ сопоставляетъ Востокъ съ Западомъ и находитъ громадное и существенное различіе какъ въ религіозномъ, такъ и въ общественномъ строѣ, въ самомъ характерѣ жизни того и другаго міра. Дѣйствительно, припомнимъ, что если въ мусульманскомъ мірѣ при началѣ его существованія преобладалъ религіозный фанатизмъ, то къ IV вѣку, съ тѣхъ поръ какъ началась реакція, въ особенности же у Персовъ, это одушевленіе совершенно потухло. Напротивъ того, съ этого же времени – съ IX вѣка – мы наблюдаемъ богатое и обширное развитіе арабской науки и всѣхъ другихъ сторонъ культуры, въ то же время, какъ религіозные вопросы отходятъ на второй планъ. Тогда же, какъ извѣстно, начинается распаденіе мусульманскаго міра въ политическомъ и религіозномъ смыслѣ. Халифатъ теряетъ свое преобладающее значеніе, возникаютъ новыя династіи и новые центры общественной жизни, политики и литературы. Словомъ, съ IX – XII вѣкъ мы видимъ на арабскомъ востокѣ самый яркій расцвѣтъ духовной, интеллектуальной жизни.

Напротивъ, на европейскомъ За-

---

*) Sybel: „Geschichte des ersten Kreuzzugs."

надъ это есть время исключительнаго преобладанія, можно даже сказать, гнета церкви. Извѣстно, что со времени Карла Великаго просвѣщеніе и образованіе выходитъ изъ тѣсныхъ церковныхъ рамокъ и проникаетъ и въ свѣтскіе классы общества. Самый характеръ его измѣняется, теряетъ свой прежде исключительно церковный оттѣнокъ: переписываются книги язычески-классическаго содержанія, собираются древніе національныя нѣмецкія пѣсни, учреждаются свѣтскія школы, гдѣ изучаютъ древнихъ поэтовъ и латинскій языкъ въ его первобытной чистотѣ. Но это первое Возрожденіе классическаго знанія, этотъ яркій проблескъ образованія продолжается не долго. По распаденіи монархіи великаго ея основателя, всѣ эти преданія свѣтскаго просвѣщенія, свѣтскаго, классическаго, язычеcкаго знанія подавлены, уничтожены религіозными стремленіями, которыя въ XI вѣкѣ особенно принимаютъ форму аскезы. Люди ищутъ спасенія посредствомъ умерщвленія плоти; не такъ, какъ древніе философы, которые тоже проповѣдовали философскую аскезу, не умерщвленіе, но освобожденіе отъ плоти и возвышеніе духа.... Теперь аскеза является въ совершенно иной формѣ: посты, самоистязаніе, бичеванія (особенно яркая форма) считаются

угоднымъ Богу путемъ приближенія къ Нему, единенія съ Нимъ, духовнаго возрожденія; этими аскетическими упражненіями человѣкъ, какъ предполагалось, выражалъ свое духовное сокрушеніе, раскаяніе во грѣхахъ.

Эти внѣшнія проявленія религіознаго сознанія до того овладѣли умами тогдашняго общества, что совершенно убили въ немъ дѣйствительное духовно-религіозное чувство, возвышающее и облагораживающее душу человѣческую; постоянное, вѣрное себѣ благочестивое настроеніе, соединенное со здоровымъ состояніемъ духа не имѣло болѣе цѣнности; наоборотъ, нервное возбужденіе - необходимое слѣдствіе аскезы -, чувство сокрушенія во грѣхахъ и затѣмъ просвѣтлѣнія, такъ сказать, духовнаго единенія съ Богомъ, эта экзальтація, возбужденная постами и истязаніями плоти, цѣнилась высоко; аскеза распространилась не только среди монаховъ, но и среди лицъ аристократическаго феодальнаго общества, - рыцарей и женъ ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ распространяется и весьма естественное стремленіе болѣе тѣснаго внѣшняго соотношенія съ Божествомъ, такъ сказать, осязанія его - усиливается почитаніе мощей и пилигримство. Главною заботою церквей, монастырей и частныхъ лицъ является пріобрѣтеніе мощей,

для чего допускается даже кража; масса свидѣтельствъ доказываютъ намъ, что появленіе новыхъ мощей почти всегда сопровождалось благочестивыми хищеніями*).

На ряду съ этимъ распространяется и усиливается пилигримство. Голодъ, холодъ и всякія другія лишенія, сопровождающія обыкновенно паломничество, стали также считаться высокимъ, угоднымъ Богу подвигомъ. Особенно усилилось оно къ 1000-му году и овладѣло по преимуществу западомъ Европы; масса пилигримовъ изъ Франціи, Италіи и Испаніи отправлялись въ Палестину; Восточная Европа не выставила и половины того количества благочестивыхъ богомольцевъ, которое далъ западъ. Начиная съ IV вѣка, отъ Бордосскаго путешественника до XII вѣка, до Іоанна Вюрцбургскаго тянется непрерывный рядъ описаній этихъ хожденій. Съ удивительнымъ усердіемъ, одушевленіемъ и единствомъ предался Западъ этимъ религіознымъ упражненіямъ. Это напра-

*) Къ этому же времени относится характерный случай съ Ромуальдомъ, святымъ основателемъ ордена Камальдуловъ. Еще при жизни его разсматривали, какъ мощи, такъ что когда онъ хотѣлъ оставить мѣсто своего жительства и перейти на другое, то его замыслили убить, чтобы сохранить мощи за собою.

вленіе, которое хотѣло внѣшними пріемами поста и молитвы, истязаній и бичеваній приблизиться къ Божеству, несомнѣнно содѣйствовало возможности крестоваго движенія, оказывая сильное вліяніе какъ на народную массу, такъ и на высшіе слои феодальнаго общества. И если мы сравнимъ міръ Западный съ арабскимъ міромъ того времени, то необходимо должны будемъ признать, что не было на Западѣ ни одной такой власти, которая могла бы ограничить вліяніе этого аскетическаго направленія, этой, можно сказать, болѣзни тогдашняго вѣка — не было ни общественной жизни, ни науки, такимъ яркимъ свѣтомъ горѣвшей на арабскомъ востокѣ, ни литературы, задавленной гнетомъ церкви и ея требованіями. Яркимъ выраженіемъ настроенія умовъ западнаго общества того времени можетъ служить фактъ, что выше всего стоитъ церковная власть папы, которая въ это время достигаетъ небывалаго могущества въ лицѣ Григорія VII, перваго иниціатора крестовыхъ походовъ.

И такъ, воинственное настроеніе, живущее въ Норманнскихъ рыцарскихъ замкахъ и аскетическое настроеніе, овладѣвшее обществомъ, даютъ въ сложности своей результатъ крестоваго движенія. При этомъ, конечно, остаются въ полной силѣ и частныя

причины, условія даннаго момента. Положеніе Византійской имперіи при императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ, конечно, ускорило первый Крестовый походъ. Мы уже знаемъ, въ какой опасности находилась Византія въ 90ᵘˣ годахъ XI вѣка, когда императоръ просилъ помощи у Запада; мы знаемъ также, что это положеніе было не долговременно, что вскорѣ Алексѣй получилъ возможность вести самъ свою политику, не преклоняясь передъ рыцарями Запада. Напротивъ, онъ старался извлечь возможно большую для себя выгоду изъ крестоваго движенія и, надо признать, успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо послѣ первого Крестоваго похода Никея, также какъ и большая часть малоазійской территоріи, отнятой турками, была возвращена Византіи.

Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что роль и вліяніе Византіи въ Крестовыхъ походахъ, на которое нерѣдко обращаютъ весьма мало вниманія, было далеко не маловажно и не второстепенно. Извѣстно, что когда вопросъ былъ поставленъ о владѣніи Палестиной и дальнѣйшей борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, — участіе Византіи въ рѣшеніи его являлось одинаково важнымъ, какъ и участіе западныхъ рыцарей. Прибавимъ къ этому, что если Крестовые походы не нанесли рѣшительнаго удара му-

сульманству, то это произошло только благодаря несогласію среди христіанъ, подобно тому, какъ до сихъ поръ Турки крѣпко держатся въ своихъ владѣніяхъ въ силу разрозненности политики христіанско-европейскихъ державъ.

Крестовые походы, между прочимъ, содѣйствовали къ выясненію того неизмѣримаго и существеннаго различія, которое обнаружилось между западнымъ, феодально-католическимъ міромъ и міромъ Восточнымъ. Эта точка зрѣнія, т. е. выясненіе важнѣйшихъ пунктовъ этого различія и составитъ первый вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію въ будущемъ курсѣ нашемъ; на ряду съ нимъ стоятъ два другіе, не менѣе интересные и существенные вопроса:

а) вопросъ о вліяніи арабской культуры на западную, несомнѣнно сказывающемся во всѣхъ почти сферахъ жизни западнаго общества послѣ крестовыхъ походовъ и

в) вопросъ о вліяніи арабской науки на философію и науку Запада.

Съ разрѣшенія проф. В. Г. Васильевскаго составлены и изданы М. Дабижа.

Адрес. [illegible]

Кронштадская ул. 35 кв. 19.